Киловая
и о
Ст. енсейский
п. 2 : 92
Н - 824

О ФИЛАРЕТѢ,

МИТРОПОЛИТѢ МОСКОВСКОМЪ,

МОЯ ПАМЯТЬ.

Изъ библіотеки Прот. И. Н. Четверухина
№ 7277

съ

предисловіемъ и примѣчаніями

Архимандрита Григорія.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

Проверено ... 5 г.

Пров. 1880

Вх
597

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1877 г., кн. 2-я.

194
60

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Преосвященнѣйшій Епископъ Никодимъ родился въ 1803 г., 5 Сентября, въ селѣ Комлевѣ, Рузскаго Уѣзда, Московской Губерніи, отъ Дьячка Ивана Ивановича Казанцева. Во святомъ крещеніи нареченъ былъ Никита. О своемъ дѣтствѣ онъ, 23 Августа, 1872 года, писалъ вотъ что:

«Я былъ грудной младенецъ. На господскомъ дворѣ нашего села была иллюминація. Мать моя (Евдокія), тогда молодая женщина, упросила своего мужа, а моего родителя, дозволить ей сходить посмотрѣть иллюминацію, прося его остаться дома и ухаживать за мною. Батюшка укачалъ меня въ люлькѣ: я заснулъ. Тогда и у него открылось желаніе посмотрѣть иллюминацію. Онъ потихоньку собрался и ушелъ изъ дома.

«Батюшка не имѣлъ осторожности — сперва отыскать матушку, чтобъ послать ее домой, и потомъ уже любоваться иллюминаціею: они сошлись случайно. Матушка спросила его обо мнѣ. Батюшка сказалъ: «Я укачалъ его; онъ уснулъ.» Матушка побѣжала домой, и нашла меня едва дышащимъ; я выплакалъ уже слезы и голосъ, стоналъ хрипя и почернѣлъ.

«Отселѣ начались страданія и мои и матери моей: я стоналъ дни и ночи. У матушки отъ лишенія сна при уходѣ за мною стало меркнуть зрѣніе.

«Такъ проведена осень, зима и часть весны 1803—1804 года.

«Въ Маѣ оба родители мои дали обѣтъ сходить пѣшкомъ въ Можайскъ (25 верстъ) со мною, и помолиться тамъ предъ иконою Святителя Николая, находящеюся въ Соборѣ, обо мнѣ и о себѣ.*

---

* Въ Николаевскомъ Соборѣ хранится древняя чудотворная, такъ называемая, Можайская икона Св. Николая, съ изображеніемъ въ его рукахъ меча и храма. Сказаніе объ этой иконѣ см. въ Декабр. книг. «Душепол. Чтенія,» 1872. Тамъ же, на стр. 413, помѣщенъ и разсказъ Преосв. Никодима объ его дѣтствѣ, который мы передаемъ теперь.

«По исполненіи сего обѣта я скоро выздоровѣлъ, и у матери моей омраченіе зрѣнія прошло.

«Вмѣстѣ съ родителями моими вѣрю и исповѣдую, что сіе чудесное милосердіе Божіе совершилось надъ нами молитвами угодника Божія, Николая Чудотворца, по молитвамъ родителей моихъ предъ святою иконою его, сущею въ Можайскомъ Соборѣ.

«Родитель мой, отпуская меня въ школу, когда мнѣ было только семь лѣтъ, благословилъ меня иконою Святителя Николая, хотя не во образъ Можайскаго. Святая икона сія сопутствуетъ мнѣ оттолѣ и доселѣ, и я многократно видѣлъ и чувствовалъ покровительство и защиту угодника Божія Николая Чудотворца, что также исповѣдую крѣпко и благодарно.»

Преосвященный воспитывался сперва въ Звенигородскомъ Духовномъ Училищѣ, потомъ (съ 1818) въ Виѳанской Семинаріи, находящейся въ трехъ съ половиною верстахъ къ юговостоку отъ Троицкой Сергіевой Лавры. Въ Московскую Академію * поступилъ въ 1826-мъ и окончилъ курсъ (седьмый) въ 1830 году, 5-мъ Магистромъ. Въ 1829 г., 31 Марта, будучи уже старшимъ Студентомъ, постриженъ былъ въ монашество; 5 Іюля посвященъ въ Іеродіякона; чрезъ годъ рукоположенъ былъ Владыкою Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, во Іеромонаха. По окончаніи курса, въ 1830 году, опредѣленъ былъ Инспекторомъ въ Тульскую Семинарію, вторымъ Профессоромъ Богословія и обучающимъ Еврейскому языку. Въ 1832 г. переведенъ въ Новгородскую Семинарію Инспекторомъ же и Профессоромъ Философіи; въ Октябрѣ 1833-го возвращенъ въ Тульскую Семинарію, по прежнему. Въ 1835 году, 17 Апрѣля, посвященъ былъ во Архимандрита, опредѣленъ Ректоромъ Вятской Семинаріи и Настоятелемъ Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря.

Въ 1837 году, по предложенію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Графа Н. А. Пратасова, Коммисія Духовныхъ Училищъ предписала всѣмъ Ректорамъ (Семинарій) написать свободно, по разумѣнію каждаго, Богословскій Конспектъ.

Поданный Конспектъ отъ покойнаго Преосвященнаго Владыкою Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, * былъ одобренъ

---

* Открыта въ Лаврѣ въ 1814 г., 1 Октября, на мѣсто Троицкой Семинаріи, тогда же упраздненной.

** Въ 1814 г., по опредѣленію Коммисіи Духовныхъ Училищъ, напечатано «Обозрѣ-

и объ составителѣ его дано было мнѣніе въ тогдашнюю Коммисію Духовныхъ Училищъ, столь для него выгодное и интересное, что онъ поставленъ былъ выше и бойчѣе прочихъ Ректоровъ того времени. Это было причиною вызова, по Высочайшему повелѣнію, Преосвященнаго Никодима въ Петербургъ, въ распоряженіе Г. Оберъ-Прокурора, для занятія по преобразованію духовнаго ученія и управленія. Въ распоряженіяхъ Г. Оберъ-Прокурора находился съ 15 Іюня, 1838, по 1-е Іюля, 1839 года. Оставаясь частію въ распоряженіяхъ Г. Оберъ-Прокурора, Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія, каковую службу продолжалъ два года. За тѣмъ опредѣленъ былъ Ректоромъ въ Херсонскую Семинарію, что въ г. Одессѣ, и Настоятелемъ Одесскаго Успенскаго монастыря, куда прибылъ 5 Октября, 1841 г. Въ 1845 г. перемѣщенъ былъ въ Курскую Семинарію, что въ Бѣлгородѣ, Ректоромъ же и Настоятелемъ Рыльскаго Николаевскаго монастыря. Въ 1850 году переведенъ также Ректоромъ въ Ярославскую Семинарію, съ назначеніемъ въ управленіе Ростовскаго Богоявленскаго Аврааміева монастыря. Въ концѣ 1853 г., Указомъ Свят. Синода, былъ вторично вызванъ въ С.-Петербургъ для исправленія чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія; въ слѣдующемъ году, 29 Генваря, Св. Синодомъ избранъ, и 30-го Высочайше утвержденъ, во Епископа Чебоксарскаго, Викарія Казанской Епархіи. Во Епископа посвященъ 14 Февраля, того же 1854 года, С.-Петербургскимъ Митрополитомъ Никаноромъ въ соучастіи 5-ти Архіереевъ. Въ Казань прибылъ 21 Марта и водворился въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ и прожилъ почти 7 лѣтъ, до 1861 года, при двухъ Архіепископахъ Казанскихъ, Григоріѣ и Аѳанасіѣ. * Въ 1859 году, по распоряженію Св. Синода, въ теченіи 10-ти мѣсяцевъ управлялъ Вятскою Епархіею, по случаю отбытія въ Синодъ Епидифора, Епископа Вятскаго. ** Наконецъ въ 1861 году, по Высочайшему повелѣнію на докладѣ Св. Синода, назначенъ въ новооткрытую Енисейскую Епархію Епископомъ, съ помѣщеніемъ Архіерейской каѳедры въ г. Красноярскѣ, куда покойный Преосвященный прибылъ 5 Генваря, 1862

ніе Богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ Высшихъ Духовныхъ Училищахъ,» стр. 1 — 56, составленное Архимандритомъ Филаретомъ.

* См. объ нихъ примѣчанія въ концѣ Записокъ 66 и 124.

** Примѣч. 19

года. Въ это жестокое морозами время, ѣхавши почти всегда день и ночь, Преосвященный получилъ страшный ревматизмъ, который мучилъ его во все остальное время жизни. Въ 1870 г., согласно прошенію, по разстроенному здоровью, Высочайше уволенъ отъ управленія Епархіею, съ дозволеніемъ помѣститься въ одномъ изъ монастырей Московской Епархіи по соглашенію съ Митрополитомъ Московскимъ. Таковымъ монастыремъ избранъ Перервинскій Николаевскій монастырь въ окрестностяхъ Москвы, куда Преосвященный прибылъ въ первыхъ числахъ Августа, 1870 года, и гдѣ жилъ на покоѣ до самой почти кончины, никуда, кромѣ Москвы, и то изрѣдка, не выѣзжая. 19 Мая, 1874 года, Преосвященный совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ безъ всякаго предупрежденія, пріѣхалъ въ городъ Дмитровъ и хотѣлъ было на свободномъ воздухѣ, въ кругу родныхъ, полѣчиться. * Но водянка, развившаяся до послѣднихъ предѣловъ, въ соединеніи съ болѣзнію ноги, до того изнурили слабыя силы его, что не было никакой возможности поддержать здоровье его. Преосвященный скончался 11-го числа Іюня, того же года, на глазахъ и почти на рукахъ родной сестры своей. Отпѣваніе совершено было Епископомъ Дмитровскимъ, Преосвященнымъ Леонидомъ, Викаріемъ Московскимъ, 14 числа, въ Дмитровскомъ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ тѣло почившаго Святителя и погребено, въ придѣлѣ Св. Митрофана Воронежскаго. **

Свѣдѣнія изъ жизни покойнаго Преосвященнаго заимствованы мною изъ его послужнаго списка и частію изъ записокъ, оставшихся послѣ покойнаго, которыя началъ онъ въ Красноярскѣ, 30 Мая, 1868 года, и окончилъ въ томъ же году, 6 Октября. Онѣ озаглавлены такъ: «О Филаретѣ, Митрополитѣ Московскомъ, моя память.» Сочинитель передаетъ объ немъ, по большей части, свои личныя воспоминанія, а по тому неизбѣжно касается и своей службы и многообразныхъ отношеній своихъ къ другимъ лицамъ. Изъ того, что сообщаетъ онъ о знаменитомъ Іерархѣ, иное было записано своевременно, вскорѣ, т. е., послѣ свиданія со Владыкой, а все остальное писано по памяти, которая не всегда вѣрно передавала ввѣренное ей въ давнопрошедшее время, особливо изустныя рѣчи,

---

* Въ домѣ зятя своего, Протоіерея Георгія Кирилловича Добронравова (ум. 1874, Сент. 7), и родной сестры своей, Маріи Ивановны, жены Протоіерея.

** Некрологъ его въ Моск. Епарх. Вѣдом. 1874, № 32.

въ свое время не записанныя. Не смотря на преданность Филарету, благодѣтелю своему, онъ позволяетъ себѣ изрѣдка неосторожные отзывы объ немъ, подъ предлогомъ, конечно, безпристрастія и свободы въ сужденіяхъ. Рѣзко и съ нескрываемою досадой пишетъ онъ о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, не исключая высоко стоявшихъ въ церковной Іерархіи, не исключая и бывшихъ товарищей по Академіи, что производитъ прискорбное впечатлѣніе. Въ объясненіе этого замѣтимъ, что и ему самому другіе дѣлали кое-что поперекъ, и вообще служба Преосвященнаго была не слишкомъ завидная: дважды онъ былъ Инспекторомъ Тульской Семинаріи, 20 почти лѣтъ служилъ Ректоромъ въ другихъ городахъ, съ 1861 г. управлялъ отдаленною Енисейскою Епархіей... Причины не блестящаго положенія его заключались, надо полагать, въ немъ самомъ, въ томъ именно, что, при кажущейся простотѣ и Ангельской добротѣ своей, онъ какъ-то не сходился, не уживался съ людьми, въ слѣдствіе, должно быть, неосторожности, неподатливости и неустойчивости характера, каковые недостатки и самъ Преосвященный признаетъ за собою. Отсюда недовольство собой, особенно при мучительномъ ревматизмѣ; а избытокъ собственнаго неудовольствія разливался на другихъ: этимъ какъ бы вымещалось на другихъ чувство скорби и досады на себя. Безотносительно къ этому, Записки Преосвященнаго, написанныя мастерскимъ перомъ, не лишены достоинства и занимательны въ высшей степени; наиболѣе важнымъ мнѣ кажется эпизодъ съ XVII до XXIII главы включительно; а для біографіи Митрополита Филарета онѣ заключаютъ драгоцѣнный и обильный матеріялъ, за который нельзя не поблагодарить почтеннаго сочинителя съ пожеланіемъ мира душѣ его.

Архимандритъ Григорій.

О ФИЛАРЕТѢ,

МИТРОПОЛИТѢ МОСКОВСКОМЪ,

МОЯ ПАМЯТЬ.

I.

Прежде нежели поступилъ Филаретъ на Московскую каѳедру,[1] я, будучи еще отрокомъ, слышалъ отъ моего дѣдушки, Священника въ городѣ Рузѣ, при Покровской церкви, Бориса Гавріиловича, о Филаретѣ слѣдующую рѣчь: «Говорятъ, будто этотъ Филаретъ насквозь видитъ человѣка.» Я понялъ тогда это буквально, т. е., подумалъ, что Филаретъ видитъ внутренность человѣка какъ въ хрустальномъ стаканѣ воду.

II.

Въ первые я увидѣлъ Филарета въ Виѳанской Семинаріи, въ Декабрѣ 1821 года, т. е., въ первый годъ поступленія его на Московскую каѳедру.

Онъ былъ на экзаменахъ въ Академіи (въ Лаврѣ) и въ Виѳаніи (у насъ).

Тогда приписывали это неблаговременное посѣщеніе Лавры и Виѳаніи его нетерпѣливости выказать свою блестящую ученость предъ Академіею и Семинаріею. Нынѣ я разсуждаю иначе: Филарета влекли въ Лавру чувствія благочестія и сладкія воспоминанія проведенной здѣсь всей его юности и перваго цвѣта мужества. Ученое обозрѣніе было только благовидный предлогъ.

Филаретъ былъ истинно благочестивый человѣкъ.

Тогда была погода дурная: растаялъ снѣгъ; ѣздили на колесахъ. Филаретъ пренебрегъ и такою погодою.

Тогда я былъ въ Низшемъ Отдѣленіи Семинаріи.

Съ другими я послушалъ, приложа ухо, а болѣе насмотрѣлся въ щель сквозь дверь на Филарета, когда онъ присутствовалъ на экзаменѣ по Философіи въ Среднемъ Отдѣленіи.

Профессоръ, Павелъ Николаевичъ Наумовъ, онъ же и Инспекторъ, былъ ученикъ Филарета, 1-го курса С.-Петербургской Академіи (1809—1814), Кандидатъ, человѣкъ гордый, но мелкаго ума, хотя весьма прилежный. Филаретъ сердился на него. [2]

Съ Филаретомъ сидѣлъ Дамаскинъ, Епископъ Тульскій, проѣзжавшій въ это время изъ Новгорода въ Тулу, куда былъ назначенъ; онъ молчалъ. [3]

Я съ благоговѣніемъ разсматривалъ и, можетъ быть, прикоснулся къ теплой рясѣ Митрополита, лежавшей въ передней комнатѣ: покрышка темнокоричневая, а мѣхъ либо куній, либо соболій.

Зашелъ и въ Низшее Отдѣленіе Филаретъ. Онъ далъ намъ только вопросъ:

«Наименуйте изъ Христіанской Исторіи Государя, котораго язычники хвалятъ, а Христіане бранятъ.»

Разумѣлъ—Іуліана Отступника. Кажется, ему отвѣтили.

У него въ это время была въ рукахъ трость съ золотымъ круглымъ наглавіемъ. Оно блеснуло мнѣ въ глаза: я умилялся.

На память сего я имѣю похожее наглавіе на моей черной трости, сдѣланное еще въ Одессѣ.

Филаретъ мнѣ тогда показался столь тощимъ и истонченнымъ, что я подумалъ: «Онъ завтра умретъ», и пожалѣлъ.

Принимая его благословеніе, и лобызая его десницу, я находилъ его руку и тогда меньше моей.

Преосвященный Евгеній Ярославскій [4] сказалъ мнѣ Филаретово признаніе: «Когда я въ первый разъ вошелъ въ комнаты Митрополита въ Лаврѣ Преп. Сергія, у меня покатились слезы, горькія, сладкія. За 12 лѣтъ предъ симъ я входилъ сюда съ трепетомъ, какъ одинъ изъ малыхъ подчиненныхъ Митрополиту Платону. [5] Могъ ли я вообразить, что самъ буду на его мѣстѣ?»

Филаретъ съ Евгеніемъ, яко товарищи, были во всегдашнемъ братствѣ.

III.

Почти каждый годъ Филаретъ пріѣзжалъ въ Лавру, въ половинѣ Іюня, на экзамены въ Академію.

Публичный экзаменъ былъ въ одинъ день. Въ это время дозволялось быть въ залѣ экзамена и постороннимъ.

Я былъ всегдашній слушатель ихъ съ 9 часовъ утра до 2 и 3,

даже иногда до 4 часовъ по полудни; я стоялъ въ толпѣ мѣщанъ, у печки и дверей, слушая благоговѣйнно происходящее: вопросы Профессоровъ, отвѣты Студентовъ; вопросы Филарета, отвѣты Студентовъ и Профессоровъ.

Вопросы Филарета всегда степенные, интересные, должные, прямо относящіеся къ дѣлу.

Довольно было терпѣнія у Владыки выслушивать отвѣты даже слабые, легкіе, боковые; обличенія и опроверженія его большею частію безстрастны, всегда основательны, неопровержимы.

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ разрѣшить вопросъ умами Студентовъ и Профессоровъ, при чемъ Филаретъ прибавленіями къ возраженію увеличиваетъ важность отвѣта,—наконецъ покрываетъ дѣло самъ Владыка, давая на свой вопросъ отвѣтъ полный, ясный, свѣтлый, ограничительный.

Въ это время и мой маленькій умъ видѣлъ въ Филаретѣ солнце ума, озаряющее всю окрестность. Блестящіе отвѣты Студентовъ и основательныя рѣчи Профессоровъ при этомъ свѣтилѣ кажутся легкимъ мерцаніемъ истины.

Я всегда выстаивалъ такіе экзамены до конца, и иногда едва держусь на ногахъ отъ усталости и изнуренія, душа же трепещетъ сладостно, будучи наполнена высокими помышленіями.

Послѣ Академическихъ экзаменовъ Филаретъ бывалъ на экзаменѣ у насъ, въ Виѳаніи, дня черезъ три, или даже черезъ недѣлю послѣ Академическихъ.

Экзаменъ публичный одинъ день и одно засѣданіе.

Изъ трехъ часовъ засѣданія болѣе двухъ часовъ употреблялось на Богословію и вообще на предметы Высшаго Отдѣленія; остальной часъ—для Средняго и Низшаго Отдѣленій, по главнымъ предметамъ.

И здѣсь Филаретъ—былъ Филаретъ: свѣтило ума; тонкое разсужденіе, ясное, блестящее изложеніе мыслей, огненный взоръ, чистота: благожеланіе, добродѣтель, какъ будто обоняешь святость Божію въ присутствіи Филарета.

Не могу похвалить, и всегда жалѣлъ я о трусости и переполохѣ профессіи и властей Академическихъ и Семинарскихъ предъ лицемъ великаго Филарета.

Они были робки, мизирны, унижительны, едва выговаривали слова, въ то время, когда Владыка, какъ Ангелъ Божій, хотѣлъ мира, сіялъ благожеланіемъ, любовію, сочувствіемъ, желалъ радоваться намъ

и съ нами, хотѣлъ ободрить и поощрить посильные труды и годные успѣхи.

Правда, Филаретъ не любилъ ни Ректора нашего Виѳанскаго, Никанора, [6] ни Инспектора—Ѳеодотія,[7] ни Ректора Академическаго—Поликарпа. [8]

Никаноръ былъ почти товарищъ Филарета, администраторъ примѣрный, житіемъ безукоризненный, служитель ревностный и добросовѣстный, но наставникъ слабый. Кажется, Филаретъ въ Никанорѣ презиралъ только его слабость ученую, а онъ думалъ, что Филаретъ презираетъ всего его и всю службу его.

(Никаноръ самъ въ послѣдствіи былъ Митрополитомъ С.-Петербургскимъ).

Ѳеодотій былъ уменъ, но строптивъ, заносчивъ и неровенъ въ характерѣ, особенно имѣлъ слабость—осмѣивать другого. Филаретъ въ немъ это ненавидѣлъ.

(Ѳеодотій скончался Архіепископомъ Симбирскимъ).

Поликарпъ имѣлъ слабость нетрезвости. Филаретъ за это презиралъ его.

(Поликарпъ скончался въ отставкѣ Архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ).

Но Филаретъ не любилъ слабостей ихъ, а ихъ самихъ щадилъ и терпѣлъ.

Разскажу нѣсколько приключеній.

Первое. Филаретъ пріѣхалъ въ Лавру, для Лавры или для Академіи, но въ срединѣ учебнаго времени, а не на экзамены.

Побывъ дня три въ Лаврѣ, онъ далъ знать, что намѣренъ сегодня быть въ Виѳаніи, и приказалъ каждому быть на своемъ мѣстѣ и дѣлать свое дѣло.

Было около 11 часовъ дня. Пріѣхалъ Филаретъ. Прямо въ Семинарію. Прямо на классъ Высшаго Отдѣленія. Въ это время Церковная Исторія. Преподаватель—Инспекторъ, Магистръ, Іеромонахъ Іеронимъ. [9]

Филаретъ вошелъ въ залу. Іеронимъ подбѣжалъ къ нему на благословеніе, и тотчасъ, отвернувшись отъ него, сѣлъ въ кресла Профессорскія.

Ученики стоятъ за партами. Іеронимъ махнулъ имъ рукою и сказалъ: «Садитесь!» Ученики не смѣютъ. Іеронимъ повторяетъ: «Садитесь!» Не робѣйте: это жатель». (Указывая на Филарета, который стоитъ посреди залы, смотря на сцену). Ученики, однако же, не смѣютъ

сѣсть. Филаретъ съ нѣжною и мягкою улыбкою, легкимъ наклоненіемъ головы, далъ понять, что соглашается, чтобъ ученики сѣли. Сѣли.

Между тѣмъ Филаретъ, не имѣя мѣста, гдѣ бы присѣсть, отошелъ къ сторонѣ и сѣлъ на пустую скамью за пустою партою, молча, ожидая, что будетъ.

Іеронимъ, сидя важно въ креслахъ, и имѣя предъ собою маленькій столикъ, на коемъ лежала закрытая книга, заговорилъ возгласно (не дождавшись приказанія):

«Церковная Исторія есть, основанное на твердыхъ свидѣтельствахъ, отъ частныхъ повѣствованій къ общимъ соображеніямъ возведенное и къ дѣятельному наставленію направленное, изложеніе происхожденія на земли Церкви Божіей, и перемѣнъ въ ея внѣшнемъ и внутреннемъ состояніи послѣдовавшихъ, и непрерывнаго ея подъ особеннымъ промысломъ сохраненія, отъ начала міра до нынѣ.»

Это есть начало введенія въ Церковную исторію, соч. Филарета, книга классическая. [10] Закрытая книга на столикѣ была эта самая Исторія.

Іеронимъ прочиталъ за тѣмъ все сіе введеніе, очень не малое буквально и торжественно. Окончивъ чтеніе, онъ важно всталъ, помолился Богу и подбѣжалъ къ Филарету для благословенія.

Филаретъ съ улыбкою, смѣшанною съ удовольствіемъ (ибо то была его Исторія) и пренебреженіемъ (ибо это рабство, безсмысліе, лесть и лицедѣйство), благословилъ Іеронима, и послѣ прислалъ ему книжицу съ надписью: «За неробкое преподаваніе лекціи.»

(Іеронимъ скончался, въ санѣ Архимандрита, въ С.-Петербургѣ, на чредѣ, въ Декабрѣ 1834 года, почти окончивъ ее.)

Второе. Филаретъ, окончивъ экзаменъ въ Академіи, на извѣстный день далъ приказаніе, чтобы въ этотъ день былъ экзаменъ въ Виѳанской Семинаріи, и послалъ сюда, въ родѣ предсѣдателя, Ректора Академіи, сказавъ: «Начинайте экзаменъ въ 9 часовъ, а я пріѣду, когда удосужусь.»

Экзаменъ у насъ начатъ былъ точно въ это время (въ Высшемъ Отдѣленіи, по Богословіи). Въ 11 часовъ вѣстовые дали знать, что Филаретъ ѣдетъ.

Наши Власти прекратили экзаменъ и поспѣшили на встрѣчу Филарета.

Они прошли довольно далеко, на пр., саженъ 30 отъ залы собранія.

Подъѣхалъ Филаретъ. Служитель оттворилъ дверцы кареты: Власти кланяются, но Филаретъ сидитъ въ каретѣ, не выходитъ.

Вышелъ наконецъ Филаретъ. Власти спѣшатъ принять благословеніе. Владыка идетъ мимо ихъ.

Вошелъ въ залу. Сѣлъ. Потомъ обращается къ Властямъ съ такою рѣчью: «За чѣмъ вы выбѣжали ко мнѣ? Развѣ я не знаю, что вы заняты дѣломъ? Грабить меня хотѣли, или думали отъ меня защищаться, какъ грабителя?»

Власти поникли. Владыка гнѣвенъ и тревоженъ.

Началъ экзаменъ опять снова. Въ это время примѣчательны два приключенія, изъ коихъ одно близкое ко мнѣ:

1) На канунѣ этого дня Ректоръ призывалъ меня (я тогда былъ первый), и умолялъ готовиться къ хорошимъ отвѣтамъ, и сіе онъ внушалъ мнѣ съ такою робостію и малодушіемъ, что я уничижилъ его въ душѣ своей. Между тѣмъ зная, что мои товарищи затвердили уроки Богословія очень хорошо, я осмѣлился о. Ректору выразиться такъ: «Не смущайтесь, о. Ректоръ: зададимъ пыли,» т. е., будемъ отвѣчать отлично.

Что же? Точно ученики отвѣчали бойко, кромѣ меня. Я совершенно сталъ молча. И вотъ въ чемъ бѣда. Какъ перваго, меня Филаретъ и спросилъ первымъ. Между тѣмъ первый вопросъ нами не ученъ; а отвѣчать надобно по Латыни. Я сталъ въ тупикъ.

На этотъ вопросъ надлежало исчислить шесть дней творенія міра. (Ректоръ справедливо выпустилъ сей вопросъ, сказавъ: «Это вы знаете изъ Библейской Исторіи»). Мнѣ предстояло двѣ работы: припоминать, что сотворилъ Богъ въ каждый день, и переводить это по Латыни.

Я сказалъ: «Deus creavit hunc mundum sex dierum spatio,» и остановился, работая и памятію и умомъ на дальнѣйшее.

Филаретъ, видя, что я замялся, говоритъ мнѣ: «Quare?»—Онъ, конечно, хотѣлъ освободить меня отъ конфуза; но вопросъ былъ такъ тяжелъ, что я и теперь не скоро бы собрался на него что либо отвѣтить сносное.

Ректоръ же, стоя около меня, совершенно растерянный и трясущійся, твердитъ мнѣ на ухо: «Quare? Quare?»—Это меня только смущало и приводило въ досаду.

Я сказалъ что-то, приближаясь къ мнѣнію Филарета въ его Библейской Исторіи, а именно, что Богъ чрезъ сіе хотѣлъ показать свою свободу и всемогущество, а тварямъ давалъ испытывать свои силы и совершенство.

Филаретъ меня посадилъ, видя, что я смущенъ, и не могу отвѣчать далѣе.

(Прекрасное, тонкое и вѣрное благоразуміе!) За тѣмъ прочіе ученики отвѣчали уже ученое, и, слѣдовательно, отвѣчали отлично.

Такимъ образомъ сконфузился только я: такъ смиряетъ Богъ самонадѣянныхъ!

Однако же, для возстановленія моей чести, я сталъ внимательно выслушивать вопросы Филарета, съ тѣмъ, чтобы дать хоть на одинъ порядочный отвѣтъ.

Мнѣ это отчасти удалось.

Филаретъ спросилъ: «Были ли раи и адъ до пришествія Христова? По притчѣ Христовой о Богатомъ и Лазарѣ, которую при томъ иные толкователи почитаютъ за исторію, надобно подумать, что и до Христа были раи и адъ, въ раздѣленіи. Между тѣмъ Ветхозавѣтные праведники, умирая, обыкновенно приговаривали: «Иду во адъ;» да и раю быть до искупленія, кажется, не можно.»

Много было разныхъ рѣчей и отвѣтовъ. Филаретъ поддерживалъ вопросъ, обезсиливая даваемые отвѣты, которые давали и сами Власти.

Я, выждавъ удобное мгновеніе, всталъ и сказалъ: «Можетъ быть, Іисусъ Христосъ сказалъ притчу, или разсказалъ исторію, о Богатомъ и Лазарѣ, по предваренію, зная, что, по совершеніи имъ искупленія, съ Богатымъ и Лазаремъ будетъ то, что излагается въ притчѣ!»

Филаретъ сказалъ: «Ты хорошо отвѣчаешь.» Потомъ сталъ искриться своею блестящею, свѣтлою какъ солнце рѣчью, придерживаясь въ сущности того, что я сказалъ, но взявши дѣло шире и сжавъ рѣчь свою на твердѣйшихъ основаніяхъ.

Я позабылъ свой конфузъ и свое горе: такъ и въ маломъ великъ Господь!

2) Виѳанскій монастырь состоитъ подъ начальствомъ Намѣстника Лавры. Тогда былъ Архимандритъ Аѳанасій Намѣстникомъ, вовсе неученый человѣкъ, но хорошій живописецъ, жизни строго-монашеской. [11]

Онъ стоялъ было въ облаченіи и со крестомъ во вратахъ монастыря, на всякій случай, если бы, на примѣръ, Филаретъ вздумалъ, ѣдучи въ Семинарію, сперва побывать въ монастырѣ.

Такъ какъ Филаретъ пошелъ прямо въ Семинарію, то о. Намѣстникъ, снявши ризы, пошелъ въ Семинарію, и вошелъ въ залу, гдѣ уже начался экзаменъ. Мы тотчасъ всѣ встали. Встали и Власти. Намѣстникъ, сдѣлавъ шага два отъ двери, отвѣсилъ Филарету глубокій поклонъ: Филаретъ молча, лѣвою рукою чрезъ свое плечо указывалъ Намѣстнику мѣсто, гдѣ сѣсть.

Намѣстникъ либо не разглядѣлъ, либо не скоро понялъ, еще сдѣлалъ шага два, или три, и опять глубоко поклонился. Филаретъ опять молча дѣлаетъ движеніе лѣвою рукою. Догадался Намѣстникъ; пошелъ къ мѣсту, и сѣлъ, и всѣ сѣли, и мы сѣли.

Тогда Филаретъ началъ такую строгую и гнѣвную рѣчь:

«За чѣмъ вы вскочили? Пришелъ Намѣстникъ Лавры: и для него надобно бросить дѣло, и всѣмъ вскочить?—Великъ человѣкъ Намѣстникъ Троицкой Лавры! Мы занимаемся дѣломъ: Намѣстникъ пусть, если хочетъ, послушаетъ, взявши себѣ тихонько мѣсто.»

«Вотъ вы хорошо научили учениковъ своихъ льстить; а дѣло дѣлать учите не такъ усердно.»

Намѣстникъ, по простотѣ и полнѣйшей преданности Филарету до исчезновенія, кажется, не оскорбился некрасивою для него рѣчью; но Властямъ было стыдно, хотя, правду сказать, виноваты только мы, по тому что мы первые встали и заставили собою встать и Властей.

Замѣчаніе же Филарета совершенно справедливое и благоразумное. Оно мнѣ служило всегда урокомъ въ жизни и служитъ. Если я въ обществѣ не первый, то всегда встаю тогда, когда встанетъ первый. Иначе я приказывалъ бы первому дѣлать то, что я дѣлаю, и можетъ быть еще не вѣрно.

Филаретъ, правду сказать, немножко нещадно обращался со Властями, при томъ публично и въ виду насъ, мальчиковъ, но и можно извинить: а) лѣтами его—ему тогда было 44 года (въ 1826 году); б) низкою трусостію Властей, ложнымъ подобострастіемъ, хуже рабскаго; в) слишкомъ грубыми ошибками со стороны ихъ; г) правдою на сторонѣ Филарета; д) его несравненною поверхностію надъ ними умомъ, знаніемъ и талантами.

Пребывая около тридцати дней въ Лаврѣ, Филаретъ питалъ свою душу всѣмъ, чѣмъ она была занята, а именно: ученостію, святостію, тишиною.

Филаретъ длилъ экзамены Академическіе и томился въ нихъ, засѣдая неподвижно отъ пяти до седми часовъ ежедневно, не по тому, что онъ считалъ это своимъ долгомъ, или же, чтобы похвастаться своимъ превосходствомъ надъ ученѣйшими (какъ иные укоризненно выговаривали), но по тому, что онъ наслаждался ученостію, росъ съ ней, вмѣстѣ съ нами, желалъ незавидно расточить богатство ума своего и на насъ, и отъ насъ получить поощреніе къ новымъ расшире-

ніямъ духа и пріобрѣтеніямъ: таково свойство великихъ душъ. По крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Сколько великъ умомъ и талантами, столько же преданъ былъ Филаретъ святости. Благоговѣйство предъ Богомъ у него было насущною потребностію, господствующею. Преподобнаго Сергія онъ величалъ такъ искренно, какъ нѣжный сынъ приверженъ къ добрымъ родителямъ.

Онъ чтилъ его какъ своего воспитателя, оберегателя, руководителя; онъ приникалъ ко всѣмъ слѣдамъ его и училъ себя походить на него. И вся святая Лавра, столько храмовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ святую исторію, даже вся площадь Лавры, ея прахъ и то, что подъ нимъ въ пять столѣтій сокрыто и погребено, его возбуждали къ великому благоговѣнію.

Въ Лаврѣ Филарета я всегда видѣлъ восторженно умиленнымъ. Видно было, что онъ носилъ рай въ душѣ своей.

Лавра въ это время особенно наполнена богомольцами. Это не праздные люди, шатающіеся по бульварамъ, улицамъ, площадямъ, въ садахъ, на рынкахъ, на гульбищахъ. Самый разсѣянный здѣсь мыслитъ, самый вольный сжимается, поникаетъ взоромъ, едва смѣетъ дышать.

Благочестивые же свободно изливаютъ свои чувствія благоговѣйнства, кладутъ поклоны, обливаются слезами.

Богобоязненному Архипастырю можно ли все сіе видѣть, и не сочувствовать, или паче не давать высшихъ примѣровъ благочестія своею личностію?

Не смотря на толикія тысячи людей благоговѣйныхъ, и безпрестанно смѣняющихся, Владыка оставался самъ при себѣ, одинъ въ изящныхъ палатахъ Настоятеля: его не тревожилъ какой ни будь нахалъ, пустословъ, надменный, невѣръ. Здѣсь ихъ нѣтъ. У него бываютъ здѣсь только тѣ, кому онъ сіе дозволитъ, и тогда, когда назначитъ. Слѣдовательно, здѣсь онъ Царь своего времени.

Утреня протяженная въ 4 часа утра, за тѣмъ девять литургій въ девяти церквахъ, а тамъ вечерня, и всегда съ людьми, наполняющими всѣ храмы до тѣсноты: вотъ что видитъ и слышитъ Владыка въ Лаврѣ.

Столъ его здѣсь бывалъ удивительно скромный, младенческій: не въ постные дни онъ питался молокомъ, ягодами, въ это время поспѣвающими, земляникою, черникою, малиною.

Когда и я былъ въ Лаврѣ въ это время (съ 1826 по 30 годы), или близъ нея (1818—26), мнѣ казалось, что во время пребыванія здѣсь

Филарета, Лавра была дважды святою, и на самаго Филарета смотрѣлъ какъ на святый умъ, а не просто на ученаго человѣка.

IV.

Во время ученія моего въ Московской Духовной Академіи я два раза былъ спрошенъ Филаретомъ, на экзаменахъ: а) въ 1828 году, при окончаніи курса въ Низшемъ Отдѣленіи; б) въ 1830 году, при окончаніи всего Академическаго курса.

Въ оба раза мои отвѣты были неудачны; но и въ оба раза я былъ пощаженъ Владыкою, и какъ-то ускользалъ отъ осужденія.

Въ Низшемъ Отдѣленіи я былъ спрошенъ по Философской Исторіи, о Греческихъ философахъ Анаксимандрѣ и Анаксименѣ, и еще о третьемъ за ними. Уроки Латинскіе учены давно, еще въ первомъ году, повторены плохо. Къ тому я спрошенъ первый, когда обыкновенно присутствія духа надобно имѣть болѣе, нежели въ послѣдствіи: я вышелъ предъ Филарета, и сталъ молча. Припоминалъ, что одинъ философъ признавалъ за начало всѣхъ вещей воду, а другой огонь; но который признавалъ огонь, который воду, и какъ каждый изъ нихъ доходилъ до своего убѣжденія, я сказать не могъ. Произнесъ только сіи первоначальныя положенія, и замолчалъ. Баккалавръ [12] наводилъ меня на продолженіе рѣчи, но я не въ состояніи былъ продолжать ее.

Филаретъ вперилъ въ меня взоръ свой, испытующій, но и милостивый, обратился къ Баккалавру, и приказалъ спросить слѣдующаго (насъ вызвали вдругъ трехъ); другіе отвѣчали хорошо, и говорили много.

Насъ отпустили. Я возвратился на свое мѣсто съ грустію.

Въ Высшемъ Отдѣленіи, предъ окончаніемъ курса, я былъ уже монахъ.

Опять я спрошенъ былъ изъ первыхъ трехъ, и въ трехъ первый (слѣдовательно, опять мнѣ не было времени припомнить отвѣтъ, а иногда и взглянуть въ тетрадку).

Шла Нравственная Богословія. Професоръ ея, Инспекторъ и Архимандритъ Евлампій (въ послѣдствіи Архіепископъ Тобольскій). [13] Вопросъ данъ: «О степеняхъ совершенства нравственныхъ дѣйствій Христіанскихъ.»

Параграфъ, который мнѣ надобно было прочитать въ отвѣтъ, изложенъ періодомъ относительнымъ—чѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе. Протазисъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, три члена, столько же и апота-

зисъ этого длиннаго періода. Мало того: каждый протазисъ и каждый апотазисъ имѣлъ свой текстъ, какъ бы въ подтвержденіе свое.

У меня не были выписаны тексты сіи (я не считалъ ихъ нужными): по тому я прочиталъ періодъ безъ текстовъ. Но меня безпрестанно останавливалъ о. Евлампій, требуя произнесенія текста на каждый членъ періода. Когда же я молчалъ, то Евлампій произносилъ сіи тексты самъ; даже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе: «Доказывайте изреченіями Священнаго Писанія ваши разсужденія, дабы иначе не подумали, что вы разсуждаете произвольно, безъ основаній.» Въ это время Филаретъ нетерпѣливо взглядывалъ то на меня, то на Евлампія; потомъ, когда я протащилъ періодъ, Филаретъ возбужденно заговорилъ, обращаясь къ Евлампію:

«Священнымъ Писаніемъ надобно доказывать полную истину, а не часть ея. Если скажете: «Чѣмъ дѣйствіе чище по намѣренію,» и за тѣмъ тотчасъ придадите изреченіе Священнаго Писанія, вы сдѣлаете глупость; по тому что будете доказывать слова, а не мысль, которая еще не извѣстна. По сему вы напрасно сбивали съ толку монаха (указывая на меня) и навязывали ему вашу безсмыслицу: онъ не захотѣлъ ее предлагать; онъ умнѣе васъ.»

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы мнѣ получить посрамленіе за плохое затверживаніе уроковъ, получилъ горькое наставленіе мой учитель.

Такъ какъ рѣчь эта была не коротка, со стороны Филарета: то онъ и заставилъ спрашивать уже другого, возлѣ меня стоявшаго (Михаила Россова), а не меня.

Здѣсь и паки явное покровительство Божіе надо мною. Если бы заставили меня читать дальше, я не могъ бы, по тому что почти ни чего не припоминалъ.

Пока читалъ другой, Филаретъ, смотря на меня, тихонько говорилъ: «Не пугайся, монахъ! Намъ должно бояться Бога, а не людей.»

Владыка видѣлъ, что я былъ въ испугѣ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и, конечно, былъ блѣденъ. Но я дрожалъ отъ многихъ смѣшанныхъ чувствій: а) Стыдился моей глупости и лѣности; б) жалѣлъ, что подвергнулъ упрекамъ за себя о. Евлампія; в) жалѣлъ, что предъ такимъ свѣтиломъ, каковъ Филаретъ, я оказался такъ тусклымъ.

За тѣмъ Владыка сталъ слушать другого читающаго. Михаилъ Россовъ читалъ параграфъ «О единствѣ Закона Моисеева и Закона Евангельскаго.»

Владыка далъ прочитать параграфъ (Россовъ читалъ хорошо, и

приводилъ всѣ тексты Св. Писанія), потомъ началъ опровергать прочитанное.

Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ Моисеева и Евангельскаго единствомъ Законодателя, Сына Божія.

Филаретъ на это сказалъ: «Императрица Екатерина написала Соляной Уставъ и Уставъ о Губерніяхъ. Слѣдовательно, Соляной Уставъ и Уставъ о Губерніяхъ суть одинъ и тотъ же законъ.»

Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ единствомъ цѣли.

Филаретъ отвѣчалъ: «Петербургская дорога ведетъ въ Москву, и Дмитровская дорога ведетъ въ Москву же. Слѣдовательно, Петербургская и Дмитровская дороги суть одна дорога.»

Послѣ того Филаретъ довольно оскорбительно началъ упрекать о. Евлампія въ незнаніи Богословіи, въ тусклости и путаницѣ мышленія, въ неумѣніи пользоваться Священнымъ Писаніемъ и извлекать изъ него твердыя истины.

О. Евлампій выслушалъ сей несладкій урокъ молча (Филаретъ и не оставлялъ мѣста рѣчамъ его), но съ важностію и вовсе не теряя присутствія духа.

(За тѣмъ, вечеромъ, старшимъ Студентамъ, у него бывшимъ послѣ ужина, по долгу, о. Евлампій сказалъ: «Пускай бранятъ. У нихъ власть. Но напрасно не выслушали нашего оправданія. Можетъ быть и мы что ни будь сказали бы въ защиту свою»).

Всѣмъ намъ близко самолюбіе. Однако я не умѣю простить о. Евлампію его упорства. Онъ виноватъ кругомъ; оправдаться не можно. А Филаретъ правъ—кромѣ, можетъ быть, жесткости обличенія.

Такимъ образомъ, въ оба Академическія Отдѣленія, я предъ Великимъ Филаретомъ оказался оконфуженнымъ, тусклымъ, лѣнивымъ и слабымъ.

А, однако, и тотъ и другой конфузъ былъ во вторые дни экзамена, а не въ первые.

Въ первые дни, и въ Низшемъ и въ Высшемъ Отдѣленіи, по Философіи и по Догматической Богословіи, я отвѣчалъ изрядно, по крайней мѣрѣ, безъ замѣшательствъ и конфуза.

Однако же, о чемъ былъ вопрошенъ, теперь не помню.

Помню только, что по Богословіи, которая читалась на Латинскомъ языкѣ, читая отвѣтъ, я позабылъ одно слово, глаголъ, совершенно необходимое, и попросилъ назвать мнѣ его по Латыни. Моя рѣчь была: «Excidit memoriae meae verbum Latinum ad exprimendum verbum Rossicum... такое-то.» Филаретъ улыбнулся, и назвалъ Латинское слово (теперь не помню, ни Русскаго, ни Латинскаго, слова).

Въ первый день экзамена въ Высшемъ Отдѣленіи мнѣ даже посчастливилось дать отвѣтъ на вопросъ Митрополита, одобренный.

При чтеніи параграфа изъ Догматической Богословіи о Божествѣ Іисуса Христа Филаретъ спросилъ:

«По чему Іисусъ Христосъ ни однажды не сказалъ прямо: «Я есмь Богъ, Сынъ Божій, единосущный Отцу и Святому Духу?»

«По чему и Евангелисты, ни одинъ ни однажды, не выразили сей же рѣчи прямо?»

«Если бы сказано было Самимъ Христомъ, или Его Евангелистами прямо, что Христосъ есть Богъ Самосущій: то не возможны были бы такія ереси, подобныя, на примѣръ, Аріевой.»

На этотъ вопросъ было нѣсколько отвѣтовъ, которые, однако же, Филарета не удовлетворяли.

Я всталъ и сказалъ:

«Апостолъ Павелъ сказалъ: «Никто же можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ» (1 Кор. 12, 3). А Евангелистъ Іоаннъ, изъясняя рѣчь Іисуса Христа о водѣ живой, которая истечетъ изъ чрева вѣрующихъ во Христа, сказалъ: «Сіе рече о Дусѣ, его же хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его: не у бо бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ» (Іоан. 7, 39). По сему, если бы Іисусъ Христосъ и сказалъ прямо, что Онъ Сущій Богъ: Его сей рѣчи не могли бы вмѣстить умы человѣческіе, безъ содѣйствія Духа Святаго, который въ это время еще не дѣйствовалъ.»

Послѣ сего моего отвѣта Филаретъ выслушивалъ и нѣкоторыхъ другихъ рѣчи. Потомъ, наслушавшись, онъ сказалъ:

«Монахъ отвѣчалъ хорошо,» т. е., я. Я всталъ и поклонился.

За тѣмъ Филаретъ началъ развивать и расширять мою мысль-иль хоть на основаніи ея, своимъ, одному ему свойственнымъ, краснорѣчіемъ, и наиболѣе стоялъ на слѣдующемъ:

«Каждая рѣчь, каждое дѣйствіе, и особенно чудотворенія, столь многочисленныя, такъ разнородныя, столь внезапныя, безъ приготовленій, тономъ повелителя, показывали ясно, что Христосъ есть, въ видѣ человѣка, превысшій естества человѣческаго. Чистый умъ, прямая совѣсть, доброе сердце, всюду видѣли въ Христѣ Бога, хотя не умѣли и не смѣли сего выразить.

«Арій и ему подобные безотвѣтны. Они безчестно искажали словеса Христовы, чтобы поддержать свое нечестіе.»

V.

Въ 1828 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, прибылъ ко мнѣ въ Академію мой зять, Амвросій Васильевичъ Уваровъ, бывшій Священникомъ въ селѣ Мячково-Луково, Коломенскаго Уѣзда. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ за совѣтомъ: въ томъ же Уѣздѣ, отъ Мячкова верстъ 20, открылось Священническое мѣсто въ селѣ Бояркино. Амвросій хотѣлъ бы перемѣститься на это мѣсто, которое онъ называлъ отличнымъ.

Я ему не совѣтовалъ, говоря: а) Если правда, что Бояркино мѣсто отличное, то на него проситься будутъ многіе, достойнѣе тебя; б) ты только годъ Священникомъ, и въ хорошемъ селѣ: Митрополитъ не уважитъ твоей просьбы; в) можно опасаться прогнѣвать его своею суетностію, и за тѣмъ быть въ опасности оставаться подъ его всегдашнимъ пренебреженіемъ. Амвросій твердилъ свое и усерднѣйше просилъ написать просьбу къ Филарету. Я рѣшился.

Наша просьба была не форменная, обычная, а родъ просительнаго письма. Я истощалъ въ немъ всѣ свои познанія, и говорилъ (отъ имени Амвросія Священника):

«Правда, я Священникъ, на хорошемъ мѣстѣ: но, Владыка, кто не желаетъ лучшаго? И Великій Григорій Богословъ погрустилъ, будучи опредѣленъ Епископомъ въ Сасимы, глухое и бѣдное мѣстечко. Въ Мячковѣ одни мужики; въ Бояркинѣ есть дворяне.»

Говорилъ и еще много, чего не помню.

Подалъ такую просьбу Амвросій. И что же? Внѣ всякихъ чаяній, Владыка отказалъ тридцати просителямъ, между коихъ были и Благочинные, и опредѣлилъ Амвросія!

Такъ воспріимчивъ былъ Владыка тамъ, гдѣ есть что ни будь особенно живое!

Впрочемъ, для него осталось, конечно, не извѣстнымъ, кто написалъ такую просьбу Амвросію; всего вѣрнѣе, онъ ее приписывалъ ему самому. Да и я, я вовсе не извѣстенъ былъ Владыкѣ.

VI.

Въ Февралѣ 1829 года, будучи Студентомъ Высшаго Отдѣленія Академіи, я подалъ просьбу о поступленіи въ монашество: 31 Марта, того же года, въ пятое воскресеніе Великаго Поста, я постриженъ былъ въ монашество. Митрополитъ Филаретъ тогда былъ въ С.-Петербургѣ, для присутствованія въ Св. Синодѣ.

Онъ прислалъ мнѣ свой подрясникъ, немного поношенный, черный, шелковый. Я сохранилъ этотъ подрясникъ доселѣ, хотя онъ почти совсѣмъ распустился. Примѣчательно: ниже пояса, въ ногахъ, полы застегиваются особою пуговицею, такъ что ни въ какомъ случаѣ полы распахнуться не могутъ на столько, чтобъ видно было бѣлье. Какой цѣломудренный монахъ былъ Владыка Филаретъ!

Подрясникъ не въ обтяжку, какъ обыкновенно шьютъ, но столь широкій во всѣхъ частяхъ, что послѣ подпоясанія дѣлаетъ кругомъ складки и боры.

Такіе гостинцы Филаретъ шлетъ всякому монаху-студенту.

По глупости, я позавидовалъ было, что, на пр., Филарету (въ послѣдствіи Архіепископу Черниговскому, моему товарищу) [14] Владыка прислалъ новый атласный фіолетоваго цвѣта подрясникъ (приложенъ даже кусокъ остатка): но въ послѣдствіи я дорожилъ даромъ моимъ тѣмъ болѣе, что онъ ношенъ.

VII.

Чрезъ три мѣсяца по постриженіи въ монашество, Митрополитъ Филаретъ рукоположилъ меня во Іеродіакона, въ Лаврѣ, въ Троицкомъ соборѣ, 5 Іюля, въ день Преподобнаго Сергія, въ 1829 году.

Черезъ годъ, въ 1830 году, лишь по окончаніи нами Академическаго курса, Владыка Филаретъ рукоположилъ меня и во Іеромонаха, тоже въ Лаврѣ и тоже въ Троицкомъ соборѣ, 1 Іюля, который тогда былъ день рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Тутъ случилось со мною приключеніе: послѣ литургіи былъ Царскій молебенъ. Я спрашиваю Іеромонаха (Дамаскина), возлѣ котораго я стоялъ въ литургію по посвященіи въ Іеромонаха: «Ити ли мнѣ на молебенъ?» Онъ сказалъ: «Иди!» Спрашиваю еще: «Гдѣ мнѣ стать?» Отвѣтъ: «Становись около меня.» Я такъ и сдѣлалъ.

Но на этотъ молебенъ собрались цѣлыя тучи Духовенства: Начальство Духовной Академіи и Семинаріи, Начальство Лавры, посадское Духовенство, всего, по крайней мѣрѣ, тридцать Священно-священныхъ; Іеромонахъ Дамаскинъ, около котораго я стоялъ, былъ какой-то чиновный въ Лаврѣ, и при томъ принадлежалъ къ первому собору (въ Лаврѣ есть и другой соборъ монаховъ). По сему, вмѣстѣ съ Дамаскинымъ, я сталъ въ четвертой, иль пятой, парѣ. [15]

Когда мы всѣ выстроились среди собора, Филаретъ, замѣтивъ меня такъ высоко, послалъ Протодіакона, сказавъ ему и указывая на

меня: «Поди, поставь молодого Іеромонаха на своемъ мѣстѣ!» Я слышалъ это приказаніе и, не зная, куда ити и гдѣ стать, ожидалъ распоряженій. Протодіаконъ, тѣснясь позади линіи собора ко мнѣ, подошелъ, и своимъ ревущимъ голосомъ на всю церковь сказалъ: «Отецъ молодой Іеромонахъ! Ты сталъ не на своемъ мѣстѣ. Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Филаретъ приказалъ поставить тебя на своемъ мѣстѣ: пожалуйте!» И, схвативъ меня за ризу у затылка, потащилъ меня почти волокомъ (было весьма тѣсно) къ низу, и поставилъ на послѣднемъ мѣстѣ! Мѣсто сіе было уже на солеѣ, у царскихъ дверей, и я, опозоренный, сталъ на виду всего собора!

Въ этотъ разъ, по милости Божіей, чувствуя себя виновнымъ, я не занялся личностію своею, даже не проплакалъ: моя душа исполнена была чувствія освященія меня саномъ Іерея. Между тѣмъ я узналъ, что многіе изъ за меня проплакали.

Даже и самъ Владыка, какъ мнѣ послѣ сказывала Боярыня Тучкова, [16] весь этотъ день былъ смущенъ и обезпокоенъ.

Я думаю, Владыка самъ увидѣлъ, что поступилъ со мною слишкомъ нещадно, и стыдился себя самого.

Однако сей случай послужилъ мнѣ урокомъ на всю мою жизнь, и нерѣдко спасалъ меня отъ подобныхъ приключеній, кои, къ несчастію, въ виду моемъ, не разъ совершались надъ многими.

Такъ-то надо мною исполнилось Евангельское слово:

«Егда званъ будеши кимъ на бракъ, не сяди на преднемъ мѣстѣ: еда кто честнѣе тебе будетъ званныхъ. И пришедъ иже тебе звавый и онаго, речетъ ти: «Даждь сему мѣсто!» «И тогда начнеши со студомъ послѣднее мѣсто держати.» (Лук. 14, 8, 9)

Между тѣмъ сіе происшествіе не имѣло никакаго вліянія на будущую мою судьбу.

VIII.

Я кончилъ курсъ Академіи въ 1830 году, въ первомъ разрядѣ, и былъ поставленъ въ спискѣ пятымъ. Я удостоенъ былъ, въ числѣ 12 (или болѣе), званія Магистра.

Въ санѣ монашествующихъ насъ было пять:

1) Филаретъ (2-й Магистръ) былъ оставленъ Баккалавромъ Академіи.

2) Никонъ (старшій Кандидатъ) назначенъ былъ Инспекторомъ въ Пермскую Симинарію; 3) Поликарпъ Мильтоновъ (младшій Кандидатъ) назначенъ былъ Инспекторомъ въ Иркутскую Симинарію; 4)

Іоасафъ Шовскій (Кандидатъ, изъ Священниковъ Тамбовской Епархіи) назначенъ былъ (чрезъ полгода) Смотрителемъ Епифанскаго Духовнаго Училища, Тульской Епархіи; 5) Я, Никодимъ, назначался въ Тульскую Семинарію. Но Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Евлампій, воспротивился рѣшительно, сказавъ: «Никодима слѣдуетъ испытать: можно опасаться за его благоповеденіе.» По тому Конференція назначила меня Профессоромъ Богословія во Владимирскую Семинарію.

Когда поданъ былъ сей списокъ размѣщенія Митрополиту, онъ сказалъ: «Приличнѣе Инспекторомъ въ Тулѣ быть монаху, нежели свѣтскому.» И вычеркнулъ Ивана Смирнова (4-го Магистра) изъ Инспектора Тулы, и поставилъ меня на его мѣсто, а Смирнова на мое мѣсто—во Владиміръ.

О. Евлампій либо не осмѣлился возражать, либо пожалѣлъ обо мнѣ.

Не сѣтую на Евлампія: въ его тогдашнихъ понятіяхъ обо мнѣ, я могъ ему казаться опаснымъ. Въ послѣдствіи онъ получилъ противоположныя вразумленія: любимые и восхваляемые имъ монахи и иные были холодны къ нему, а одинъ нанесъ большія досады, а я послужилъ ему какъ сынъ покорный, уже въ Архіерейскомъ санѣ, въ Казани, гдѣ я былъ Викаріемъ, а о. Евлампій жилъ на покоѣ въ тамошнемъ Свіяжскомъ монастырѣ, послѣ Тобольскаго Архіепископства.

Спасибо и Владыкѣ! Огорченіе, мною нанесенное ему 1 Іюля, онъ не припомнилъ, и спокойно воздалъ мнѣ подобающее.

IX.

Въ Тульскую Семинарію я прибылъ въ Сентябрѣ 1830 года.

Въ этотъ годъ впервые появилась холера, великій гнѣвъ Божій, прошла по Россіи отъ Уфы, Оренбурга и Астрахани, насквозь до западныхъ ея предѣловъ.

Въ Москвѣ она открылась въ концѣ Сентября, а въ Тулѣ въ началѣ Декабря.

По малодушію, я весьма боялся умереть отъ холеры; я сталъ проситься въ Московскую Академію въ Баккалавры, вѣря, что въ Лаврѣ Преподобнаго Сергія я буду сохраненъ (Подлинно, въ Лаврѣ не умеръ ни одинъ человѣкъ отъ холеры).

Я, впрочемъ, писалъ объ этомъ только письма, и только къ сво-

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
МУЗЕЯ

ему товарищу, Баккалавру Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Я предлагалъ твое прошеніе о. Ректору: онъ назвалъ тебя сумасшедшимъ.» Я понялъ. Молился Богу.

Холера поразила двухъ Профессоровъ въ Тулѣ, Протоіерея Базарова и Священника Зайцевскаго; заболѣвали по сту человѣкъ въ сутки и болѣе.

Но Семинарію Богъ хранилъ: не заболѣлъ и не умеръ холерою никто, ни ученикъ, ни начальникъ, ни служитель.

Я, однако же, изнуренный душевно и тѣлесно, не имѣя при томъ въ Семинаріи занятій; ибо ученіе было съ Ноября прекращено и ученики разъѣхались (часть, однако, осталась), успѣлъ умолить Преосвященнаго Дамаскина: «Онъ меня уволилъ въ Москву на мѣсяцъ.»

25 Декабря, въ день Рождества Христова, отслуживъ литургію, я поѣхалъ въ Москву.

Холера въ Тулѣ съ этого времени быстро ослабѣвала, и къ половинѣ Генваря прекратилась. Въ Москвѣ же къ Рождеству сочли городъ благополучнымъ.

Я не долго побылъ въ Москвѣ: отправился тотчасъ къ родителямъ, на родину, въ село Комлево, Рузскаго Уѣзда.

Я разсуждалъ: «Если и умру, то пусть же это будетъ въ очахъ моихъ родителей.»

Здѣсь не было холеры.

Я гостилъ съ мѣсяцъ. Въ это время я ѣздилъ съ матушкою на Бородинскія поля (около 30 верстъ отъ насъ), и тутъ былъ обласканъ Маргаритою Михайловною Тучковою.

Она матерински вошла во все мое положеніе, а я, безъ всякихъ намѣреній и разсчетовъ, изъяснилъ ей мои чувствія, страданія и желанія. Игуменія не обѣщала мнѣ ничего: но я не сомнѣваюсь, что, по ея ходатайству предъ Митрополитомъ Филаретомъ, я переведенъ былъ изъ Тульской въ Новгородскую Семинарію, въ Маѣ 1832 года, на тѣ же должности Инспектора и Профессора Семинаріи.

Бывши въ это время дважды въ Москвѣ, я не смѣлъ явиться къ Митрополиту, по тому что отлучку мою почиталъ однимъ моимъ малодушіемъ. Но послѣ я узналъ, что Владыка отечески пожалѣлъ, что я не былъ у него, даже обѣщалъ мнѣ и помѣщеніе въ своемъ домѣ.

(Сіе я узналъ отъ Протоіерея и Ректора Тульскаго Духовнаго Училища, Козьмы Максимовича Органова, бывшаго вскорѣ послѣ меня въ Москвѣ и у Митрополита).

X.

Въ 20-тимѣсячное мое первое пребываніе въ Тулѣ раза два гостила у меня моя матушка, и по матернему чувству вообще, и желая мнѣ послужить при моемъ хиломъ здравіи.

Въ это время у родителей моихъ оставалась на рукахъ послѣдняя дочь ихъ, а моя сестра, Марія, дѣвица совершенныхъ лѣтъ.

Я задумалъ: «Попробую предложить мою сестру Тульскому Семинаристу, съ тѣмъ, что я возьму на себя перевести его въ Московскую Епархію и исходатайствовать ему тамъ священническое мѣсто.»

Я предложилъ это мнѣніе моей матушкѣ: она согласилась съ радостію.

Тогда я сказалъ ей: «Выбирайте любого Богослова, а я постараюсь склонить его на наше предложеніе.»

Матушка выбрала Егора Кирилловича Добронравова, степеннаго и богобоязненнаго Семинариста. Я предложилъ ему наше желаніе: онъ согласился съ восторгомъ.

Отбывая изъ Тулы въ Маѣ 1832 года, когда еще Г. Добронравовъ не кончилъ курса, я просилъ его сдержать данное намъ обѣщаніе, и прибыть въ Москву осенью.

Онъ точно прибылъ. Владыка Филаретъ милостиво согласился принять его въ Московскую Епархію, и далъ ему Священническое мѣсто, хорошее, на рѣкѣ Истрѣ, Рождественское.

Не имѣя случая видѣть Владыку въ Москвѣ, въ проѣздъ мой изъ Тулы въ Новгородъ, по тому что Владыка еще не возвратился изъ Петербурга, я просилъ его о семъ нашемъ дѣлѣ письменно изъ Новгорода.

Разскажу подробности:

Устроить все дѣло у Митрополита рѣшилась матушка, полагая себя столь умною, что надѣялась кончить благополучно.

Явилась къ Митрополиту. Но у него сотни просителей: она—простая жена причетника. Введена была въ пріемную залу, на ряду съ десятками просителей. Филаретъ обходитъ ихъ по порядку, объявляетъ каждому, что почитаетъ должнымъ сказать.

Подходитъ къ матушкѣ: она падаетъ ему въ ноги и заливается слезами.

Филаретъ. «Что тебѣ нужно?»

Матушка.—Ваше Сіятельство, призрите мою Машеньку!

Филаретъ. «Кто твоя Машенька?»

Матушка. — Дочь моя.

Филаретъ. «Ты вдова?»

Матушка. — Нѣтъ, у меня живъ мужъ.

Филаретъ. «Кто онъ и гдѣ?»

Матушка. — Дьячекъ въ селѣ Комлевѣ, Рузскаго Уѣзда

Филаретъ. «За чѣмъ же не онъ пришелъ?»

Матушка. — Призрите, Ваше Сіятельство, мою Машеньку!

Не видя возможности узнать дѣло, и не желая тратить время, Филаретъ сказалъ ей: «Поди къ Письмоводителю моему!»

Александръ Петровичъ Святославскій, Письмоводитель Владыки, отобралъ у матушки нужныя свѣдѣнія и доложилъ Владыкѣ: «Это, де, мать Никодима, Инспектора Новгородской Семинаріи; а проситъ о дозволеніи Тульскому Семинаристу перейти въ Московскую Епархію и въ ней получить Священническое мѣсто, съ тѣмъ, что онъ вступитъ въ супружество съ сестрою Никодима, Маріею, а сей Дьячихи дочерію.»

Дѣло было устроено тотчасъ.

Сей примѣръ есть образецъ благоразумія, благосердія и благопопечительности Митрополита Филарета.

Не многіе Архіереи столь внимательны къ простой и бѣдной женѣ причетника, не умѣющей при томъ изъявить и сущность своего прошенія.

У добраго Архипастыря какой и Письмоводитель!

Александръ Петровичъ Святославскій, Семинаристъ Московской Семинаріи, хорошо окончившій курсъ, почти ровесникъ Филарету, по любви къ нему и по довѣрію Филарета къ нему, посвятилъ ему всю свою жизнь: лѣтъ за десять до Филарета онъ скончался у него на службѣ и какъ бы на рукахъ его. [16]

Александръ Петровичъ зналъ всю душу Филарета и, конечно, причастенъ величайшимъ секретамъ жизни его. Онъ умѣлъ ихъ хранить и послужилъ великому Владыкѣ честно, какъ добрый Христіанинъ.

Не только бѣдныя Дьячихи, какова моя матушка, но и Протоіереи и Іереи, Архимандриты и Игумены, а подъ часъ и Архіереи, имѣли въ Александрѣ Петровичѣ благороднаго, честнаго и долготерпѣливаго посредника между ними и Владыкою.

Александръ Петровичъ былъ нестяжательный. Ему никто не смѣлъ принести гостинца, развѣ малость, на пр., пару нитяныхъ носковъ (отъ женскаго монастыря). Владыка давалъ ему хорошее жалованье (кажется, тысячу рублей), кромѣ стола, квартиры, экипажа и прислуги. При томъ онъ былъ и экономомъ всего, лично относящагося

къ Митрополиту: его стола, комнатъ, одежды, экипажей, прислуги и прочее.

Владыка Филаретъ даже въ семъ отношеніи есть примѣрный, хотя едва ли не безпримѣрный, Русскій Архіерей.

Александръ Петровичъ былъ холостъ, такъ и жизнь свою кончилъ: конечно, въ честь святаго Владыки, коему служилъ.

XI.

Съ 17 по 25 Маія, 1832 года, я ждалъ въ Москвѣ пріѣзда Владыки Филарета изъ Петербурга, чтобъ имѣть утѣшеніе поклониться ему, принять благословеніе и, можетъ быть, выслушать наставленіе для будущей моей службы. Я ѣхалъ въ чужую область, о бокъ къ Петербургу, въ Новгородскую Семинарію.

Я, однако же, не дождался. Выѣхалъ 25 Мая. И что же? На второй станціи, въ промежуткѣ, встрѣтилъ Великаго Филарета: ѣдетъ въ каретѣ, съ большими стеклами, въ полной формѣ Митрополита. Я поклонился ему.

Пріѣхавши на станцію, я, какъ бы сомнѣвающійся, спросилъ у Станціоннаго Смотрителя: «Кажется, Митрополитъ Филаретъ проѣхалъ?» Тотъ, съ полуупрекомъ отвѣчалъ мнѣ: «Да, проѣхалъ Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій, Членъ Святѣйшаго Синода.» И за тѣмъ подивился, что я, духовный человѣкъ, такъ сухо назвалъ Филарета. Но я, конечно, не уступлю никакому Станціонному Смотрителю въ степени и чистотѣ чувствій моихъ къ великому Архипастырю. Я спросилъ сухо по тому, что опасался дерзостей и осмѣянія отъ свѣтскаго, выразившись тономъ того благоговѣнія предъ Владыкою, коимъ я тогда (и всегда) былъ преисполненъ.

Я долго смотрѣлъ на карету его, въ задъ ея, провожая глазами какъ бы мою радость и счастіе, хотя я не зналъ бы, что ему сказать и о чемъ просить, если бы онъ удостоилъ остановиться и благословить меня.

XII.

Въ Новгородской Семинаріи я прожилъ только 17 мѣсяцевъ. Пріѣхалъ 29 Маія, 1832 года, въ Троицынъ день, а выѣхалъ 29 Октября, 1833 года.

Въ это время, въ Новгородской Семинаріи въ одинъ разъ и въ

одно время перемѣнились и Ректоръ и Инспекторъ: Ректоръ Иліодоръ посвященъ во Епископа въ Курскъ, [18] Инспекторъ Елпидифоръ опредѣленъ Ректоромъ Курской Семинаріи. [19]

Эти два лица были глубокіе и искренніе друзья между собою. Иліодоръ исходатайствовалъ своему Инспектору другу Ректорство въ Епархіи Курской.

Ректоромъ, на мѣсто Иліодора, въ Новгородскую Семинарію поступилъ о. Анатолій, Ректоръ Бѣлгородской (Курской) Семинаріи, [20] Инпекторомъ—я.

Ректоръ о. Анатолій прибылъ въ Новгородскую Семинарію пораньше меня, за недѣлю, или дней за 10.

Я пріѣхалъ: меня съ отверстыми объятіями принялъ новый Ректоръ, и провелъ прямо къ себѣ. У него были гости—всѣ Учители Семинаріи (Троицынъ день—6 час. вечера), и я тутъ же познакомленъ былъ со всѣми моими сотоварищами.

О. Анатолій Каменецъ-Подольскій. Отецъ его Малороссъ, матерь Молдаванка. Имя его въ мірѣ Августинъ, фамилія Мартыновъ; по окончаніи курса онъ былъ Священникомъ. Овдовѣвши, онъ поступилъ въ Кіевскую Д. Академію, и кончилъ курсъ Магистромъ (кажется, 2 курса).

Я не видывалъ доселѣ близко Малороссовъ, и не умѣлъ понимать ихъ.

Но мнѣ скоро довелось выносить тяжкіе уроки отъ о. Ректора. Почитая меня себѣ врагомъ, ищущимъ его погубленія, съ надеждою занять его мѣсто, вооружился на меня, не извѣстными дотолѣ мнѣ, интригами наушничества, коварства и лицедѣйствъ. Все это росло и возрастало быстро до того, что дошло дѣло до бумажныхъ протестовъ противъ меня и самыхъ эксцентрическихъ жалобъ.

Ректоръ сперва подалъ Правленію Семинаріи записку съ 9-ю пунктами обвиненія Инспектора. Потомъ, когда оставшійся посторонним членомъ, Экономъ, отказался произносить сужденіе по запискѣ, Ректоръ обратился съ нею къ Преосвященному, Викарію Новгородскому, Тимоѳею. [21] Когда же Тимоѳей не принялъ на себя разбирательства нашего дѣла, Ректоръ препроводилъ сію записку къ Преосвященному Смарагду, Викарію С.-Петербугскому, [22] умоляя его спасти и его, Анатолія, и Семинарію отъ Инспектора, самаго испорченнаго человѣка.

Въ это же время о. Анатолій валялся въ ногахъ у меня, прося прощенія за нанесенное имъ мнѣ оскорбленіе его жалобою на меня въ Правленіе Семинаріи и къ Викарію Новгородскому.

А я межъ тѣмъ былъ тяжко болѣнъ. Изнурительный поносъ угрожалъ мнѣ близкою кончиною: я готовился въ вѣчность!

Все это было въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1832 года.

Интриги и нападенія Ректора не только не прекращались, но и возрастали; въ Преосвященномъ Тимоѳеѣ, хотя ясно видѣвшемъ въ Ректорѣ безпокойнаго человѣка и завистника, а во мнѣ гонимаго изъ зависти, я не находилъ твердой рѣшительной защиты. По сему я рѣшился съѣздить въ Петербургъ, и тамъ лично, представъ предъ Митрополита Серафима, [23] объяснить несносныя обиды, мнѣ причиненныя отъ Ректора.

Не скрою, что хотѣлось видѣть и Петербургъ, будучи отъ него такъ близко (180 верстъ).

Въ Святки я выпросилъ у Преосвященнаго Тимоѳея, съ согласія Семинарскаго Правленія, отлучиться въ С. Петербургъ.

Предъ Митрополита Серафима въ С.-Петербургѣ я предсталъ 29 Декабря, 1832 года, часовъ въ 9 утра.

Сперва потребовалъ меня къ себѣ Алексѣй Ивановичъ Сусловъ, Письмоводитель Митрополита. Послѣ разспросовъ, откуда я, гдѣ учился, гдѣ служилъ, онъ круто и гордо спрашивалъ меня: «За чѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ?» Скрывая досаду, я коротенько сказалъ, что терплю отъ Ректора, и желаю представить мои оправданія Владыкѣ. Послушавъ меня немного и, кажется, не давши мнѣ договорить, онъ дерзко сказалъ мнѣ въ глаза: «Ты негодный Инспекторъ!»

Потомъ пошелъ доложить обо мнѣ Митрополиту. Меня потребовали въ гостиную или въ парадную переднюю (а не въ залу). Митрополитъ прохаживается.

По обычаю, я поклонился Митрополиту въ ноги, и прошу благословенія.

Митрополитъ. «Къ чему эти поклоны? Терпѣть не могу лести.»

Потомъ сталъ меня спрашивать: откуда я родомъ, гдѣ учился, гдѣ служилъ?

Дошелъ наконецъ до дѣла.

Митр. «За чѣмъ ты пріѣхалъ?

Я.—Принять благословеніе отъ Вашего Высокопреосвященства.

М. «Кто тебя звалъ?»

Я молчалъ.

М. «Кто тебя сюда уволилъ?»

Я.—Преосвященный Викарій, съ согласія Правленія Семинаріи.

М. «Глупо Правленіе и Архіерей неосторожень. Отпустилъ молодого монаха болтаться по Петербургу, безъ всякой нужды.

«Хорошо ли ты живешь въ Новгородѣ?»

Я.—Отецъ Ректоръ считаетъ меня неспособнымъ, но я, съ своей стороны, употребляю все раченіе угодить ему и его приказанія по возможности исполняю.

М. «Лжешь ты: противъ него возмущаешь Семинаристовъ, потворствуешь ихъ шалостямъ, заступаешься за бездѣльниковъ, и чрезъ то отнимаешь руки у Ректора.

«Ты хочешь выслужиться предъ Семинаристами, привлечь ихъ къ себѣ и вооружить противъ Ректора, который стремится къ истребленію бездѣльничества.

«Потачка раждаетъ безстрашіе. А гдѣ безстрашіе, тамъ гибель общества.

«Ты хочешь величаться своимъ милосердіемъ на счетъ чести Ректора, помрачить его собою съ тѣмъ, чтобъ изринуть его, и занять его мѣсто: Кто ты такой? Мальчикъ, котораго никто не знаетъ. А твой Ректоръ человѣкъ уже съ заслугами, испытанный. Я его выпросилъ себѣ у Курскаго Архіерея, [24] какъ милость. А ты кто?

«Если я услышу о тебѣ еще одно нехорошее слово, я тебя сошлю въ монастырь, куда не заносилъ воронъ костей, и тамъ брошу на братскую порцію. Да не думай, что когда ни будь воскреснешь: тамъ и сгніешь.»

Потомъ, давъ себѣ не много отдохнуть, Митрополитъ продолжалъ:

М. «Гдѣ ты остановился?»

Я.—У Инспектора Семинаріи (Петерб.).

М. «Какъ онъ тебѣ знакомъ?»

Я.—Никакъ.

М. «По чему же ты у него остановился?»

Я.—По сходству нашей службы.

М. «Скоро ли поѣдешь назадъ?»

Я.—Какъ прикажете, Владыка Святый.

М. «Что мнѣ приказывать? Ты не спрашивался у меня пріѣхать сюда.

«Но вотъ тебѣ сказка: «Не званаго гостя въ первый день дарятъ золотомъ, во второй серебромъ, въ третій уже оловомъ. А въ четвертый, если онъ самъ не догадается, укажутъ двери. Ступай!»

Вотъ рѣчь суровая, безжалостная Митрополита Серафима.

Моя душа оцѣпенѣла Собравшись не много съ духомъ, я поѣхалъ къ Московскому Митрополиту Филарету.

Этотъ мудрый, сердобольный отецъ принялъ меня очень ласково, и тотчасъ посадилъ противъ себя.

Послѣ немногихъ словъ, Филаретъ спросилъ меня: «Каково тебѣ жить въ Новгородѣ?»

Такой вопросъ, послѣ не простывшаго еще жара отъ истязаній Митрополита Серафима, взволновалъ мое сердце: слезы потекли ручьями. И я не могъ выговорить ни слова.

Митрополитъ: «Ты плачешь? О чемъ? Что съ тобою?»

Но я задыхался въ слезахъ, и не могъ выговорить ни единого слова.

Помолчавъ не много, и давъ не много утихнуть волненію, Филаретъ сказалъ про себя: «Надобно перемѣнить разговоръ.»

М. «Бываешь ты у Архимандрита Фотія?» [25]

Я. — Бывалъ.

М. «Часто ли?»

Я. «Бывалъ всего разъ восемь.»

М. «Странный человѣкъ! Поѣхалъ молиться Богу въ Воронежъ, доѣхалъ до Тулы, и воротился назадъ.

Потомъ: «Ну, скажи же, о чемъ ты плачешь?»

Я разсказалъ коротко поступки со мною Ректора, и то, какъ меня сейчасъ тязалъ Митрополитъ Серафимъ.

Филаретъ пожалѣлъ и сказалъ: «Жаль тебя: но мнѣ не ссориться же за тебя со Владыкою Серафимомъ. Поди къ Степану Дмитріевичу Нечаеву (Оберъ-Прокурору Св. Синода). [26] Я отвѣчалъ на отрѣзъ: «Не пойду. Свѣтскихъ я не буду просить за себя.»

Филаретъ улыбнулся, всталъ и сказалъ: «Иди, живи съ Богомъ въ Новгородѣ; старайся угождать Ректору, въ чемъ можно, безъ оскорбленія совѣсти. Я не думаю, чтобы онъ сталъ продолжать притѣсненія. Если жь, паче чаянія, онъ опять станетъ тебя тѣснить, ты скажи ему: «Позвольте мнѣ, о. Ректоръ, для успокоенія васъ и себя, проситься въ другую Семинарію. Въ прошеніи я не скажу ничего о нашихъ неудовольствіяхъ, а буду проситься, чтобъ перевели меня въ какую ни будь Семинарію поюжнѣе Новгородской, для поправленія здоровья.» Тогда мы дадимъ тебѣ другое мѣсто. Я не думаю, чтобы Ректоръ осердился на такую просьбу.»

За тѣмъ узнавши, что Митрополитъ Серафимъ приказалъ мнѣ скоро

выѣхать изъ Петербурга, пожалѣлъ, что я не могу видѣть Петербурга и сказалъ: «Посмотри, по крайней мѣрѣ, лучшее!»

Я проѣхалъ по Невскому Проспекту, видѣлъ Дворецъ, Сенатъ; Исакіевскій Соборъ былъ разобранъ. Проѣхалъ по Набережной, и еще гдѣ-то, не помню.

И такъ вотъ на сценѣ два Митрополита, истязующіе одного монаха за одно дѣло!

Вся честь доброты душевной, вся слава разумнаго снисхожденія, вся честь проницательности и правомѣрія принадлежитъ Филарету.

Онъ быстро понялъ и обнялъ все дѣло: Малороссъ, старикъ, объятый ласками Серафима, встрѣтился съ Русскимъ монахомъ, молодымъ, но кое-что понимающимъ, изъ зависти и досады захотѣлъ раздавить его. Филаретъ почелъ справедливымъ и человѣколюбивымъ прикрыть молодого монаха и ободрить.

Напротивъ Серафимъ не имѣетъ оправданія. Не узнавши основательно, кто правъ и кто виноватъ въ дѣлѣ столкновенія, онъ безчеловѣчно и несправедливо обрушился на слабѣйшаго. Къ тому столь неумѣренныя угрозы, почти ребенку, весьма непристойны такой высокой особѣ.

Видна розница и въ Письмоводителяхъ. Филаретовъ, Александръ Петровичъ — мягкость, человѣколюбіе, добродѣтель; Серафимовъ — наглость, гордость, презорство.

У мѣста сказать: Филаретъ, по краіней мѣрѣ для меня, всегда былъ одинъ: правда и милость!

Серафимъ, послѣ описанной сцены со мною, чрезъ шесть съ половиною лѣтъ, того же маленькаго Никодима приказывалъ, въ той же Петербургской Лаврѣ, въ тѣхъ же комнатахъ, тому же своему Письмоводителю, Алексѣю Ивановичу, отвезти къ Оберъ-Прокурору въ его, Серафимовой, каретѣ! Я ѣхалъ въ Одессу.

Въ 1841 же году, на прощаніи моемъ, онъ мнѣ сказалъ: «Поѣзжай съ Богомъ! Здѣсь ты былъ очень хорошъ. Да и прежде ты служилъ въ разныхъ мѣстахъ всегда одобрительно (онъ заставилъ меня пересчитать мѣста моей службы). Надѣемся, что и въ Одессѣ будешь служить хорошо. Если понадобишься намъ здѣсь, мы тебя оттуда вызовемъ къ себѣ опять.»

Такъ Филаретъ не говаривалъ. Его слова не на воздухъ, а суть дѣло, сущее, правда, степенность.

XIII.

Митрополитъ Филаретъ проѣзжалъ [27] чрезъ Новгородъ трижды: дважды изъ Москвы въ Петербургъ, въ двѣ осени (1832 и 33 г.), и однажды изъ Петербурга, весною 1833 года.

Ректоръ мой, о. Анатолій, не видывалъ Филарета. Ему весьма хотѣлось видѣть его.

Два раза намъ не удавалось видѣть его. Митрополитъ обыкновенно останавливался въ Кремлѣ, у Викарія, который жилъ въ Архіерейскихъ палатахъ у Софійскаго собора. Антоніевъ же монастырь (гдѣ Семинарія за городомъ) будетъ болѣе двухъ верстъ до Кремля, и больше версты самая дурная загородная дорога.

Въ первый разъ, осенью 1832 года, мы вовсе пропустили его.

Во второй разъ, весною 1833 года, хотя спѣшили опрометью, и имѣли разставленныхъ сторожей, но увидѣли Митрополита уже на Волховскомъ мосту, т. е., выѣхавшимъ отъ Викарія. Мы поклонились. Владыка улыбнулся. Онъ перехитрилъ насъ! *

Онъ обѣдалъ за станцію до Новагорода; къ Викарію заѣхалъ только на то время, пока подадутъ лошадей, т. е., минутъ на 10. Изъ сего я осмѣливаюсь заключить, что Митрополитъ нарочно избѣгалъ встрѣчи и свиданія съ Ректоромъ, которое предполагалось, и я не нахожу другой причины, кромѣ нашей исторіи съ Ректоромъ.

Въ третій разъ, при проѣздѣ Митрополита изъ Москвы въ С.-Петербургъ, Ректоръ рѣшился непремѣнно видѣть Митрополита. Для этого мы цѣлыхъ два дня провели въ Консисторіи, которая подъ домомъ Архіерейскимъ.

Митрополитъ, въ Сентябрѣ, пріѣхалъ къ Викарію, въ 8 часовъ вечера. Ректоръ бросился бѣгомъ (взявши теплую рясу на плечо), я за нимъ. Вошли въ домъ Архіерея, насъ спросили. О насъ доложили. Приказано войти.

Лишь оттворилась дверь въ гостиную, Филаретъ стоитъ прямо ея, только въ рясѣ, съ непокрытой головой, съ распущенными волосами.

Ректоръ торопливо палъ въ ноги (на одно колѣно по Польски) Митрополиту.

Митрополитъ. «Что ты? За чѣмъ?»

---

* Гадаю, Владыка намѣренно поторопился уѣхать отъ Викарія, чтобъ не имѣть непріятности видѣть Ректора Семинаріи, котораго онъ уже не могъ уважать.

Ректоръ.—Поздравить Ваше Высокопреосвященство съ благополучнымъ прибытіемъ.

Митрополитъ. «Что? Говори яснѣе, не слышу.»

Ректоръ повторилъ тоже, но уже такъ крѣпко, что вышло весьма безобразно (онъ при томъ дрожалъ).

Митрополитъ. «Ну, скажи мнѣ, о. Ректоръ, гдѣ ты учился? гдѣ служилъ?» (Это уже сказано мягко).

Ректоръ сказалъ кратко: Учился въ Кіевской Академіи; былъ тамъ же Баккалавромъ. Потомъ былъ Ректоромъ въ Бѣлгородѣ, а оттуда переведенъ въ Новгородъ.

Митрополитъ. «Ты писалъ возраженіе на ревизію Архимандрита Евлампія, посланнаго изъ Московской Академіи въ Бѣлгородскую (въ Курской Епархіи) Семинарію, для обозрѣнія ея по Высочайшему повелѣнію?» [28]

Ректоръ.—Помилуйте, Ваше Святѣйшество, за что мнѣ писать противъ него возраженія? Отецъ Евлампій умный, кроткій, снисходительный человѣкъ; я имъ обласканъ; я ему признателенъ: за что я буду на него писать?

Митрополитъ улыбнулся сардонически, видя полную побѣду надъ козніо. Сказалъ однако: «Кажется, писалъ ты. Вѣдь ты въ это время былъ тамъ Ректоромъ?»

Потомъ, обратясь къ Викарію (они уже сидѣли на софѣ), Владыка сталъ говорить: «Заносчивый и безпокойный человѣкъ! Ревизоръ донесъ, что нашелъ. Ректоръ хотѣлъ вывернуться. Безчестилъ и заподозривалъ ревизора. Наставилъ разныхъ крючковъ, и только себя привелъ еще въ большія подозрѣнія. Мнѣ показывалъ эти кляузы Преосвященный Владимиръ (Курскій, тогда бывшій въ Петербургѣ). [18] Я прочиталъ съ презрѣніемъ къ доносчику.»

Ректоръ опять началъ клясться и увѣрять, что онъ не писалъ возраженій на ревизію: но это лишь увеличивало увѣренность въ томъ, что онъ виновенъ.

Такъ Филаретъ унизилъ и потопталъ Ректора. Онъ показалъ о. Анатолію, кто онъ. Рѣчь о семъ прекратилась.

Филаретъ началъ другую рѣчь, за прохладу, и спросилъ мягко о. Ректора:

«Какихъ Отцевъ вы (а не ты) почитаете главными и преимущественно нужными для Богословіи?»

Ректоръ.—Василія Великаго, Августина, Оригена.

Митрополитъ. «Оригенъ учитель церковный, а не отецъ: у него есть заблужденія. Августинъ слишкомъ тонокъ и изысканъ. Его ува-

жаютъ Западные. Нѣтъ, мы почитаемъ столпами Церкви и Вселенскими учителями Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго.»

Филаретъ началъ характеризовать каждаго изъ сихъ Отцевъ удивлялся уму ихъ и благочестію, и указывалъ, въ чемъ особенно каждый изъ нихъ послужилъ для Церкви.

Такимъ образомъ Ректоръ опять остался пристыженнымъ.

По выходѣ отъ Митрополита, онъ воскликнулъ жалобно: «Впредь не буду вѣрить чужимъ рѣчамъ. Мнѣ въ Кіевской Академіи твердили: «Филаретъ ставитъ Оригена выше всѣхъ Отцевъ.» А вышло не такъ.»

Слѣдовательно, Ректоръ отвѣчалъ не по своему убѣжденію, а во угожденіе Митрополита.

Послѣ сего Митрополитъ сталъ извиняться (нѣжно съ полуулыбкою, и съ полуироніею) въ томъ, что не заѣзжаетъ къ намъ въ Семинарію: «а) не всегда я проѣзжаю около васъ благовременно; б) чтобъ заѣхать къ вамъ, надобно свернуть съ дороги на версту, и ѣхать эту версту весьма неустроенною дорогою» (совершенно справедливо!). Потомъ заговорилъ: в) И монастырь вашъ (Антоніевъ) бѣдный, худо обстроенъ, худо поддержанъ. Семинарія ветхая, невзрачная, тѣсная, сырая.»

Ректоръ старался защищать и монастырь и Семинарію.

Филаретъ. «Ты все хвалишь; я тебѣ не вѣрю. (Это сказано съ милою полуироніею). Инспекторъ! Ты нашъ. Скажи правду: вѣдь плохая Семинарія?»

Я. Точно тѣсна, но комнаты сухи.

Ректоръ. Библіотека у насъ богатая.

Филаретъ. Да, точно богатая.

Ректоръ. Жаль, что она обобрана въ Петербургскую Духовную Академію.

Филаретъ, перемѣнивъ мягкій тонъ въ строгій и гнѣвный, сказалъ:

«Погоди клеветать на другихъ: исправься самъ!»

За тѣмъ, обратясь къ Викарію, началъ подробно разсказывать относящуюся къ сему предмету исторію:

«Новгородская Семинарская Библіотека есть точно богатая, по тому что одна изъ древнѣйшихъ, и обогащалась и собиралась нашими великими Іерархами.

«Митрополитъ С.-Петербургскій, Гавріилъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, за что-то прогнѣвался на С.-Петербургскую Семи-

нарію, закрылъ ее и сослалъ въ Новгородъ. Туда же пошла и библіотека. [30]

«Митрополитъ Амвросій опять возстановилъ въ С.-Петербургѣ Семинарію, даже открылъ и Академію. [31] Потребована была изъ Новгорода обратно С.-Петербургская библіотека.

«Дѣло это было сдѣлано небрежно. Часть книгъ Петербургской Семинаріи осталась въ Новгородѣ; но и въ Петербургъ попались Новгородскія книги. Это отъ того, что какъ сдана была библіотека Петербургская въ Новгородѣ, такъ и приняли обратно, безъ каталога, безъ записей, а просто на память.

«Когда я былъ Ректоромъ С.-Петербургской Академіи, я былъ посланъ для обревизованія Новгородской Семинаріи. [32] Обозрѣвая библіотеку, я нашелъ нѣсколько книгъ, принадлежащихъ Петербугской Семинаріи: намъ то гласила надпись. Кромѣ сего я увидѣлъ въ Новгородской библіотекѣ нѣсколько важныхъ твореній въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

«Возвратившись въ Петербургъ, я объяснилъ все сіе Митрополиту Амвросію, и просилъ дозволенія: 1) отобрать изъ Новгородской библіотеки всѣ тѣ книги, кои по надписямъ значатся принадлежащими Семинаріи; 2) взять нѣсколько изъ тѣхъ важнѣйшихъ твореній для С.-Петербургской Дух. Академіи, кои въ Новгородской библіотекѣ не въ одномъ экземплярѣ.

«Митрополитъ Амросій на все сіе согласился.

«Вотъ что значитъ мое отобраніе Новгородской библіотеки!»

Ректоръ былъ снова пристыженъ. За тѣмъ Филаретъ всталъ, и ласково съ полуулыбкою, сказалъ:

«Ну, отцы, прощайте! Вамъ далеко ѣхать.»

Во время сихъ разговоровъ входилъ Письмоводитель Митрополита, Александръ Петровичъ, и спросилъ: «Когда прикажете подавать лошадей?» Митрополитъ отвѣчалъ: «Въ часъ,» т. е., по полуночи, т. е. чрезъ три, или четыре, часа отъ того времени, какъ мы были у него.

А ночь черная, Сентябрская, сырая.

XIV.

Послѣ сего событія я въ Новгородѣ прожилъ одинъ мѣсяцъ.

Въ Октябрѣ 1833 года меня перевели обратно въ Тульскую Семинарію, и опять Инспекторомъ же (Занявшій же послѣ меня сіе мѣсто о. Варлаамъ сдѣланъ Ректоромъ сей Семинаріи). [33]

Переводъ сей я приписываю Митрополиту Филарету, хотя ясно того не знаю.

Мнѣ немножко грустно было и стыдно возвращаться въ ту же Семинарію и на ту же должность. Великій Филаретъ конечно позабылъ, что я въ Новгородъ переведенъ изъ Тулы: не о всѣхъ же все помнить. Мнѣ же это дало важный урокъ.

XV.

Во второй разъ въ Тулѣ я былъ на должности Инспектора Семинаріи не много болѣе 14 мѣсяцевъ. 1 Декабря, 1833, я пріѣхалъ въ Тулу, а 19 Февраля, 1835, выѣхалъ въ Вятку на должность Ректора тамошней Семинаріи.

Въ Маіѣ 1834 года Ректоръ Тульской Семинаріи, Архимандритъ Варлаамъ (нынѣ Архіепископъ Тобольскій) былъ переведенъ въ Воронежскую Семинарію. Въ Тульскую же назначенъ Ректоромъ о. Никонъ, Инспекторъ Пермской Семинаріи. [34]

О. Никонъ пріѣхалъ въ Тулу въ концѣ Іюня.

Въ промежутокъ этого времени, по крайней мѣрѣ 40 дней, я былъ и Инспекторомъ и Ректоромъ (въ должности) Семинаріи.

Въ сіе-то время случилось страшное происшествіе: Семинаристы убили женщину.

Дѣло было такъ: Одинъ негодный парень изъ ресторана вошелъ въ поганый домъ. Ему нечѣмъ было расчитаться за развратъ, котораго онъ здѣсь искалъ и, конечно, нашелъ. Съ него сняли фуражку. Ученикъ пришелъ къ своимъ товарищамъ и поострилъ ихъ на защиту себя.

Собрались пять, шесть парней—пошли выручать фуражку. Но тамъ ее не выдаютъ. Началась драка.

Въ нее вмѣшался совсѣмъ посторонній мѣщанинъ, портной, спавшій съ молодою хозяйкой своею въ саду. Семинаристы одолѣвали. Жена портного, увидѣвши терзанія ея мужа, бросилась въ одной рубашкѣ защищать его. Злодѣй Семинаристъ ударилъ ее. Она пала бездыханна!

Драка прекратилась. Ужасъ объялъ обѣ стороны. Полиція перехватала бывшихъ въ дракѣ.

Рано утромъ меня разбудила моя матушка, гостившая у меня. Обливаясь сама слезами, она сказала: «Иди, любезный сынъ, у дверей твоихъ тебя ожидаютъ: мужайся, твори молитву!»

Я вышелъ. Вижу двухъ солдатъ съ ружьями, и между ними въ цѣпяхъ мальчишка.

Солдаты, узнавъ во мнѣ Начальника Семинаріи, спросили: «Вашъ ли этотъ человѣкъ, и такъ ли его имя, фамилія, какъ онъ себя назвалъ?» Я подтвердилъ и то и другое. Солдаты мнѣ разсказали, что этотъ въ прошедшую ночь въ дракѣ убилъ женщину. Ученика повели обратно въ тюрьму.

Я послалъ учениковъ и Профессора дознать елико можно дѣло, перечислить схваченныхъ Семинаристовъ. Было взято до десяти; но скоро выпущены до пяти, а прочіе задержаны.

Тутъ я подумалъ о себѣ: «Не пропала ли моя служба и моя голова по случаю сего убійства?»

Написалъ письмо на Бородинскія поля къ Маргаритѣ Тучковой и умолялъ ее поискать мнѣ защиты у Митрополита Филарета, который къ ней былъ благосклоненъ. Она, Игуменія, какъ женщина и мать, получивъ мое письмо, написала Митрополиту свое и, вложивъ въ него и мое, послала къ нему нарочнаго, своего дворецкаго.

Филарета дворецкій въ Москвѣ не нашелъ. Онъ былъ въ Лаврѣ. Отправился туда, и тамъ подалъ письмо.

Филаретъ написалъ Игуменіи Тучковой въ отвѣтъ успокоительное письмо.

Она, Игуменія, прочитавъ, послала сего же дворецкаго въ Тулу ко мнѣ съ письмомъ Филарета. (Жаль, я не оставилъ копіи съ него).

Митрополитъ ей пишетъ: «Тульское дѣло такъ важно, что Никодимъ малъ для отвѣта за него. Можетъ быть что ни будь непріятное скажутъ Архіерею. [35]

«У страха глаза велики: пусть не пугается Никодимъ, а молится Богу.

«Удивительна судьба этого монаха. Изъ Новгорода отвели его отъ бѣды, но надобно было встрѣтить его бѣдѣ тамъ, гдѣ думали спасать его.

(Жалѣю, что не сохранилъ подлинныхъ рѣчей Митрополита, пишу по памяти. Но слова почти тѣ же, не только мысли).

Дѣло въ самомъ дѣлѣ кончилось, не коснувшись ни меня, ни кого другого, кромѣ виновныхъ. Даже убійцу какъ-то оправдали, т. е., не подвергли карѣ убійцы.

Было ли какое огорченіе по сему дѣлу Тульскому Преосвященному, Дамаскину, не знаю.

Но я думаю, что великій Филаретъ защищалъ не только меня, но и Преосвященнаго, и Семинарію въ семъ дѣлѣ: по тому что дѣло сіе безъ сомнѣнія вѣдомо было Св. Синоду, который такихъ событій не оставляетъ безъ вразумленій не легкихъ.

XVI.

Послѣ описаннаго въ предъидущей статьѣ событія, чрезъ восемьо мѣсяцевъ, въ Февралѣ 1835 года, я назначенъ Ректоромъ въ Вятскую Семинарію.

22 Февраля, въ Пятницу 1-й недѣли Великаго Поста, я представился Митрополиту Филарету въ Москвѣ, въ его Троицкомъ (Сухаревскомъ) подворьѣ.

Владыка (предъ литургіею, которую онъ служилъ) вышелъ ко мнѣ томный, истощенный постомъ и молитвою, въ залу.

Вотъ что онъ мнѣ сказалъ:

«Ты въ самомъ дѣлѣ видно слабъ, когда при тебѣ Семинаристы осмѣлились учинить такое буйство. Не хорошо быть и жестокимъ: однако Начальнику надобно имѣть твердый характеръ. Поѣзжай съ Богомъ въ Вятку! Не забудь: ты теперь Ректоръ, т. е., начальникъ Семинаріи. Теперь некому учить тебя, смотрѣть за тобою.—Архіерей. [35] Но онъ наблюдатель издалека. Старайся быть образцомъ подчиненнымъ, и не ошибайся!»

Рѣчь сія и утѣшила меня, и вразумила.

XVII.

Въ Вятку я прибылъ 9 Марта, 1835 года, и служилъ здѣсь въ должности и Ректора Семинаріи и Настоятеля Успенскаго Трифонова монастыря не много болѣе трехъ лѣтъ: 26 Маія, 1838 года, я выѣхалъ отсюда въ С.-Петербургъ, по Высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе Оберъ-Прокукора Св. Синода, для исполненія нѣкоторыхъ предположеній по дѣламъ духовно-учебнымъ.

И здѣсь вліяніе Митрополита Филарета на судьбу мою и на мою личность велико: но надобно объясниться.

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Графъ Николай Александровичъ Протасовъ, замыслилъ преобразовать нашу Духовную ученость. Въ душѣ его можетъ быть была нѣкоторая искра чистой ревности и желаніе

Русскому Духовенству добра: но онъ не умѣлъ, а по гордости и не хотѣлъ порядочно уразумѣть, что есть и чѣмъ быть должно Русское Православное Духовенство. Воспитанный Іезуитами въ Католичествѣ, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на Православіе (меня увѣрялъ совоспитанникъ его, что Графъ въ душѣ былъ Католикъ, а Православнымъ объявлялъ себя изъ земныхъ видовъ).

Преобразованіе нашихъ школъ Протасовъ замыслилъ выполнить нашими руками, и началъ это дѣло издалека:

Онъ предложилъ Св. Синоду дать предписанія всѣмъ Ректорамъ Семинарій, дабы они свободно изложили, какъ они понимаютъ Богословію, и какія улучшенія полагали бы внести въ нее, противъ настоящаго ея положенія.

Синодъ согласился. Даны такія предписанія всѣмъ Ректорамъ Семинаріи въ Маіѣ 1837 года. Въ числѣ прочихъ, и я получилъ таковое предписаніе.

Намъ дано сроку по 1-е Генваря слѣдующаго 1838 года.

Написалъ и я свой Богословскій Конспектъ, и отослалъ 1-го Генваря.

Прокуроръ поручилъ своимъ чиновникамъ перечитать всѣ сіи Конспекты и отмѣтить изъ нихъ особенные, выдающіеся изъ числа другихъ.

Мой Конспектъ найденъ особеннымъ отъ всѣхъ; онъ заинтересовалъ и Директора Дух. Учебнаго Управленія, Александра Ивановича Карасевскаго, и самого Протасова.

Однако же, Оберъ-Прокуроръ, не довѣряя своимъ богословскимъ познаніямъ, поручилъ Карасевскому попросить Митрополита Московскаго прочитать наши Конспекты, и указать найлучшій изъ нихъ, и въ особенности просили они сказать мнѣніе Митрополита о моемъ Конспектѣ.

Филаретъ изложилъ мнѣніе о моемъ Конспектѣ на двухъ, или трехъ, листахъ, мнѣніе одобрительное: Филаретъ поставилъ мой Конспектъ выше всѣхъ прочихъ, и въ особенности по тому, что «въ немъ есть зерно мысли» а не простое перечисленіе заглавій (какъ у большей части моихъ собратій).

Получивши совершенно одобрительную аттестацію о моемъ Конспектѣ отъ Митрополита Филарета, Прокуроръ благонадеженъ относительно моей благонамѣренности и, сверхъ того, какъ болѣе другихъ даровитый, а при томъ молодой (менѣе трехъ лѣтъ въ Ректорствѣ и на 35 году жизни), я показался для него самымъ годнымъ

къ выполненію его предположеній о Духовно-Учебныхъ заведеніяхъ нашихъ.

Не спрося у Синода, Протасовъ испросилъ у Государя Николая Павловича дозволеніе вызвать меня въ Петербургъ въ его, Протасова, распоряженія.

Не только низшее Духовенство, но даже и члены Синода взглянули на меня съ невольнымъ вниманіемъ, конечно, скрывая справедливую досаду о самоволіи Прокурора Синода.

Изъ Вятки я выѣхалъ 26 Маія. На дорогѣ провелъ сутки въ Костромѣ, у Ректора Архимандрита Платона (нынѣ Архіепископа на Дону), принятъ такъ себѣ, но въ положеніи моемъ ему не можно было быть инымъ, какъ токмо почтительнымъ... [37]

Въ Ярославлѣ тоже былъ у Ректора, Григорія (нынѣ Епископъ Калужскій, человѣкъ съ характеромъ, но въ духѣ Малороссійскомъ). [38]

Былъ сутки въ Святой Лаврѣ Преподобнаго Сергія, 5 Іюня, въ Воскресенье, и удостоился слушать здѣсь литургію въ Троицкомъ соборѣ, у мощей Преподобнаго Сергія.

Но живые люди меня больше огорчили, особенно Ректоръ Академіи Филаретъ. [38] Да не вмѣнитъ имъ Господь!

Въ Москву я пріѣхалъ 7 Іюня. На другой день былъ у Митрополита Филарета. Обласканъ имъ. Онъ даже оставилъ меня у себя обѣдать. Говорилъ одобрительно о моемъ Конспектѣ, и вообще о Богословіи.

Мнѣ хотѣлось знать, за чѣмъ я ѣду въ Петербургъ, и что значитъ, что я передаюсь въ распоряженіе Прокурора Синода, а не самаго Синода? Я не смѣлъ спросить прямо: но Владыка ограничился общими рѣчами, кажется а) по тому, что ничего ограничительно не могъ сказать, даже и по тому, что самъ не зналъ видовъ Прокурора опредѣленно; б) по тому, что не зналъ, какимъ я окажусь на дѣлѣ, во всякомъ случаѣ искусительномъ и скользкомъ, даже не перейду ли я на сторону свѣтскихъ, чтобъ, вмѣстѣ съ ними, работать къ униженію и порчѣ Духовныхъ Училищъ; в) по тому, что надѣялся въ нужное время давать мнѣ нужныя наставленія въ Петербургѣ.

Общій тонъ со мною Филарета въ это время былъ благожелательный, даже уважительный, но безъ оскорбленія высокой важности своего сана и положенія предо мною.

Прощаясь, онъ подарилъ мнѣ четки, новыя, бѣлой кости, съ голубою бисерною кисточкою (я доселѣ сохранилъ ихъ, и всегда употребляю, какъ святыню).

Я пріѣхалъ въ Петербургъ 15 Іюня. Дня чрезъ три представлялся Оберъ-Прокурору, Графу Николаю Александровичу Протасову.

Вотъ какъ это было:

Вхожу въ пріемную залу. Графъ сидитъ у письменнаго стола. Въ рукахъ у него наша церковная книга—Большой Требникъ. Графъ разсѣянно перелистываетъ его.

Графъ. «Здравствуйте, отецъ Архимандритъ! Давно ли?»

Я.— Третьяго дня, Ваше Сіятельство.

Гр. — «Прошу садиться!»

Указалъ на кресло противъ себя, и самъ тотчасъ сѣлъ.

Я кланяюсь, но стою.

Гр. «Покорнѣйше прошу садиться!»

Я опять кланяюсь и стою.

Гр. Вскочилъ. Взялъ меня обѣими руками и посадилъ почти насильно.

«Сдѣлайте милость, садитесь!»

Я сѣлъ.

(Кресла странныя, косыя; передняя часть съ четверть аршина отъ пола, а задняя совсѣмъ на полу; сѣвши въ такія кресла глубоко, надобно опрокинуться назадъ. Я присѣлъ на переднемъ краѣ, чуть держался и опасался опрокинуться. Графъ забавлялся мною.)

Графъ: «Мы васъ позвали на работу. Прошу потрудиться. Вашъ Конспектъ отличный. Онъ доказалъ, что вы съ талантами: намъ такіе люди нужны. Прошу знать меня, и еще никого. Мы васъ успокоимъ, дадимъ все. Не бойтесь никого: я вашъ заступникъ. Храните въ тайнѣ все, что будемъ поручать вамъ. Будьте искренны. Говорите со мною смѣло, о чемъ буду васъ спрашивать. Я самъ буду говорить такъ, какъ самъ разумѣю.

«Вашъ Конспектъ подвергся пререканіямъ. Его ужасно разбранилъ Кіевскій (Митрополитъ Филаретъ), [40] кажется, изъ зависти, или по недоразумѣніямъ. Московскій (Митрополитъ Филаретъ), напротивъ, весьма хвалитъ. Какъ бы ни было, мы васъ оградимъ и утѣшимъ. Конспектъ вашъ будетъ напечатанъ. Васъ ожидаетъ Докторство Богословіи. Пусть пріѣдетъ Московскій: вы тогда съ нимъ посовѣтуетесь, и кое-что исправите: надобно же потѣшить и Кіевскаго!

«Объ этомъ подробно разскажетъ вамъ Карасевскій: спросите его! Я только говорю: не бойтесь никого, ниже вашихъ Архіереевъ: знайте меня!

«Мы вамъ даемъ хорошую квартиру. Вы тутъ будете покойны.

Вамъ никто не помѣшаетъ. Я велѣлъ осмотрѣть ее и снабдить приличною мебелью.

(Квартира дѣйствительно хороша, въ Синодальномъ подворьѣ, у Семеновскихъ казармъ. Здѣсь въ это время имѣлъ пребываніе Архіепископъ Казанскій, Владиміръ, со свитою.)

«Вамъ Государь приказалъ выдавать по сту рублей въ мѣсяцъ, кромѣ вашихъ доходовъ, во все время, пока вы будете въ Петербургѣ въ моихъ распоряженіяхъ.

«Прощайте, отецъ Архимандритъ! Вы ко мнѣ будете приходить, когда я назначу. Теперь у насъ каникулы. Я живу на дачѣ. Я скажу Александру Ивановичу (Карасевскому), когда вамъ приходить ко мнѣ.

«Прошу съ нимъ познакомиться: мы будемъ работать вмѣстѣ.»

Въ заключеніе Графъ мнѣ подалъ Конспектъ Богословіи Каменецъ-Подольскаго Ректора, Наѳанаила (нынѣ Епископа Архангельскаго), [42] и сказалъ: «Прочтите этотъ Конспектъ, и скажите ваши о немъ мысли. Правду сказать, говорятъ, да и я, кажется, вижу, что тутъ учености не много: но онъ для насъ интересенъ. Послушаемъ, что вы скажете.»

Я вышелъ отъ Графа, полный мыслей и думъ, крупныхъ, небывалыхъ, озаботившихъ меня, даже грозящихъ подавить меня.

Чрезъ нѣколько дней я пришелъ къ Графу съ Конспектомъ Наѳанаила.

Графъ: «Прочитали? Каковъ Конспектъ?

Я.—Не бойкій, странный, фальшивый. Лишняго и ненужнаго много, а дѣльнаго мало.

«Въ Конспектѣ много рѣчей о церковностяхъ, которыя обязаны знать причетники. Они и знаютъ ихъ, безъ нашего наученія; по тому что о нихъ написано въ Церковномъ Уставѣ.

«Если бы заставить о. Наѳанаила написать Богословію по сему его Конспекту, онъ постыдился бы показать ее людямъ. Она не была бы ни для кого наставительна. Все, о чемъ онъ говоритъ, изложено уже въ Уставѣ.

«Богословія такая была бы книжицею въ нѣсколько страницъ, въ родѣ поминанья. На большую часть его вопросовъ въ Конспектѣ доводится отвѣчать однимъ, двумя, тремя словами, на пр., Вопр.: «Когда надобно зажигать свѣчи?» Отвѣтъ: «При началѣ богослуженія.» Вопросъ: «Когда класть ладонъ въ кадило?» Отвѣтъ.» Предъ кажденіемъ. «Вопросъ: «Когда гасить свѣчи?» Отвѣтъ: «По окончаніи богослуженія,» и пр. и пр.

Графъ улыбался, и давалъ мнѣ просторъ говорить, что хочу. Я говорилъ много.

Потомъ завязался разговоръ о нашемъ образованіи, по видимому, кстати, а въ самомъ дѣлѣ онъ приготовленъ былъ намѣренно.

Графъ началъ: «Слышалъ я ваши рѣчи, о. Архимандритъ. Бого словіи вашей я не глубокій знатокъ. Но вотъ что:

«Вы учились не столько для себя, сколько для насъ: вы наши учители въ вѣрѣ.

«Но мы васъ не понимаемъ. Ваша Богословія очень выспренняя. Ваши проповѣди высоки. Мы васъ не понимаемъ. У васъ нѣтъ народнаго языка.

«Вы чуждаетесь церковности. Практическое богослуженіе вамъ не извѣстно. Вы почитаете низкимъ для себя знать и изучить его: отъ того смѣшите, вступая въ священную должность. Не умѣете ни пѣть, ни читать, не знаете Церковнаго Устава. Васъ руководятъ Дьячки; надъ вами издѣваются начитанные мѣщане.

«Въ вашихъ школахъ нѣтъ спеціальности. Вы хотите быть и почитаться универсально учеными. Это ошибка. У насъ всякій кадетъ знаетъ маршъ и ружье; морякъ умѣетъ назвать послѣдній гвоздь корабля, знаетъ его мѣсто и силу; инженеръ пересчитаетъ всевозможные ломы, лопаты, крюки, канаты. А вы, духовные, не знаете вашихъ духовныхъ вещей!

«Вы изобрѣли для себя какой-то свой языкъ, подобно медикамъ, математикамъ, морякамъ. Безъ толкованія васъ не поймешь. Это тоже не хорошо. Говорите съ нами языкомъ, намъ понятнымъ, поучайте закону Божію такъ, чтобы васъ понималъ съ перваго раза послѣдній мужикъ!»

Много было въ подобномъ духѣ рѣчей. Онѣ при томъ были только подготовленіемъ къ тому, что меня скоро заставятъ дѣлать.

Мнѣ стали присылать разные проекты, безъимянные, въ коихъ осуждалось то, или другое, въ нашихъ школахъ. Не помню содержанія ихъ, но помню, что онѣ бранчивы, язвительны, насмѣшливы, намѣренно ложны и часто весьма мелочны (Доказательствомъ тому служатъ и предъидущія рѣчи Графа).

Грустно мнѣ было послѣ узнать, что нѣкоторыя тетради и статьи противъ нашихъ порядковъ ученія написаны предательски нашими же!

Я позванъ былъ опять къ Графу. Вотъ его рѣчи:

«Подумайте хорошенько, и мнѣ скажите: что нужно измѣнить въ Семинаріяхъ? Какъ упростить существующія науки? Не нужно ли ввести новыя, и какія имянно? Не надобно ли иныя науки сократить, а другія и вовсе выгнать?

«Помните: Семинарія не Академія. Изъ Академіи идутъ Профессоры: имъ много знать нужно. Изъ Семинаріи поступаютъ во Священники по селамъ. Имъ надобно знать сельскій бытъ и умѣть быть полезными крестьянину даже въ его дѣлахъ житейскихъ.

«И такъ—

«На что такая огромная Богословія сельскому Священнику?

«Къ чему нужна ему Философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства?

«На что ему Тригонометрія, дифференціалы, интегралы?

«Пусть лучше затвердятъ хорошенько Катихизисъ, Церковный Уставъ, Нотное пѣніе. И довольно! Высокія науки пусть останутся въ Академіяхъ.

«Прочтите хорошенько Семинарскій Уставъ, и скажите, что вы находите въ немъ нужнымъ исправить, измѣнить, отмѣнить, или дополнить.»

Я вышелъ отъ Графа грустный. Я увидѣлъ, что меня хотятъ сдѣлать орудіемъ униженія и разстройствъ нашей ученой части, хотятъ поставить въ противорѣчіе и вражду съ духовенствомъ, со властями, хотятъ перестроить мои убѣжденія, хотятъ навязать мнѣ ихъ образъ мыслей, такъ легкомысленный, столь намъ враждебный.

Подобнаго рода рѣчи и декламаціи я выслушивалъ цѣлый мѣсяцъ (до 15 Іюля) и отъ самаго Оберъ-Прокурора и отъ его ассистента, Александра Ив. Карасевскаго. Меня и ласкали, мнѣ грозили, меня вызывали на диспуты.

Съ грустію я выслушивалъ крайне неуважительныя сужденія и о великомъ Филаретѣ Московскомъ, еще чаще о другихъ Святителяхъ.

Я не имѣлъ въ Петербургѣ ни совѣтниковъ, ни наставниковъ: меня чуждались мои собратія, иные изъ зависти, а большая часть по робости. Даже Члены Синода держали меня въ дали и въ сторонѣ отъ себя.

Преосвященный Псковскій Наѳанаилъ,[43] услышавъ отъ меня, что мнѣ запрещено сказывать, что я дѣлаю у Оберъ-Прокурора, сей часъ прекратилъ о семъ любопытство, даже просилъ меня не напоминать ему о семъ ни словомъ.

Я оставался одинъ, самъ при себѣ. Къ чести Графа скажу. Говоря со мною такъ рѣшительно и смѣло, онъ не препятствовалъ и мнѣ говорить столько же рѣшительно и смѣло. Я воспользовался этою снисходительностію, и говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ все, что приходило мнѣ на мысль, что я обдумалъ у себя дома, въ защиту наше-

го ученія, нашихъ школъ, нашихъ порядковъ. Я показывалъ прочность и цѣнность нашихъ наукъ, объяснялъ нашу вѣрность духу Православія. Я выражалъ тяжкія опасенія отъ введенія свѣтскостей и современныхъ легкомыслій въ наши степенныя школы.

Нѣкоторыя изъ сихъ моихъ рѣчей записаны мною чрезъ седмь лѣтъ. Вотъ онѣ:

«Всемилостивѣйшій Государь, заботясь о духовенствѣ такъ же, какъ о другихъ состояніяхъ, преобразованіями, какія для насъ предначертываетъ, конечно, желаетъ насъ возвысить, а не уронить.

«Но тѣ преобразованія, какія Ваше Сіятельство предлагаете, въ сущности относятся къ умаленію и обезсиленію нашего духовнаго просвѣщенія.

«Правда, Вы предполагаете ввести въ Семинарію новыя, можетъ быть, полезныя науки (Сельское Хозяйство и Медицину), но онѣ, помѣстясь между нынѣ существующими науками, изъ коихъ ни одной нѣтъ безполезной, стѣснятъ ихъ и сократятъ, отъ чего произойдетъ потеря, а не пріобрѣтеніе.

«Вы говорите: «Мы очень учены, насъ не понимаютъ не только поселяне, даже и горожане.» Я думаю это есть иронія, подъ которою разумѣютъ то, что мы сами не умѣемъ растолковать того, что говоримъ, т. е., сами себя не понимаемъ.

«Соглашаюсь, есть и между нами педанты, которые громкими фразами сыплютъ пышный вздоръ. Такихъ, однако же, не много. И тутъ виноваты не науки, а тѣ пустыя головы, которыя любятъ свои нелѣпости, надъ которыми большинство изъ насъ улыбается, а иногда мы ихъ преслѣдуемъ.

Я думаю еще, что подъ сею укоризною скрывается зависть и досада на то, что духовенство ровняетъ себя въ образованіи съ другими привилегированными сословіями, среди коихъ есть Кадетскіе Корпуса, Лицеи, Гимназіи, Институты, Университеты.

«Отъ насъ требуютъ, чтобы мы высокія истины Божественнаго Откровенія излагали языкомъ народнымъ. Тутъ есть тоже либо недоразумѣніе, либо затаенная зависть.

«Правда: Христосъ излагалъ истины свои языкомъ совершенно простымъ, для всякаго понятнымъ. Однако же то былъ языкъ чистый, отборный, благородный, а не площадной и уродливый, какимъ пишутъ иные народные писатели. Примѣрная проповѣдь Фонъ-Визина [41] признана Митрополитомъ Платономъ поношеніемъ и насмѣшкою надъ поученіемъ съ церковной каѳедры.

«И свѣтскій разумный писатель избираетъ для своего сочиненія

языкъ благородный, важный, соотвѣтствующій предмету. Карамзинъ написалъ Исторію Государства Россійскаго высокимъ и отборнымъ языкомъ. Языкъ политики и законовъ Россійскихъ всегда высокъ и благороденъ.»

Въ этомъ тонѣ я говорилъ много, защищалъ въ частности почти всякую науку, существующую въ Семинаріяхъ. Особенно ограждалъ Богословію, и требовалъ даже расширенія ея.

Я долго препирался и защищалъ Философію. Говорилъ:

«Напрасно вы отнимаете у насъ Философію. Она у насъ смиренна; ибо обуздывается Богословіею. У насъ есть надзоръ: Архіерей, Ректоръ, Инспекторъ, экзамены: мы не дозволимъ Профессору заговариваться. Да и кто нашъ Профессоръ Философіи? Нашъ же, изъ насъ, и учился вмѣстѣ съ нами.

«Намъ нужна Философія, для раскрытія и укрѣпленія строгости и правильности мышленія, для ознакомленія себя съ истинами естественными, умозрительными и нравственными, на коихъ святое Откровеніе зиждетъ свои небесныя истины. Самое Откровеніе дѣлается сознательнымъ и твердымъ послѣ правильнаго разумѣнія истинъ натуры.

«Боитесь нашихъ вольностей? Но данъ ли поводъ къ такимъ опасеніямъ? Почти сто лѣтъ въ нашихъ Семинаріяхъ преподается полная Философія: наши ученики Философіи не запятнали себя никакою вольностію.

«Императоръ Александръ Павловичъ уничтожилъ въ Университетахъ Философію, опасаясь, конечно, вольностей. Что же вышло? Пустыя науки, науки безъ зерна, сдѣлали пустыми головы студентовъ: и мы имѣемъ несчастіе записать въ Исторію 14 Декабря, 1825 года!

На этомъ мѣстѣ меня прервалъ Графъ, впрочемъ довольно терпѣливый, и возбужденно сказалъ:

«Оставьте! Не хочу слушать вашихъ апологій. Философію изгнать изъ Семинарій! Объявляю волю Императора!

«Ты не знаешь: когда я напомянулъ Государю, что въ духовныхъ Семинаріяхъ читаютъ Философію, Государь съ гнѣвомъ и въ недоумѣніяхъ воскликнулъ: «Какъ? У духовныхъ есть Философія, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука? Изгнать ее!»

«Государь не терпитъ самаго имени Философія.» Тутъ я замолчалъ.

Съ 15 Іюля меня посадили сочинять Уставъ. Я кончилъ его къ 9-му Сентября.

Статьи о наукахъ Семинарскихъ оставлены: я писалъ только объ администраціи, учебной, нравственной, экономической.

Написалъ Уставъ и Семинарій и Училищъ.

Я долго стоялъ на томъ, что новаго Устава писать не нужно; что существующій Уставъ признается добрымъ. Просилъ дозволить мнѣ вычислить только то, что я полагалъ полезнымъ въ Уставѣ измѣнить, отмѣнить, или чѣмъ пополнить. Меня не уважили.

Особенно грустно было выслушивать оскорбительныя рѣчи Графа о Митрополитѣ Филаретѣ. Я, однако, почти всегда вступался за него, не по пристрастію, а по тому, что желалъ выразить мои убѣжденія.

XVIII.

Въ концѣ Сентября 1838 года пріѣхалъ Митрополитъ Филаретъ въ С.-Петербургъ.

Я тотчасъ явился къ нему, и разсказалъ, что я здѣсь дѣлалъ.

Митрополитъ едва сдерживалъ гнѣвъ и досаду, почитая затѣю сочиненія новаго Устава для духовныхъ школъ личною себѣ обидою, по тому что прежніе Уставы Академіи, Семинаріи и Училищъ написалъ онъ. Сказалъ:

«Съ теченіемъ времени Уставъ могъ требовать пересмотра. Можетъ быть иное нужно измѣнить; можетъ быть нѣчто надобно добавить. Но совсѣмъ перестроивать дѣло, около тридцати лѣтъ шедшее порядочно, не было нужды.

«Я написалъ проектъ Устава по порученію Митрополита С.-Петербургскаго Амвросія, который предпринялъ дѣло сіе не только съ вѣдома, но и по довольномъ разсужденіи о немъ въ Св. Синодѣ.

(Владыка предоставилъ мнѣ дополнить послѣднюю часть рѣчи, т. е., что и Прокуроръ и я неблагоразумно и неправильно, не спрося Синода, сами написали новый Уставъ.)

«Я написалъ всѣ четыре устава—Академій, Семинарій, Уѣздныхъ и Приходскихъ Училищъ въ шесть недѣль.» [45]

Счастливый человѣкъ! Имѣлъ порученіе законное, отъ власти законной, и былъ оставленъ собственной свободѣ и благоразумію, не завися ни отъ кого, ни отъ чего.

Напротивъ, я состоялъ подъ властію не церковною, лишенъ былъ свободы и нудимъ былъ выполнять чужое, мною не одобряемое.

Однако Владыка кое-что находилъ хорошимъ, на пр., Совѣтъ Уче-

ный при Ректорѣ, промоцію наставниковъ, годичные переводы, семь лѣтъ въ Семинаріи и пять въ Училищѣ, и еще что-то.

Скажу: Уставъ, мною составленный, замеръ въ Синодѣ. Онъ, конечно, теперь въ Архивѣ.

Кто и что задержало его въ Синодѣ, осталось для меня доселѣ не извѣстнымъ.

Сдѣлано значущее преобразованіе въ учебной части: но сіе принялъ на себя самъ Синодъ.

XIX.

Графъ Протасовъ спѣшилъ и всячески усиливался перестроить наши учебныя заведенія на манеръ свѣтскихъ въ томъ, въ чемъ могъ.

Такъ онъ ввелъ раздѣленіе ученическихъ комнатъ, отдѣливъ для спальней особыя комнаты, въ которыя ученикамъ не дозволялось входить съ утра, когда встанутъ, и до вечера, когда будутъ ложиться спать.

Такое преобразованіе начато въ С.-Петербургской Академіи, и съ Сентября 1838 года введено, и строго наблюдалось со стороны Прокурора.

Я сказалъ объ этомъ М. Филарету тотчасъ по пріѣздѣ его.

Онъ удивился, сказавъ: «Уже ли?» (слѣд., Протасовъ сдѣлалъ это, не спрося въ Синодѣ.)

Потомъ сказалъ: «Вотъ какъ хитеръ діаволъ.»

«Теперь Студенты будутъ дураки. У нихъ отняли свободу располагать своимъ покоемъ».

Дѣйствительно, съ сего времени начало вкрадываться и въ Академіи и въ Семинаріи наши какое-то вертопрашество.

Хотя, впрочемъ, тому было много и другихъ причинъ.

Жаль было смотрѣть на Студентовъ Академіи. Они были собраны вдвое гуще (ибо половина комнатъ отдѣлена для спальней). Комнаты ихъ сдѣланы насквозь проходными, такъ что они жили какъ бы на площади.

Привыкши прилечь на постелю въ свободные отъ классовъ часы, даже, на примѣръ, и для размышленія, для чтенія книги, для заученія уроковъ, бѣдные Студенты собирали табуреты и на нихъ кое-какъ ложились.

XX.

Изъ за меня вошли въ размолвку два Митрополита, оба Филарета, Московскій и Кіевскій.

Вотъ случай:

Священникъ Красноцвѣтовъ, отличный Магистръ С.-Петербургской Академіи, [46] бывшій нѣкоторое время въ Швейцаріи при Аннѣ Ѳедоровнѣ, супругѣ Великаго Князя Константина Павловича, съ которою онъ развелся, [47] при ея церкви Священникомъ, написалъ тамъ, съ Нѣмецкой книги (по подражанію, или съ буквальнымъ переводомъ, не знаю) Библейскую исторію для дѣтей.

Двѣ порядочныя книги: одна Ветхаго, другая Новаго Завѣта.

Исторія расположена уроками, изъ коихъ каждый дѣлится на двѣ части: первая—собственно исторія, вторая—нравоученіе.

Возвратившись въ Петербургъ, о. Красноцвѣтовъ напечаталъ сію свою исторію.

Въ это время у Императора Николая были дѣти въ отрочествѣ и первой юности. Исторія понравилась при Дворѣ.

Объ этомъ узнали въ публикѣ. Стали читать и покупали на расхватъ.

Плюшаръ-спекулянтъ книгопродавецъ, Французъ, далъ художникамъ сочинить приличныя картинки къ каждому уроку, послалъ въ Парижъ вырѣзать ихъ на стали, и началъ печатать книгу, вкладывая въ нее картинки, тысячами экземпляровъ.

Министръ Просвѣщенія [48] далъ строгое предписаніе преподавать Священную Исторію по сей книгѣ.

Книга гремѣла по всей Россіи и всюду развозилась во зами.

Это было въ 1837 году. Въ этотъ годъ Филаретъ Московскій оставался въ Москвѣ, за болѣзнію.

Въ Москвѣ его осаждали вопросами о сей книгѣ, мущины и женщины.

Вопросы были въ такомъ видѣ:

«Читали Вы, Преосвященный, новую Священную Исторію какого-то Петербургскаго Священника?

«Ахъ, Боже мой! Какая божественная книга! Какой милый разсказъ, сколько поученій! и какъ онѣ годны, пристойны!

«Впервые мы читаемъ такую божественную книгу.

«Это сущій подарокъ дѣтямъ. Они съ жадностію читаютъ ее.

«Да и мы, возрастные, просто въ восхищеніи, наслаждаемся читая ее.»

Такія неотступныя похвалы, такія настойчивыя, столь возбужденныя, заставили Филарета прочитать книгу внимательно.

Филаретъ нашелъ книгу никуда негодною, и написалъ на нее рецензію, которую и подалъ въ Синодъ, предлагая запретить такую книгу.

Рецензія Филарета такова, что ея не только нельзя опровергнуть (она основана на выпискахъ изъ книги), но и смягчить, или обойти извиненіями погрѣшности: онѣ были слишкомъ безразсудны, блазненны, вредны.

Синодъ вынужденъ былъ объявить запрещеніе книги, и потребовалъ отобрать ее и уничтожить.

Россія изумилась. Министръ Просвѣщенія (Уваровъ) пришелъ въ ярость; задумались во Дворцѣ.

Книга была отобрана, и скоро совсѣмъ забыта.

Книга истинно ничтожная, безразсудная, а иногда преступная.

Не виню много о. Красноцвѣтова. Онъ былъ молодъ. Европа обратила религію въ чувственность и смѣшала ее съ нею. Нашъ молодой Священникъ увлекся.

Я видалъ его въ Петербургѣ (онъ былъ при церкви Смоленскаго кладбища): кроткій и мыслящій.

Подивитесь лучше нашей Русской публикѣ: какъ она ложно настроена въ дѣлахъ вѣры и благочестія; какъ легкомысленна въ сихъ великихъ предметахъ; какъ мало знаетъ духъ Православія, какъ лакома до всякаго безумія Европы.

Но эта исторія произвела другую между нами.

По Уставу Духовной Цензуры, книга, одобренная ею, не можетъ поступить въ печать прежде того, какъ разрѣшитъ сіе Синодъ.

Когда въ Петербургѣ бывалъ Митрополитъ Московскій, Цензура обыкновенно представляла книгу ему и отъ него получала разрѣшеніе.

Въ 1837 году, когда вышла эта книга, Филаретъ Московскій не былъ въ Петербургѣ.

По тому книга Цензурою подана была Филарету Кіевскому, здѣсь бывшему.

Филарету не читать же такую громаду—рукопись, изъ коей вышло двѣ книги, чтобъ сказать, годится она въ печать, или нѣтъ. Онъ спросилъ Цензора, ее представившаго (Архим. Климента:) «Хороша ли книга?» Цензоръ отвѣчалъ: «Хороша.»

Филаретъ разрѣшилъ печатать.

Когда Филаретъ Московскій подалъ свой рапортъ въ Синодъ, требуя запрещенія книги: Филаретъ Кіевскій принялъ сіе за личное себѣ оскорбленіе.

Затаивъ досаду, онъ ждалъ случая отмстить.

Этотъ случай доставилъ Митрополиту Кіевскому Конспектъ Ректора Вятской Семинаріи, Никодима (т. е., мой), весьма восхваленный Митрополитомъ Московскимъ.

Когда зашла въ Синодѣ обо мнѣ и о моемъ Конспектѣ (его хотѣли напечатать и разослать по Семинаріямъ, въ руководство и для образца), Филаретъ Кіевскій сказалъ:

«Я не читалъ Конспекта Вятскаго Ректора: дайте мнѣ прочитать.»

Ему подали мой Конспектъ.

Филаретъ читалъ его цѣлый мѣсяцъ, и надѣлалъ множество примѣчаній, которыя всѣ составляютъ охужденіе, опроверженіе, укоризну.

По прочтеніи онъ сдѣлалъ на первомъ листѣ его слѣдующую надпись:

«Въ сочинителѣ замѣтны способности, а особенно начитанность новѣйшихъ, такъ называемыхъ, Германскихъ Богослововъ, но недостаетъ въ немъ зрѣлости и вѣрности сужденія. Конспектъ его ни для Духовныхъ Семинарій, ни для Духовныхъ Академій. «Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій»

За тѣмъ Филаретъ возвратилъ мой Конспектъ.

Такимъ образомъ я сдѣлался яблокомъ раздора между двумя великими Филаретами.

Въ это же время пробѣжала странная молва, будто мой Конспектъ вовсе не принадлежитъ мнѣ; будто онъ есть произведеніе самого Филарета Московскаго, а я—я только переписчикъ.

«По тому, де, Филаретъ Московскій, хваля Конспектъ Вятскаго Ректора, хвалилъ себя самого.

«И кто, де, такое Никодимъ Вятскій! Ребенокъ, седмь лѣтъ назадъ кончившій въ Академіи курсъ, и ни въ Академіи, ни въ службѣ, въ Семинаріяхъ вовсе не извѣстный ни чѣмъ особенно.

«А Филарету, де, Московскому, очень желающему блистать Богословіею, хотѣлось выказать себя самого. Для того онъ и выбралъ ничтожнаго Ректора, но изъ его Академіи и изъ его Епархіи.» [49]

Такая молва, конечно дошедшая и до Филарета Кіевскаго, еще болѣе поощрила его расплатиться съ Московскимъ похожею монетою.

Когда Филаретъ Кіевскій прибылъ въ Петербургъ (тоже въ концѣ Сентября, или въ Октябрѣ 1838 года, я, вмѣстѣ съ другими, былъ у него на поклонѣ.

Онъ занялся мною. Старался казаться осторожнымъ. Говорилъ со мною вы, а не ты. Спросилъ меня: «Чей я родомъ, гдѣ учился, давно ли кончилъ курсъ, гдѣ служилъ? Потомъ осторожно спрашивалъ о томъ что я дѣлаю?»

Я разсказалъ ему, что я писалъ новый Уставъ для Семинарій и Училищъ и уже сдалъ Оберъ-Прокурору. (Я могъ ему и не говорить сего: но я не хотѣлъ показаться ослушникомъ предъ такимъ отцемъ).

Въ подробностяхъ Филаретъ нѣсколько разъ меня перерывалъ вопросами: а) это Вамъ велѣлъ Московскій? т. е., Филаретъ); б) Это Вы слышали отъ Московскаго? в) Это присовѣтовалъ Вамъ Московскій? Объ этомъ Вы спрашивали у Московскаго?»

Грустно мнѣ было видѣть столько малодушія въ такой высокой особѣ.

(Филаретъ Кіевскій, въ рѣчи со мною, Филарета Московскаго только и называлъ «Московскій,» не прибавляя ни одного другаго слова. Напротивъ Филаретъ Московскій, говоря со мною о Кіевскомъ, всегда говорилъ: «Владыка Кіевскій, Кіевскій Митрополитъ, Преосвященный Кіевскій.)»

Такъ свѣтскіе не говорятъ: «Митрополитъ, Владыка и проч.,» а только: «Кіевскій, Московскій, Петербургскій, здѣшній.»

Жалѣю о смутѣ. Мой Конспектъ хорошъ, и одобренъ, какъ произведеніе молодого Ректора. Если же это мое твореніе навязать бы великому Филарету, имъ его обезчестили бы. Кромѣ многихъ незрѣлостей (кои я самъ послѣ увидѣлъ), есть даже ошибки историческія, гомилетическія, герминевтическія, археологическія, даже догматическія. Приписать ли ихъ Великому Филарету?

Чрезъ много лѣтъ, будучи уже самъ въ санѣ Архіерея, я, подъ формою поздравленія на праздники, писалъ не разъ Филарету Кіевскому, прося у него прощенія себѣ, изъясняя положеніе мое, бывшее въ Петербургѣ, и вызывая его самого къ правильному воззрѣнію на событія. Не знаю, понялъ ли онъ? Но я получилъ нѣсколько отвѣтовъ отъ него очень благосклонныхъ и благожелательныхъ.

Такъ уловляетъ въ сѣти свои діаволъ, при нашей малой не осторожности!

XXI.

Мой Конспектъ обѣщали напечатать, а мнѣ дать Докторство, и даже мѣтили въ Ректора С.-Петербурской Академіи (см. статью XVII). Но похуленіе моего Конспекта Митрополитомъ Кіевскимъ испортило все дѣло.

Филаретъ Московскій придумалъ, однако же, способъ, которымъ и меня отчасти можно было утѣшить, и Филарета Кіевскаго не огорчить.

Съ согласія Графа Протасова, Филаретъ Московскій приказалъ мнѣ тщательно пересмотрѣть мой Конспектъ и сдѣлать изъ него извлеченіе, такимъ образомъ, чтобы выпустить всѣ тѣ мѣста, надъ которыми сдѣлано рѣзкое и рѣшительное отрицаніе Филарета Кіевскаго.

Такое извлеченіе обѣщались напечатать.

Филаретъ Московскій, я думаю, не меня только симъ хотѣлъ утѣшить, но и принести добрую пользу Семинаріямъ и Богословіи, по тому что въ самомъ дѣлѣ Конспектъ мой во многомъ полезенъ.

Владыка Московскій столь былъ милостивъ и внимателенъ ко мнѣ и къ дѣлу, что рѣшился быть руководителемъ и цензоромъ моимъ въ семъ дѣлѣ.

Приготовленную мною тетрадь извлеченія я представилъ Владыкѣ; онъ прочитывалъ, давалъ наставленія: я передѣлывалъ снова.

Трудъ, однако же, и съ моей стороны не малый, и Владыку видимо обременялъ, при его другихъ высокихъ занятіяхъ по Синоду и Епархіи. Да и я не соблюлъ осторожности и благоразумія, а именно:

а) Сдѣлалъ слишкомъ обширное извлеченіе (листовъ двадцать); б) многое перестроивалъ, и часто портилъ, а не улучшалъ.

Дѣло это не получило желаннаго конца. Затерлось—и кончилось ничѣмъ.

Можетъ быть и самъ Митрополитъ Московскій находилъ принятую имъ мѣру не безопасною: можно было опасаться изъ за меня важной, открытой вражды Митрополита Кіевскаго съ Московскимъ.

Между тѣмъ Протасовъ видимо охладѣлъ ко мнѣ послѣ того, какъ увидѣлъ во мнѣ упорнаго защитника прежнихъ порядковъ и, слѣдовательно, себѣ не подручнаго.

Не оправдываю я и себя самого. Кажется, независимо отъ уче-

ности, меня находили легкомысленнымъ, недальновиднымъ, неосторожнымъ, упрямымъ. Можетъ быть и самая ученость моя, при личныхъ моихъ объясненіяхъ, показалась не столь блестящею, какъ она видѣлась въ моемъ писаніи—въ Конспектѣ.

Должно сказать и то, что Синодъ самъ возсталъ противъ проектовъ Графа, и ему было уже не до меня; а за тѣмъ и Филарету Московскому охорашивать меня было не благовременно.

Я здѣсь, однако, долженъ сказать, что Филаретъ Московскій, при чтеніи извлеченій изъ моего Конспекта (при мнѣ), многократно входившій въ разсужденія, гдѣ поминался и Филаретъ Кіевскій, никогда не дозволялъ себѣ ниже намека похуленія Кіевскому; Владыка даже мои нескромныя рѣчи о Кіевскомъ отечески и строго останавливалъ.

Однажды въ подобномъ случаѣ сказалъ:

«Что дѣлать? Надобно уважить старшаго. Не старику же терпѣть отъ молодого».

Еще:

«Кіевскій Владыка смотритъ только на «заглавія въ Конспектѣ и пугается терминовъ, думая, что хотятъ оправдывать всѣ грѣхи и заблужденія. Нѣтъ: ихъ будутъ опровергать въ Конспектѣ.»

Еще:

«Мы съ Кіевскимъ Владыкою учились по старымъ книгамъ: вы, молодые, стали учиться по новымъ. За что же на васъ сердиться?»

XXII.

Я докучалъ не разъ Митрополиту Филарету Московскому своими негодованіями и досадами на то, что у Семинаріи отнимаютъ Философію и другія высокія науки сокращаютъ, на пр., Библейскую Церковную Исторію, иныя безполезныя навязываютъ, на пр., Сельское Хозяйство, Медицину.

Филаретъ сказалъ на это однажды:

«Что же дѣлать? Надобно уступить что ни будь и имъ: иначе все отнимутъ.»

Тогда я не умѣлъ понять глубины этой короткой рѣчи. Въ послѣдствіи довелось своими очами видѣть и своими ушами слышать событіе сей пророческой рѣчи.

XXIII.

Дѣло о наукахъ въ Семинаріи по новому Уставу перешло въ Синодъ. Митрополитъ Серафимъ положился на двухъ Филаретовъ, а сіи вошли въ соглашеніе и написали то, что въ 1840 году напечатано. [50]

Филаретъ Кіевскій въ послѣдствіи былъ совершенно единомысленъ съ Московскимъ, и мнѣніе послѣдняго почиталъ закономъ. Истина возсіяла: добродѣтель отогнала духа вражды.*

XXIV.

Въ концѣ 1838 года, въ селѣ Комлевѣ, Рузскаго Уѣзда, Московской Епархіи, скончался Священникъ Владиміръ Семеновичъ Ушаковъ, бездѣтный. Это мѣсто моей родины. Здѣсь мой родитель, Иванъ Ивановичъ Казанцевъ, былъ дьячкомъ.

Въ это время у батюшки моего жила .ршая дочь его, Евдокія, вдова, пономарица. У нея были двѣ доче , изъ коихъ старшая, тоже Евдокія, была невѣста.

Я рѣшился исходатайствовать сіе священническое мѣсто для жениха отроковицы Евдокіи. Доложилъ Владыкѣ Филарету. Онъ мнѣ сказалъ: «Давай человѣка и просьбу!»

Я тотчасъ написалъ расторопному моему зятю, Егору Кирилловичу Добронравову (нынѣ Протоіерей въ городѣ Дмитровѣ), а сей тотчасъ нашелъ кроткаго и умнаго Семинариста, Николая Егоровича Озерова. Дѣло кончилось благополучно. Николай и Евдокія счастливо жили на мѣстѣ Священника въ Комлевѣ.

Княгиня Анна Александровна Меньшикова, помѣщица села Комлева, не соглашалась долго (изъ пустаго каприза: она прежде моего къ ней письма о семъ дала одобреніе Діякону). Но Филаретъ настоялъ.

Молодые жили счастливо. Моихъ родителей уважали. Но не долго суждено было имъ утѣшаться жизнію. Евдокія скончалась на 7 году брачной жизни (послѣ родовъ); Николай тосковалъ, и чрезъ годъ и самъ скончался.

---

* Тутъ на поляхъ приписано: «29-го Августа, 1868 года.»

Послѣ нихъ осталось дитя—Александра.

По моей просьбѣ тотъ же Егоръ Кирилловичъ выхлопоталъ ей помѣщеніе въ Горихвостовскомъ (кажется) домѣ, [51] гдѣ отроковица сія выросла въ хорошемъ ученіи и добромъ надзорѣ.

Когда же этой Александрѣ исполнилось 16 лѣтъ (кажется въ 1857 году), тотъ же Егоръ Кирилловичъ выдалъ ее за хорошаго Семинариста, Дмитрія Степановича Воздвиженскаго, который и до сего времени Священникомъ въ селѣ Георгіевскій Погостъ, Волоколамскаго Уѣзда.

Сію маленькую исторію я помѣстилъ здѣсь для того, 1) чтобъ видѣть добродѣтель и чадолюбіе Митрополита Филарета; 2) примѣромъ симъ доказать, что благоразумное, на добродѣтеляхъ основанное, патронашество вовсе не есть порокъ и слабость, а, напротивъ, дѣло богоугодное, человѣколюбивое, разумное.

XXV.

Въ Мартѣ 1839 года мнѣ поручено прочитать и дать отзывъ о Русской Грамматикѣ, соч. Архимандрита Макарія, Ректора С. П Б. Семинаріи.

(Онъ уволенъ на покой изъ Тверской Семинаріи.)

Въ это время въ Духовныхъ Училищахъ употреблялась Русская Грамматика Греча.

Карасевскій, по тогдашнему, Правитель Дѣлъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ, [52] досадовалъ на Грамматику Греча за то, что авторъ ея цѣнитъ ее дорого и не продавалъ права печатать.

На сіи рѣчи я присоединялъ свои, называя сію Грамматику легкомысленною, погрѣшительною, спутанною (особенно въ глаголахъ).

Карасевскій просилъ меня пересмотрѣть Грамматику о. Макарія, въ предположеніи, нельзя ли ее напечатать и ею замѣнить Грамматику Греча.

Я узналъ, что ее читалъ Митрополитъ Московскій Филаретъ и не одобрилъ.

Я прочиталъ самъ, и тоже не могъ одобрить, даже и по моему сужденію.

Тогда Карасевскій мнѣ сказалъ: Не угодно ли мнѣ потрудиться написать Грамматику?

Я взялся съ охотою, хотя, впрочемъ, тоже легкомысленно: я думалъ написать ее въ три мѣсяца, между тѣмъ писалъ съ полгода.

По распоряженію Карасевскаго, мнѣ собрано до 47 Русскихъ Грамматикъ, начиная съ Ломоносова, даже старше его, кажется, Смотрицкаго. [53]

Но читавши эту кучу книгъ, я увидѣлъ, что Грамматика Ломоносова есть фундаментъ для всѣхъ прочихъ, и что наибольшая часть Грамматикъ самыя легкомысленныя и часто ошибочныя.

Написавши Грамматику, я подалъ Карасевскому и Графу; они передали ее Константину Степановичу Сербиковичу (Управляющій Канцеляріею Оберъ-Прокурора). [54] Я имѣлъ нѣсколько бесѣдъ съ этимъ человѣкомъ: безспорно ученый, учился у Іезуитовъ (самъ сказалъ), коихъ правила ученія не согласны съ нашими. Я скоро съ нимъ разошелся. Потребовалъ отъ него мою Грамматику.

Митрополитъ Филаретъ пожелалъ видѣть мою Грамматику. Читалъ при мнѣ, замѣчалъ. Обѣщался напечатать для Московскихъ Училищъ даже и тогда, если бы свѣтскіе не согласились напечатать ее для всѣхъ нашихъ училищъ; впрочемъ прибавилъ: «Согласитесь ли, чтобъ я отдалъ вашу Грамматику прочитать и дать мнѣніе одному изъ Московскихъ Ректоровъ Дух. Училищъ?» Я охотно согласился.

Митрополитъ, въ 1841 году, уѣзжая изъ Петербурга, взялъ мою Грамматику, и въ Москвѣ отдалъ ее Ректору Донскихъ Училищъ Священнику (послѣ Протоіерею) Александру Евѳимовичу Нечаеву (мой товарищъ, эминентъ, первый Студентъ, сынъ Московскаго (Ѳеодоро-Студитскаго) Священника.

О. Нечаевъ тяжко окритиковалъ мою Грамматику, назвавъ ее заносчивою, мечтательною, и по тому ни къ чему негодною.

Митрополитъ возвратилъ мнѣ мою Грамматику, уже въ Одессу, въ 1842 году, при письмѣ, въ коемъ выразилъ сожалѣніе, что послѣ столь неодобрительной критики, онъ уже не можетъ приказать напечатать мою Грамматику.

Добрый Владыка принялся было сличать критику съ Грамматикою, и сдѣлалъ нѣсколько отмѣтокъ, кои всѣ въ мою пользу: но увидѣвши задоръ критики, безпрестанно возрастающій, а при томъ, конечно, и меня находя не вездѣ правымъ, оставилъ не легкій трудъ чрезъ двѣ, три, страницы.

Правда, у всякаго свой взглядъ. Правда, и я осудилъ Макаріеву Грамматику. Но я не могъ извинить въ Александрѣ Евѳимовичѣ его изступленія, его какого-то личнаго противъ меня ожесточенія, а за тѣмъ его самого не легкихъ ошибокъ.

Во время ученія нашего въ Академіи я всегда уважалъ въ немъ

юношу регулярнаго, кроткаго, благороднаго, всегда себѣ ровнаго: за что онъ меня возненавидѣлъ?

—Какъ сынъ сельскаго причетника, конечно, я не былъ такъ деликатенъ, какъ сынъ столичнаго Священника: но и я не хотѣлъ быть гнуснымъ.

XXVI.

1 Марта 1839 года именнымъ Указомъ Государя закрыта Коммисія Духовныхъ Училищъ. Дѣла ея переданы въ Синодъ. Вмѣстѣ съ симъ расширены Канцеляріи Синода и Оберъ-Прокурора, сдѣлано Духовно-Учебное Управленіе и Хозяйственное Управленіе, въ широкихъ размѣрахъ, съ умноженіемъ лицъ, кои однако же всѣ свѣтскія, съ большими окладами, изъ Духовно-учебныхъ капиталовъ.

Владыка Филаретъ, разговаривая о семъ со мною, сказалъ: «Вотъ ты до чего здѣсь дожилъ: при тебѣ упразднили Коммисію!»

Сказано было мягкимъ тономъ, съ полуулыбкою: я не понялъ ее тогда, да и теперь не понимаю ясно. Смѣшана скорбь съ радостію.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Коммисіи засѣдали и свѣтскіе: Мещерскій, Голицынъ, [55] Оберъ-Прокуроръ: они, конечно, мѣшали духовнымъ.

Между тѣмъ, и самъ Великій Филаретъ еще не могъ достаточно сказать, что будетъ изъ сего нововведенія хорошаго, и что не хорошаго.

XXVII.

13 Февраля, 1840 года, во вторникъ недѣли о Блудномъ сынѣ, я былъ у Митрополита Филарета. Представленіе сіе мое записано мною современно. Выписываю буквально:

«Пришелъ я въ 10 часу дня. Доложили обо мнѣ: приказано подождать. Я пошелъ къ Александру Петровичу Святославскому (Письмоводителю Владыки). Пробылъ минутъ двадцать. Потребовалъ Владыка.

Вхожу, кланяюсь; получилъ благословеніе. Приказано сѣсть поближе.

Владыка: «Что ты теперь дѣлаешь?»

Я.—Ничего.

В. «Давно ли безъ дѣла?»

Я.—Съ мѣсяцъ.

В. «А тогда что дѣлалъ?»

Я.—Писалъ предположеніе о переводѣ Св. Отцевъ.

В. «Какія у тебя были главныя мысли?»

Я. (Замялся).—Предположено трудъ перевода раздѣлить по Академіямъ; печатать уроками, періодически.....

В. «Не хорошъ твой проектъ. Періодическій срочный трудъ и печатаніе 1) затруднитъ Академію, особенно въ мѣсяцы экзамена и годъ выпуска; 2) не удобенъ по тому, что будетъ разсѣкать цѣлость твореній Отеческихъ; 3) не хорошо, что положена плата переводчику за листъ. Тутъ можетъ выйдти: для большей платы будутъ спѣшить переводить, а о совершенствѣ перевода не позаботятся.

«Да развѣ Академіи безъ дѣла, что ты ихъ потчиваешь такими тягостными трудами?

Если учащихъ въ Академіяхъ обязать строгимъ предписаніемъ къ симъ постороннимъ для нихъ трудамъ, они будутъ не хороши въ классѣ: отнимешь у нихъ время. Ты бы Вятскому Ректору (т. е., мнѣ) порекомендовалъ такую работу. (Это было сказано полусерьозно и съ полуулыбкою).

«Александръ Ивановичъ Карасевскій вздумалъ управлять нашими духовными дѣлами. Ему, правда, и дано право на это. Да онъ очень благоразумно дѣлаетъ, что, не зная нашихъ дѣлъ, употребляетъ для сего изъ нашихъ (т. е., меня). Ему все простительно. Говоритъ, какъ разумѣетъ, и какъ ему представлено (т. е., отъ меня). Но ты какъ не разсудилъ спросить никого, кто постарше тебя, а принялся рѣшать такія трудныя, до всего духовенства относящіяся, задачи одною своею головою?»

Я.—Не смѣлъ утруждать, будучи отдѣленъ отъ духовныхъ моимъ настоящимъ положеніемъ, о чемъ непрестанно жалѣю.

Владыка. «Такія извиненія никуда не годятся; я ихъ не люблю. Чего тутъ опасаться безпокоить, гдѣ дѣло идетъ объ общемъ благѣ? Хорошъ ли бы я былъ, если бъ, идя ночью, видѣлъ человѣка, упавшаго въ яму, и прошелъ мимо его потому, что, не имѣя возможности вынуть его одинъ, не осмѣлился обезпокоить близь живущаго сосѣда? Кто тебѣ отказывалъ, и кто откажетъ? Опасаться тутъ нечего: это не тайна. А совѣтъ старшаго былъ бы твердъ, и тебѣ полезенъ, и къ дѣлу годенъ.»

Помолчавъ не много, Владыка тяжело вздохнулъ съ молитвой: «Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь!» Кажется, уже и мы живемъ въ предмѣстіяхъ Вавилона, если не въ немъ самомъ. Какъ мало примѣчаютъ знаменія Всевышняго Промысла, проти-

водѣйствующія и полагаемыя во обличеніе неправодѣйствія! Куда идутъ? чего хотятъ? Не жалѣемъ, что сокращаютъ и отнимаютъ вовсе власть: видно, на то есть воля Божія—за наши грѣхи. Но жаль, что терпитъ общее благо. Все только портятъ, а не усовершаютъ.»

Это послѣднія слова Владыки. Тутъ онъ обратился ко мнѣ и спросилъ: За чѣмъ я пришелъ?

Я замялся; по тому что пришелъ больше послушать его. Однако сказалъ: «Я желалъ бы слышать о моей Грамматикѣ.»

Владыка. «Ну, виноватъ. Теперь брани меня ты. Не читалъ еще твоей Грамматики. Некогда: а то былъ болѣнъ.»

Столько записано тогда же.

Прибавляю нынѣ:

Первое. О Грамматикѣ (см. выше XXV ст.).

Второе. О Проектѣ перевода Св. Отцевъ:

Въ многократныхъ моихъ бесѣдахъ съ Карасевскимъ (я былъ у него въ родѣ его компаніона, послушника, исполнителя его приказаній, по распоряженію Графа Протасова), я не разъ входилъ въ разсужденія о переводѣ классической древности—Греческой и Латинской на Русскій языкъ, и удостовѣрялъ, что только съ того времени, какъ будетъ переведена на Русскій языкъ классическая древность, можно ожидать, что въ Россіи водворится самостоятельное классическое образованіе. Такъ было у Англичанъ, у Французовъ, у Нѣмцевъ.

За тѣмъ, еще настойчивѣе я утверждалъ, что только съ того времени, какъ Русскіе богословы будутъ читать Святыхъ Отцевъ на Русскомъ языкѣ, можно ожидать, что они будутъ самостоятельные и зрѣлые Богословы, и не будутъ зависѣть отъ Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ богослововъ и богословій.

Карасевскій мнѣ предложилъ изложить сіи мои мысли на бумагѣ

Я это сдѣлалъ, и подалъ ему.

Карасевскій видно съ симъ моимъ проектомъ явился къ Митрополиту Филарету.

По свойственному мнѣ легкомыслію и торопливости (а можетъ быть меня и торопили), я позабылъ (винюсь) съ симъ проектомъ сперва явиться къ Митрополиту. (Отвѣтъ мой Филарету на этотъ вопросъ не искренній, ложный. См. выше.)

Можетъ быть я еще и опасался представить Владыкѣ сей мой проектъ по тому, что могъ ожидать отъ него неодобренія (какъ и случилось).

Скажу однако: послѣ сего моего проекта, чрезъ два года, и въ самомъ дѣлѣ начали переводить въ Московской Академіи Григорія Богослова, а въ Санктъ-Петербургской Академіи историковъ — Евсевія, Сократа, Созомена, а потомъ Іоанна Златоустаго.

И изъ разговора Владыки со мною отчасти видно, что его упреки мнѣ были сущіе отеческіе. Но на бумагѣ нельзя изложить той Ангельской кротости и благожеланій Владыки, какія печатлѣлись на устахъ его, во взорѣ, тонѣ рѣчи и движеніяхъ его въ это время. Онъ бранилъ меня; но я желалъ бы чаще слышать такую созидающую, согрѣвающую, радующую брань.

Видно было, что Владыка не шутилъ тѣмъ, что говорилъ. И увлекаясь сладостію истины, забывалъ неизмѣримость разстоянія между нимъ и его маленькимъ слушателемъ: говорилъ со мною, какъ человѣкъ не много постарше меня.

Конечно, въ этотъ благодатный разъ было со мною много и другихъ рѣчей Владыки (онъ обыкновенно держалъ меня съ часъ, а иногда и гораздо болѣе); онѣ тогда не записаны, а теперь я уже ничего не помню.

XXVIII.

Въ 1840 году, въ Вознесеніе Господне, 4 Маія, я напросился служить съ Митрополитомъ Филаретомъ, въ его домовой церкви, на Троицкомъ подворьѣ.

Прихожу въ церковь. Вижу другого Архимандрита, тоже готовящагося служить со Владыкою. Это—Архимандритъ Макарій, первый и знаменитый Алтайскій миссіонеръ. [56]

Служили со Владыкою. (Макарій не дозволялъ мнѣ стать на второе мѣсто, какъ я хотѣлъ, уважая его лѣта и подвиги; но онъ рѣшительно отклонилъ, сказавъ: «Вы на службѣ; я сошелъ съ нея.») Послѣ служенія, по обычаю, пошли ко Владыкѣ на чай.

Полна гостиная господъ и почти однѣ женщины, изъ коихъ нѣкоторыя очень молоды. Намъ съ о. Макаріемъ едва достали два послѣднихъ стула.

Выпивши по чашкѣ чаю, мы съ о. Макаріемъ встали, приняли благословеніе у Владыки, и вышли.

Въ залѣ о. Макарій меня остановилъ и сталъ спрашивать, кто я, откуда и что здѣсь дѣлаю. Сказавши въ пяти словахъ отрывисто,

я просилъ о. Макарія выйти изъ залы и въ его кельѣ я обѣщался говорить съ нимъ, сколько онъ пожелаетъ.

Макарій не послушалъ, а началъ прогуливаться взадъ и впередъ по залѣ, держа меня за руку и прося разсказать о себѣ шире и шире.

Я былъ какъ на иглахъ, ежеминутно опасаясь выхода гостей отъ Владыки. Макарій успокоивалъ: «Нѣтъ; гости просидятъ долго у Владыки.»

Мнѣ совѣстно было грубо отказывать о. Макарію; я сталъ съ нимъ прогуливаться по залѣ.

И что же?

Отворяется гостиная, боярыни выходятъ, вертясь обычно и нѣжно кланяясь Владыкѣ; а я закинулъ обѣ руки назадъ и кланялся.

Владыка вышелъ было въ залу за боярынями и милостиво кланялся имъ, но, увидѣвъ насъ, онъ вспыхнулъ, въ глазахъ блеснула молнія; онъ быстро повернулся назадъ, и хлопнулъ за собою дверью такъ. что зазвенѣли окна.

Такъ то полу-юродивый Архимандритъ Макарій ввелъ меня во искушеніе.

Послѣ этого Макарій не сталъ меня удерживать, и мы разошлись каждый въ свое мѣсто.

Я, однако же, былъ какъ-то у о. Макарія въ его кельѣ (на подворьѣ Владыки). Помню, что разговоръ былъ интересный, а о чемъ, теперь не помню.

Онъ въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ, между прочимъ, съ своимъ переводомъ Пророковъ съ Еврейскаго на Русскій. Онъ просилъ Св. Синодъ дозволить напечатать сей его переводъ.

Тогда это казалось святотатствомъ. Митрополитъ Серафимъ сказалъ (яко бы) въ Синодѣ о семъ переводѣ Пророковъ: «Въ печь этотъ переводъ!»

Нынѣ онъ, однако же, напечатанъ. [57]

Послѣ сей тяжкой сцены, я не смѣлъ долго явиться ко Владыкѣ, и взглянуть на его Ангельски-дѣвственный взоръ и ликъ. Добрый Владыка видно мнѣ простилъ: я оправдываться не смѣлъ, а онъ не заводилъ о семъ рѣчи, и паки былъ милостивъ ко мнѣ.

XXIX.

Въ день Святителя Николая, 6 Декабря, 1839 года, я, какъ чередной Архимандритъ, долженъ былъ произнести проповѣдь тамъ, гдѣ главное Архіерейское служеніе (Императоръ Николай въ этотъ день праздновалъ свое тезоименитство). Служеніе было въ Морскомъ Никольскомъ Соборѣ. Служилъ Митрополитъ Филаретъ Московскій.

Архимандритъ, говорящій проповѣдь, въ этотъ день не служитъ; проповѣдь свою говоритъ въ причастенъ, въ мантіи.

Филаретъ приказалъ мнѣ говорить проповѣдь въ «Буди имя Господне!»..., и сѣлъ въ царскихъ вратахъ, чтобъ слышать мою проповѣдь и видѣть самого меня.

Вышло несчастіе: проповѣдь переписана была чужою рукою, а не мною (прежде я всегда самъ переписывалъ); писалъ подъячій малограмотный; въ соборѣ сущій мракъ (въ нижнемъ этажѣ); я не учу наизусть моихъ проповѣдей. По сему довелось взять тетрадь въ руки, и, поднеся ее близко къ глазамъ, читать какъ урокъ, безпрестанно заботясь лишь о томъ, чтобъ не переврать своей рѣчи. Было очень грустно! Это былъ единственный случаі въ моей жизни—сказать проповѣдь при такомъ великомъ цѣнителѣ нашемъ.

Филаретъ, однако же, тщательно выслушалъ всю мою проповѣдь; разсказалъ мнѣ ея содержаніе. Не похвалилъ (но безъ укоризны) мои натуральныя доказательства о безсмертіи души. (Въ проповѣди церковной это почти излишне, сказалъ Владыка). А, впрочемъ, о проповѣди отзывался благосклонно. Это было сказано Владыкою не въ церкви, а дома, гораздо послѣ.

Отъ обѣдни Митрополитъ зашелъ къ мѣстному Протоіерею, Тимоѳею Ѳеропонтовичу Никольскому (Магистръ 1 курса, Спб. Ак. и ученикъ Филарета). [58] Здѣсь побылъ для чашки чая только.

Тутъ, между нѣсколькими свѣтскими, былъ Горголи, старецъ глубокій, со многими звѣздами.

Онъ недавно расписалъ (на свой счетъ, и едва ли не своею рукою) алтарь Николаевскій. На стѣнахъ окна, на горнемъ мѣстѣ, изображены, въ колоссальномъ видѣ, четыре Евангелиста, съ символами—Ангелами. Кажется, одни символы безъ Евангелистовъ. У Ев. Марка левъ огромный и страшно свирѣпый.

Филаретъ сказалъ: «Въ духовномъ мірѣ, у небожителей, нѣтъ свирѣпости. Вы поступили бы лучше, если бы дали Ангеламъ болѣе мягкій видъ.»—Горголи выслушалъ, и смиренно преклонился, въ знакъ согласія и какъ бы прося извиненія.

XXX.

Въ день Филаретовъ, 1 Декабря, 1839 года, я навязался служить со Владыкою Московскимъ у него, на подворьѣ.

Филаретъ сказалъ спасибо, но сквозь зубы. Тогда я просто поъ думалъ, что надоѣдаю своею навязчивостію. Нѣтъ: Владыка и себя и меня ограждалъ отъ злорѣчія и подозрѣній: тогда твердили, что Никодимъ самъ по себѣ ребенокъ, какъ всякій молодой Ректоръ; но что его лелѣетъ Филаретъ по причинамъ, которыя находилъ въ своей черной душѣ всякій, хватаясь за первое, что попадалось, всегда въ укоризну Филарету.

Правда, и Графу Протасову и Карасевскому я всегда величалъ Филарета, и не дозволялъ при себѣ унижать его: но это была только справедливость съ моей стороны. И Филаретъ только цѣнилъ то во мнѣ, что есть, и какимъ ему я казался.

На чай, послѣ обѣдни, я пошелъ къ Економу подворья (Иннокентій, нынѣ Архимандритъ, Настоятель Андронникова монастыря). [59]

У Митрополита, въ это время, были вельможи въ лентахъ и звѣздахъ. Экипажи ихъ запрудили Троицкую улицу и площадь подворья.

(Я былъ, 8 Ноября, у Митрополита Серафима (день ангела его). Много людей, но только духовные. А свѣтской знати почти никого).

XXXI.

12 Декабря, 1839 года (день рожденія покойнаго Императора Александра Павловича), мы служили съ Митрополитомъ Филаретомъ въ крѣпости, въ Петропавловскомъ соборѣ. Владыка простудился.

Въ соборѣ, когда придешь служить, 11 градусовъ тепла, а кончишь служеніе, будетъ только 3 градуса. Сверхъ того, какое-то сильное и пронзающее теченіе воздуха идетъ изъ церкви въ алтарь, сквозь царскія врата.

Владыкѣ посовѣтовали какія-то барыни имѣть подрясникъ теплый на пуху: онъ отъ того и простудился (сказывали).

Филаретъ глубоко чтилъ память великаго Александра; [60] ибо, кромѣ того, что знаютъ многіе, онъ зналъ то, чего, можетъ быть, и доселѣ не знаютъ о семъ великомъ Государѣ.

XXXII.

19 Декабря, 1839 года, я былъ у Митрополита Филарета. Между разговорами, онъ сказалъ: «и иностранныя газеты пугаютъ чѣмъ-то враждебнымъ противъ Вѣры и Церкви въ будущемъ 1840 году.»

Потомъ пошла рѣчь о лжепророкахъ, о Штилингѣ. [61]

Жаль, что не записаны были въ то время рѣчи Владыки. Онѣ конечно интересны.

Филаретъ не увлекался сими лжепророками: это я твердо знаю. А, однако, онъ не былъ къ нимъ равнодушенъ, по крайней мѣрѣ не презиралъ ихъ.

Здѣсь припоминаю обстоятельство:

Бородинская Игуменія Марія Тучкова (родомъ Нарышкина) показывала мнѣ Библію Митрополита Филарета, которую онъ ей подарилъ. Библія въ осьмушку, стереотипная, Библ. Общества, безъ цитатъ внизу. Библія преисполнена замѣчаній и отмѣтокъ рукою Филарета, чернилами.

Я помню отмѣтки въ Апокалипсисѣ: надъ какимъ-то Ангеломъ съ трубою отмѣчено на полѣ: «Г-жа Гіонъ?» [63]

Стоитъ поискать эту Библію, и пріобрѣсти въ общую сокровищницу памяти о великомъ Филаретѣ.

XXXIII.

9 Генваря, 1840 года, ко мнѣ приходитъ старуха, въ лохмотьяхъ, полуумная, но дерзкая. Говоритъ:

«Я дѣвица духовнаго званія. Изъ Москвы. Пришла въ Петербургъ пѣшкомъ. Хочу жаловаться Государю на Митрополита Филарета вотъ за что: У меня былъ братъ Священникъ. Онъ умеръ, и жена его. Послѣ нихъ осталась дочь отроковица. Я ее привела къ Митрополиту. Онъ ее опредѣлилъ въ Горихвостовское заведеніе, и сказалъ: «Пусть учится твоя племянница въ этомъ заведеніи, а когда выростетъ, дадимъ жениха.» Дѣвочка выучилась, выросла, я привела ее къ Филарету, и сказала: «Давай ей жениха, какъ обѣщался!» — Филаретъ сказалъ: «Это не мое дѣло. Ищи сама, а я дамъ мѣсто.»

За это-то эта полуумная старуха и пришла пѣшая въ морозы, въ лохмотьяхъ, жаловаться Государю.

Ко мнѣ же она пришла, кажется, съ тѣмъ, чтобъ я ее наставилъ, какъ и гдѣ подать просьбу, даже чтобъ я написалъ и просьбу.

Я ее разбранилъ и грозилъ, что если она осмѣлится утруждать Государя просьбою, будетъ сослана въ Сибирь.

Что же она?—Она точно подала просьбу на Филарета.

Скитаясь по Петербургу, голая и голодная, не имѣя пристанища, она поднята была Полиціею окостенѣвшая у забора. Ее отослали въ Обуховскую больницу. Стали лѣчить. На это время Великій Князь посѣтилъ эту больницу. Эта полуумная подала просьбу Наслѣднику на Филарета, и его спрашивали!

Старуха, пришедши ко мнѣ, заговорила, обливаясь слезами: «Защити, Архимандритъ Никодимъ, гонимую сироту! Я о тебѣ слышала, что ты добрый и милостивый человѣкъ.»

Такъ невѣжество ехидно!

Такъ не даромъ теряютъ умъ свирѣпыя души!

Такъ и милости требуютъ осторожностей!

XXXIV.

27 Февраля, 1840 г., во вторникъ 1 недѣли поста, я былъ въ церкви Московскаго подворья, чтобъ послушать чтеніе великаго канона.

Народу много до сущей давки.

Митрополитъ Филаретъ читалъ канонъ предъ царскими дверями смиренно, какъ монахъ пустынный. Читалъ ясно, но безъ экспрессіи, монотонно, какъ читалъ бы простой неученый Іеромонахъ.

Меня это удивило. Сколько я слыхалъ ученыхъ Настоятелей, обыкновенно читаютъ этотъ канонъ съ выраженіемъ.

Урокъ нашей суетности!

Филаретъ ли не умѣлъ бы прочитать канонъ Св. Андрея ораторски?

Не скрою, однако, что легкая декламація, по крайней мѣрѣ ударенія на словахъ болѣе значущихъ, будутъ не лишни, въ такомъ пылающемъ чувствіями канонѣ.

XXXV.

16 Марта, 1840 года, въ субботу 3 недѣли поста я былъ у Владыки.

Сперва онъ довольно защищался предо мною, что не успѣлъ ещ

прочитать моей Русской Грамматики. Такъ великіе люди снисходительны и къ малымъ.

Потомъ онъ сталъ говорить со мною отрывисто: куда-то спѣшилъ.

1, О проектѣ Лексикона Еврейскаго, придуманномъ Архимандритомъ Аѳанасіемъ, Ректоромъ Рязанской Семинаріи (нынѣ Архіепископъ Астраханскій) " Владыка сказалъ: «Странность и щегольство!

Проэктъ остался безъ исполненія.

2, О краткой Латинской Грамматикѣ, кѣмъ-то сочиненной (не записано) и навязываемой Духовнымъ Училищамъ:

«Тяжелаго не сдѣлаешь легкимъ. Что можно, облегчено: осталось, чего облегчить нельзя.»

«Отъ такихъ легкообученій нынѣ уже и Германскіе Доктора наукъ претыкаются о Грамматику, и не краснѣютъ, пиша по Латыни съ ерорами.»

3, Владыка подивился Грамматикѣ «Русская для Русскихъ» Г. Полозова:

«Это чепуха, забвеніе и языка, и Грамматики, и учителя, и слушателей.»

XXXVI.

31 Марта, 1840 года, Воскресеніе 5 поста.

Въ это Воскресенье, и въ это число я постриженъ въ монахи, въ 1829 году, въ Лаврѣ Преп. Сергія.

Я рѣшился служить на Троицкомъ подворьѣ со Владыкою. Спасибо не пренебрегъ, хотя вышелъ косой соборъ.

Какъ въ царствіи небесномъ я былъ, служа предъ лицемъ такого тихаго, благоговѣйнаго, умилительнаго Владыки.

Пѣвчіе отличные, разумные, степенные, пѣли скромно. Пѣли концертъ:..... «Коснись горамъ, и воздымятся»..... Но не было дикаго рева и взрыва.

Послѣ литургіи приказалъ Владыка быть у него: двѣ чашки чаю.

Вопросъ: «По чему ты служилъ у меня?»

Отвѣтъ: «Въ сей день и въ сіе число я постриженъ въ монаха въ Лаврѣ Преп. Сергія.»

Опять Владыка извинялся предо мною, что не читалъ моей Грамматики. Взялъ ее. Началъ читать, дѣлалъ замѣчанія.

Потомъ сказалъ: «Я усталъ. Дай отдохнуть: прости!»

Такъ мягко и нѣжно не говаривалъ со мною ни одинъ Владыка, даже и по полученіи мною сана Архіерейскаго.

XXXVII.

29 Марта, 1840 года, въ Пятницу вечеромъ, я слушалъ Всенощное Акаѳиста на Троицкомъ подворьѣ. Хотѣлось послушать чтеніе Акаѳиста Владыкою.

(Записано тогда же.) Акаѳистъ читалъ Митрополитъ Филаретъ рѣдко, умилительно, неухищренно, выразительно.

Были исправленія:

Вмѣсто — многоплачевный струпе — многоплачевное пораженіе.

Вмѣсто—яко блядива—яко безумна.

Вмѣсто—Садителя жизни нашея—Насадителя жизни нашея.

XXXVIII.

5 Апрѣля, 1840 года, въ Пятницу 6 недѣли поста, Митрополитъ Филаретъ потребовалъ меня къ себѣ, въ часа 4 вечера.

Грамматика моя прочитана. Много замѣчаній. Есть поправки. Я почти со всѣми согласенъ.

«Надобно было видѣть, какъ Владыка былъ остороженъ, критикуя; будто боится, чтобъ не огорчить. Замѣчанія поучительны.» (Современная запись.)

XXXIX.

24 Апрѣля, 1840 года, Директоръ Духовно-учебнаго Управленія, Александръ Ив. Карасевскій, вручилъ мнѣ три проекта: 1) свой, 2, Митрополита Филарета Московскаго, 3) Митрополита Кіевскаго. Въ нихъ исчислены предметы обученія въ Семинаріи, съ прибавленіемъ новыхъ—Сельскаго Хозяйства, Медицины, Естественной Исторіи, Катихизиса Петра Могилы.

Мнѣ поручено раздѣлить сіи предметы по классамъ въ недѣлю, и назначить въ каждое Отдѣленіе Семинаріи Наставниковъ.

26 Апрѣля я былъ у Московскаго Владыки, повѣдалъ ему о данномъ мнѣ порученіи, и просилъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ наставленія.

Было много драгоцѣнныхъ рѣчей. Не помню ихъ. Вотъ что записано только:

На мою жалобу о исключеніи Философіи и пополненіи Семинаріи ученіями ничтожными и безполезными, Владыка сказалъ:

«Надобно въ чемъ нибудь и имъ (свѣтскимъ) уступить, чтобъ отъ нетерпѣливости не перепортили всего.»

О Философіи и Математикѣ Владыка сказалъ: «Науки сіи нужны въ Семинаріи, какъ оселокъ испытанія, изощренія и приведенія въ порядокъ мыслящаго духа.»

О Медицинѣ сказалъ:

«Поверхностное знаніе Семинаристами Медицины безполезно, даже вредно. Вмѣсто излѣченія могутъ увеличить болѣзнь.

«До сихъ поръ Священникъ приходскій есть врачъ духовный. Всякій совѣтъ его пріемлется за святость. Когда же онъ будетъ лѣчить болѣзни тѣлесныя лѣкарствами земными, то можетъ произойти, что его неудачное лѣченіе лишитъ его довѣрія даже и въ совѣтахъ духовныхъ.

«И смертная болѣзнь иногда начинается легкими припадками. За тѣмъ болѣзнь растетъ, усиливается, не уступаетъ лѣкарствамъ; человѣкъ умираетъ! Тогда родные скажутъ: «Вотъ больной заболѣлъ легко, но батюшка далъ ему какое-то лѣкарство, и онъ умеръ!»

На охоту учить безъ правилъ (Романтизмъ), вмѣсто того, что прежде учили правилами (Классицизмъ), Владыка сказалъ:

«Какъ бы не дожить до того, что ученики будутъ учить учителей, и начальникамъ приказывать подчиненные.»

(Впрочемъ, тутъ кажется есть и другой смыслъ. Проекты Митрополитовъ отдаютъ на пересмотръ Архимандриту! Но добрый Владыка на меня не сердился, по тому что видѣлъ меня въ полону у свѣтскихъ).

Мое размѣщеніе предметовъ ученія по числу уроковъ въ недѣлю, и исчисленіе учителей, въ это время составленное, не принято, но подвергнуто новому разсмотрѣнію въ Собраніи, состоявшемъ изъ четырехъ Архимандритовъ, въ числѣ коихъ я былъ третій:

1 Николай, Ректоръ С.-Пб. Академіи (вскорѣ Тамбовскій Епископъ). [65]

2 Аѳанасій, Ректоръ С.-Пб. Семинаріи (чрезъ годъ Епископъ Томскій). [66]

3 Я, Никодимъ.

4 Іоаннъ, Ректоръ Харьковской Семинаріи (послѣ первый Ректоръ Казанской Академіи).

Было два засѣданія въ Духовномъ Учебномъ Управленіи, въ присутствіи Карасевскаго и Начальника Отдѣленія, 27 Іюня и 1 Іюля.

Предсѣдательствовалъ Ректоръ Академіи. Я возражалъ ему жарко, ибо видѣлъ, что онъ, потворствуя свѣтскимъ, увеличивалъ число уроковъ на Медицину, Сельское Хозяйство и проч., и сокращаетъ число уроковъ на коренныя науки, на примѣръ: Словесности давалъ 5 уроковъ, Философіи 4 урока.

Моими возраженіями я хоть не много оттянулъ уроковъ отъ пустыхъ ученій къ кореннымъ.

Два другіе Архимандрита молчали. [67]

XL.

29 Октября, 1840 года, я былъ на поклонѣ у Митрополита Филарета. Онъ вчера пріѣхалъ изъ Москвы.

Былъ принятъ милостиво, съ тактою, одному ему свойственною. Первый взглядъ его уже внушаетъ ему полное довѣріе.

Ни съ однимъ Архіереемъ я не говаривалъ такъ свободно, ни одинъ Архіерей не дозволялъ мнѣ такой близости къ себѣ, ни одинъ Архіерей не привязывалъ меня къ себѣ такъ могущественно и рѣшительно, и я не видывалъ и не слыхивалъ Архіерея, говорящаго и поучающаго такъ мудро, проницательно, дѣльно, каковымъ всегда былъ этотъ великій Святитель.

Не опасайтесь: будучи близокъ къ маленькому, онъ не уронитъ себя, и не дастъ этому малому забыться: нѣтъ, онъ благъ, но и величественъ.

Владыка спросилъ меня о моей Грамматикѣ, и велѣлъ принести ее къ себѣ.

Спрашивалъ, что я дѣлалъ прошедшимъ лѣтомъ, что дѣлаю теперь?

Выразилъ отеческое участіе въ моей грусти о томъ, что я ни

при мѣстѣ, ни безъ мѣста, ни при дѣлѣ, ни безъ дѣла. Я отвѣчалъ молчаніемъ и поклонами.

Пожалѣлъ, что не приняли моего проекта о раздѣленіи курсовъ Семинаріи на годы. Я предлагалъ: а) въ Училищѣ пять лѣтъ, въ Семинаріи седмь; б) каждый годъ считать курсомъ и каждый годъ пролюція (переводъ въ высшій классъ), и въ Училищѣ и въ Семинаріи.

---

2 Ноября былъ у Митрополита и подалъ ему мою Русскую Грамматику.

Прочитавши въ ней мое предисловіе, онъ сказалъ:

«Тамъ какъ хотятъ. Если не согласятся принять (т. е., во всеобщее употребленіе), я велю напечатать для училищъ своей Епархіи. Впрочемъ, надобно внимательно прочитать.»

Грамматика осталась у Владыки.

XLI.

Въ Августѣ 1840 года пріѣхалъ въ С.-Петербургъ изъ Каменца-Подольска тамошній Архіепископъ, Кириллъ, вызванный сюда для присутствія въ Св. Синодѣ. [68]

Онъ помѣстился на Синодальномъ подворьѣ, т. е., тамъ, гдѣ жилъ и я.

Преосвященный Кириллъ скоро приласкалъ меня.

Ему дано было порученіе: прочитать сочиненія восьми Студентовъ Московской Духовной Академіи, въ семъ году кончившихъ курсъ.

Отъ каждаго Студента было отъ трехъ до пяти проповѣдей и, по крайней мѣрѣ, два разсужденія.

Это не малая кипа тетрадей!

Болѣзненный Преосвященный Кириллъ просилъ меня перечитать всѣ сіи сочиненія, составить на каждое сочиненіе примѣчанія, и ему представить.

За симъ дѣломъ я сидѣлъ съ мѣсяцъ, и подалъ Преосвященному Кириллу мои примѣчанія.

Кириллъ былъ очень радъ, благодарилъ, и обѣщался подать ихъ Синоду.

Однако, такъ какъ примѣчанія мои большею частію указывали

ошибки и недостатки, а не дѣлали похвалъ сочинителямъ: то я просилъ Владыку пересмотрѣть дѣло вновь, слишкомъ строгія сужденія смягчить, а нѣкоторыя и совсѣмъ выпустить. Я сказалъ Преосвященному Кириллу: «Я дѣлалъ мои замѣчанія для васъ, а не для Синода: прошу смягчить ихъ.» Едва согласился Владыка измѣнить кое что.

Рапортъ или представленіе Св. Синоду, съ возвращеніемъ сочиненій Студентовъ и съ приложеніемъ отзыва его о каждомъ изъ нихъ, Преосвященный Кириллъ продиктовалъ мнѣ самъ. Здѣсь онъ строго осуждалъ начальство Академіи за представленіе столь не совершенныхъ сочиненій, а также и за то, что сіи несовершенства читавшими ихъ наставниками не отмѣчены.

Въ такомъ видѣ дѣло поступило въ Синодъ.

Въ одно изъ близкихъ засѣданій назначено слушаніе сего дѣла.

Оберъ-Секретарь читаетъ Присутствію дѣло: сперва рапортъ Преосвященнаго Кирилла, потомъ замѣчанія на сочиненія Студентовъ.

Члены Синода изумились. Напряженное молчаніе. Свѣтскіе вытянулись съ сардоническою улыбкою, ожидая бурной сцены между Митрополитомъ Филаретомъ и Архіепископомъ Кирилломъ.

Филаретъ дѣйствительно видимо раздражался, не разъ останавливалъ читающаго, дѣлалъ обращенія къ Преосвященному Кириллу, старался смягчить фразы, требовалъ объясненій. Такая сцена раздраженій длилась долго. Наконецъ Филаретъ, чтобы прекратить смущеніе, сказалъ отцамъ Синодскимъ:

«Позвольте мнѣ взять это дѣло и пересмотрѣть. Можетъ быть, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Каменецъ-Подольскимъ, мы найдемъ способъ дать ему мирное окончаніе.»

Филаретъ сидѣлъ съ Преосвященнымъ Кирилломъ рядомъ (Филаретъ во второй, Кириллъ въ третьей парѣ). Отъ нетерпѣнія онъ толкалъ Кирилла въ бокъ, говоря тихонько: «Что ты говоришь? Противъ кого? Позабылъ свою родину?»

Пріѣхавши изъ Синода, Преосвященный Кириллъ разсказалъ мнѣ все это, изумляясь:

«Ну, братъ! я сегодня въ Синодѣ вытерпѣлъ такую бурю, какой и не помню въ жизни. Московскій Владыка пришелъ въ великую досаду за наши съ тобою замѣчанія на сочиненія Московскихъ Студентовъ.»

Во всю эту сцену прочіе Члены Синода молчали; разглагольствовалъ одинъ Митрополитъ Серафимъ, и смѣшилъ собою.

На примѣръ:

О разсужденіи одного Студента Преосвященный Кириллъ написалъ:

«Разсужденіе сіе (о вѣчности мученій) не представляетъ новыхъ взглядовъ на этотъ предметъ.»

Серафимъ подхватилъ: «Благодарю васъ, Преосвященный. Замѣчаніе хорошее. У нихъ все новые взгляды!»

Изумились всѣ и свѣтскіе и духовные!

Такъ-то малодушенъ и предзанятъ былъ Митрополитъ Серафимъ противъ Филарета!

Въ Синодѣ дѣло это въ самомъ дѣлѣ кончилось тихо; но не легко было Академіи Московской: имъ даны строгія замѣчанія.

Изъ восьми Студентовъ, кажется, двое не получили степени Магистра, хотя къ тому были представлены.

Дѣло это остудило Митрополита Филарета отъ меня. Онъ меня, кажется, не бранилъ за него; но я потерялъ у него много довѣрія къ себѣ.

Но пусть кто какъ хочетъ судитъ. Оставляя интриги, которымъ я никогда не даю цѣны, скажу: я сдѣлалъ такъ, какъ понялъ дѣло. Я не виновенъ, что Академическое Начальство небрежно, а студенческія сочиненія плохи.

XLII.

Преосвященный Кириллъ съ Августа началъ ѣздить въ Синодъ. Филаретъ пріѣхалъ въ концѣ Октября.

Въ Ноябрѣ призываетъ меня къ себѣ Преосвященный Кириллъ, и говоритъ:

«Ну, братъ, я сегодня былъ въ Синодѣ, и Синода не узналъ.

«Бывало мы съ Митрополитомъ Іоною (Грузинскимъ) [69] сидимъ въ присутствіи часъ и болѣе даромъ. Дѣлъ никто никакихъ не подаетъ; свѣтскіе то войдутъ въ присутствіе, то выйдутъ; прогуливаются какъ на бульварѣ, и изрѣдка заводятъ съ нами рѣчи, и почти всегда о пустякахъ.»

«Сегодня, когда впервые пожаловалъ въ Синодъ Митрополитъ Московскій, все приняло строгій чинъ и порядокъ.

Прокуроръ съ своими чинами на мѣстѣ; Оберъ-Секретарь съ кипою докладовъ.

Начинаются доклады одинъ за другимъ, выслушиваются рѣшенія Синода, безъ перерыва. И послѣ двухъ часовой работы, встаемъ, молимся, раскланиваемся, разъѣзжаемъ по своимъ мѣстамъ.»

Такъ много значилъ Филаретъ въ Синодѣ.

XLII.

Синодскіе анекдоты:

а) Мнѣнія и предположенія Членовъ Св. Синода не всегда принимались: ихъ иногда отклоняли. Даже самъ Митрополитъ Серафимъ терпѣлъ неудачи: напротивъ, предложенія Митрополита Московскаго всегда оставались дѣломъ и закономъ.

б) Серафимъ, по слабости здравія, попросилъ Митрополита Московскаго читать и подписывать журналы и протоколы Синода первымъ: «Вы помоложе меня, сказалъ онъ, потрудитесь вычитывать, и подписывайте, что признаете справедливымъ. А я уже за Вами буду подписывать, довѣряя Вамъ, не читая.»

Филаретъ принялъ предложеніе. Канцелярія и все свѣтское поникли. Своеволія прекратились.

Спустя не много времени, одинъ изъ засѣдающихъ за Прокурорскимъ столомъ пришелъ къ Серафиму и, принявши видъ самаго покорнаго послушника, изъяснилъ свою жалобу на Митрополита Филарета: «Вы ему поручили первому читать журналы. Но онъ къ Вамъ не благодаренъ: отмѣняетъ Ваши опредѣленія.» И въ доказательство пріискалъ какую-то забытую мелочь.

Серафимъ вспыхнулъ, и отмѣнилъ уступку, данную Филарету, сказавъ чиновнику важно: «Подавать снова дѣла мнѣ прежде всѣхъ.» (Это я слышалъ въ тѣ годы, когда жилъ въ Петербургѣ (1838—41).

в) Митрополитъ Филаретъ самъ мнѣ сказалъ однажды: «Свѣтскіе въ Синодѣ вольничаютъ. Даже отмѣняютъ данныя Синодомъ рѣшенія.» Тутъ онъ разсказалъ какое-то дѣло о церкви въ Нижегородской Епархіи. Синодъ его рѣшилъ — да, а въ журналѣ написано — нѣтъ.

22 Сентября,
1868 года.

г) Доводилось мнѣ не разъ сидѣть у Митрополита, какъ вдругъ приходилъ Прокуроръ Графъ Протасовъ.

Владыка тотчасъ надѣвалъ рясу и покрывалъ себя Митрополичьимъ клобукомъ (онѣ у него всегда готовы въ шкапѣ, что у софы).

Меня Владыка тотчасъ отпускалъ, благословивши.

Со мною же блаженный Владыка часто бесѣдовалъ просто въ подрясничкѣ.

Черный, шерстяный; кушакъ той же матеріи, густой, завязанъ узломъ. На головѣ черная сѣтка плетеная, либо скуфья черная. Иногда Владыка въ босовичкахъ и чулочкахъ бѣлыхъ. Даже бывало, Владыка и приляжетъ на софѣ, говоря со мною, или слушая мои рѣчи, либо чтеніе. Видалъ я, въ эти времена, Владыку въ старыхъ, весьма поношенныхъ, совершенно рыжихъ, сапогахъ.

д) Протасовъ не дожидался приглашенія войти въ гостиную, а шелъ прямо за келейникомъ, идущимъ доложить.

Дерзко и обидно. Владыка не въ парадной гостиной (въ это время), а въ домашней. Прокуроръ не свой ему; часы не законные, на прим., 3 часа по полудни.

е) Однажды Протасовъ пришелъ къ Филарету, и началъ съ нимъ говорить о чемъ-то весьма громко, почти крикомъ, какъ это въ модѣ у военныхъ и у Начальниковъ. Владыка сказалъ: «Если и потише будете говорить, Ваше Сіятельство, я услышу.»

Съ тѣхъ поръ пересталъ кричать Протасовъ, по крайней мѣрѣ у Митрополита Филарета.

(Это я слышалъ отъ келейника Митрополичья).

9-го Ноября, вечеромъ, я былъ у Митрополита Филарета, по зову.

Владыка далъ мнѣ пересмотрѣть отмѣтки и поправки Греческаго перевода Катихизиса. Александръ Скарлатовичъ Стурдза, [70] отличный знатокъ Греческаго языка, и новаго, и церковнаго, и древнѣйшаго, перевелъ на Ново-Греческій языкъ пространный Катихизисъ Филарета, который съ этого времени сдѣлался ручною и классическою книгою Православнаго вѣроученія на всемъ Востокѣ.

Поправки сдѣлалъ какой-то Московскій Священникъ.

Тутъ я не привнесъ своего почти ничего, даже и по тому, что тогда я вовсе не зналъ Ново-Греческаго. Осмѣлился только посовѣтовать довѣрить Стурдзѣ, почти природному Греку, человѣку набожному и просвѣщенному, горячо любящему Грецію и Востокъ.

Были рѣчи объ Англійскомъ Діяконѣ Пальмерѣ.

Этотъ, Оксфордскаго Университета Магистръ, киновіи Блаженной Маріи Магдалины собратъ, Вильгельмъ Пальмеръ, Англійской церкви Діяконъ, пріѣхавши, въ Августѣ, въ С.-Петербургъ, напи-

салъ Латинское письмо къ Оберъ-Прокурору, котораго просилъ: дозволить ему изучить Богословію, Богослуженіе и обряды Русской Церкви, и Русскій языкъ. Просилъ даже дозволенія служить съ нами въ санѣ Діякона.

(Письмо это Протасовъ мнѣ поручилъ перевести на Русскій).

Пальмеромъ тогда всѣ восхищались, и я былъ за него же.

Но Митрополитъ Филаретъ, успѣвши уже его видѣть и съ нимъ бесѣдовать, сегодня мнѣ «выразилъ сомнѣніе въ искренности желаній Пальмера.»

Справедливо. Пальмеръ отвергъ съ презрѣніемъ Православіе, а сдѣлался Католикомъ. Онъ теперь кажется въ Римѣ.

(О переходѣ его въ Католичество писали не давно.)

Такъ вѣренъ взглядъ на людей Митрополита Филарета.

XLV.

27-го Ноября я былъ у Митрополита Филарета.

Владыка мнѣ сперва съ улыбкою замѣтилъ: «Ты уже слишкомъ учтивъ; слезъ съ извощика у воротъ подворья, а не у крыльца.»

Я совѣстился ѣхать на дурномъ экипажѣ, съ невѣждою извощикомъ, въ виду кабинета Митрополита.

Рѣчь о моей Грамматикѣ (такъ я много ею занялъ Владыку!). Онъ началъ такъ:

«Въ Сѣверной Пчелѣ есть анекдотъ о Вольтерѣ: Онъ одного своего пріятеля, котораго рекомендовалъ важной особѣ въ домашняго учителя, и который самъ того искалъ, убѣждалъ, чтобы онъ, если хочетъ держаться на мѣстѣ, старался быть маленько поглупѣе того, каковъ онъ есть. Учитель опредѣлился, но скоро отосланъ. Когда онъ опять явился къ Вольтеру, то сей ему сказалъ: «Вѣрно ты не послушался моего наставленія.»

«Такъ и тебѣ, сказалъ за тѣмъ Владыка, я совѣтовалъ бы быть поглупѣе для того, чтобъ писать Грамматику для дѣтей, которую они понимали бы.»

Рѣчь сія относилась къ тѣмъ параграфамъ Грамматики, которые я изобрѣталъ вновь, и которые хотѣлъ утвердить и отстоять, или же къ тѣмъ, кои не согласовались съ общепринятымъ мнѣніемъ.

Прости мнѣ, Владыка! Я остался при моихъ мысляхъ. Доказательства параграфа дѣти могли оставлять; а учителямъ знать полезно, по чему я то, или другое, признаю за правило.

XLVI.

29 Ноября Преосвященный Кириллъ, пріѣхавши изъ Синода, потребовалъ меня къ себѣ, и объявилъ мнѣ, что, по предложенію Филарета Митрополита Московскаго, я назначенъ отъ Св. Синода быть воспріемнымъ отцемъ готовящагося къ постриженію Протоіерея Американскаго Іоанна Евсеича Веніаминова. Въ 6 часу вечера мнѣ приказано явиться съ мантіею на подворье Московскаго Митрополита.

Постриженіе было на подворьѣ, въ церкви Преп. Сергія, во всенощное, 29 Ноября. Постригалъ Самъ Владыка. Поплакалъ.

На другой день, 30 Ноября, здѣсь же, въ литургію, новопостриженнаго монаха Иннокентія (Протоіерея Іоанна Евсеича) Владыка посвятилъ во Архимандрита.

И я служилъ же.

Владыка пригласилъ насъ къ себѣ откушать.

Столъ краткій. Помню: а) кусокъ икры, б) уху, но, конечно, было и какое ни будь жаркое.

Владыка кушаетъ быстро, хотя весь обѣдъ говорилъ.

Насъ не помню чѣмъ подчивалъ, а самъ выпилъ съ рюмку портеру, сказавъ, что ему это недавно посовѣтовали врачи.

Въ это время, или вчера предъ постриженіемъ, Владыка велъ бесѣду съ нами о пустынникахъ Египетскихъ—Ѳеодорѣ Великомъ и и объ Аввѣ Аммонѣ!

Вечеромъ, въ этотъ же день, я стоялъ всенощное здѣсь, на Троицкомъ подворьѣ, и за тѣмъ чрезъ келейника попросилъ у Владыки дозволенія служить съ нимъ завтра (1 Дек., день его Ангела).

Владыка дозволилъ, но съ загадочною скукою: «Что жь онъ мнѣ не сказалъ объ этомъ самъ, и раньше? Для чего мнѣ обижать Преосвященнаго Каменецъ-Подольскаго? Пусть бы онъ съ нимъ служилъ.»

Видно, я уже надоѣдалъ Владыкѣ. Или же онъ оберегался отъ пересудовъ злоязычныхъ, берегъ и меня и себя. Но я какъ не отвязчивый ребенокъ, безъ всякихъ видовъ и разсчетовъ, почиталъ для себя блаженствомъ служить со Владыкою, коего служенію до сихъ поръ я не видалъ равнаго.

Послѣ обѣдни я вошелъ ко Владыкѣ, со многими другими, мнѣ параллельными, получили благословеніе, и съ ними же вышелъ.

XLVII.

2 Декабря Государь утвердилъ быть Епископомъ Камчатскимъ, Курильскимъ и Алеутскимъ новопостриженному Архимандриту Иннокентію.

13 Декабря было нареченіе въ Епископы о. Иннокентія въ Синодѣ: полна зала присутствія мірскихъ; были Генералы.

15 Декабря отецъ Иннокентій рукоположенъ во Епископа, въ Казанскомъ соборѣ. Первенствовалъ Митрополитъ Іона—бывшій Грузинскій.

Сбирался было служить Митрополитъ Серафимъ, и сего дня утромъ отказался.

Не для того ли это сдѣлано, чтобъ лишить Митрополита Московскаго утѣшенія посвятить во Епископа своего сына духовнаго, такъ ему преданнаго?

Серафимъ, въ три года моего пребыванія въ С. Петербургѣ, служилъ только однажды—въ Пасху, когда ему пожалованъ посохъ съ драгоцѣнными камнями.

Содѣйствовали рукоположеніемъ: Кириллъ Архіепископъ Каменецъ-Подольскій, Іосифъ Епископъ Литовскій (потомъ Митрополитъ), [71] Венедиктъ—Викарій С. Петербургскій. [71]

Владыка Филаретъ не былъ и въ числѣ содѣйствующихъ: по тому что онъ старше Іоны. По тому же, конечно, не былъ и Кіевскій Митрополитъ.

Митрополитъ Московскій, какъ солнце, свѣтилъ между Синодалами, всѣхъ озаряя, никому не мѣшая, но и никѣмъ не уязвимый.

XLVIII.

5 Декабря было мvропомазаніе невѣсты Государя Наслѣдника, Маріи Александровны (нынѣшней Императрицы), а 6 числа обрученіе ея съ Александромъ Николаевичемъ, нынѣ Императоромъ Всероссійскимъ.

И мvропомазаніе и обрученіе совершилъ Митрополитъ Серафимъ, въ присутствіи и соучастіи всѣхъ членовъ Синода.

Слышно было, что Императрица Александра Ѳеодоровна хотѣла, чтобы обряды сіи совершилъ Митрополитъ Московскій.

Серафимъ объ этомъ узналъ, и написалъ Императору: «Государь!

не обижайте старика.» Императоръ Николай отмѣнилъ намѣреніе его супруги.

За чѣмъ бы старику навязываться, когда его не желаютъ?

За чѣмъ преграждать путь тому, котораго приглашаютъ?

Владыкѣ Московскому, по церемоніалу, довелось подать къ лобзанію мvропомазанной невѣстѣ Евангеліе. Всѣ подивились и ловкости, и крѣпости мускулъ въ рукахъ у Филарета: довольно тяжелое Евангеліе онъ ловко взялъ обѣими руками съ аналоя, съ боку, за одинъ край, и такъ подалъ Евангеліе Княжнѣ и положилъ на мѣсто, не дрогнувъ рукою.

Кстати маленькое приключеніе:

Я служу со Владыкою на его подворьѣ. Приложившись ко кресту, при входѣ Владыки въ церковь, мы обычно пошли позади его. Я неосторожно наступилъ на мантію его (крайняя тѣснота). Я услышалъ это, когда изъ подъ ноги моей рванулась мантія Владыки. — Что же? Владыка шелъ тѣмъ же шагомъ, какъ бы ничего не случилось.

Маленькая вещь, но и въ ней видна великая душа. На его мѣстѣ я бы чѣмъ ни будь выразилъ мой испугъ и досаду, хоть послѣ и пожалѣлъ бы.

Послѣ церемоніи мvропомазанія и обрученія Митрополитъ Филаретъ долго сказывался больнымъ, и не выѣзжалъ. Можетъ быть напряженіе ему стоило чего ни будь.

XLIX.

28 Декабря былъ у Митрополита Филарета.

Разговоръ Владыки со мною:

М. Ты за чѣмъ ко мнѣ?

Я. Сказалъ вкратцѣ, что мнѣ не хотѣлось бы возвращаться въ Вятку, куда меня думаютъ (Прокуроръ) возвратить.

М. «Не знаю, что тамъ дѣлаютъ (въ Синодѣ, иль у Прокурора). Я предлагалъ было оставить тебя опять на чредѣ. Хорошо, что пришелъ и сказалъ во время. Можетъ быть я позабылъ бы.»

Ну, прости. Предайся въ волю Божію.

Я поклонился и вышелъ.

Со мною вошелъ ко Владыкѣ Преосвященный Американскій Иннокентій.

При томъ Владыкѣ подана карета. Онъ выѣзжаетъ впервые послѣ мyропомазанія Маріи Александровны.

1841 годъ.

L.

3 Генваря я былъ у Митрополита Филарета.

М. «Что ты мнѣ хочешь сказать?»

Я.—Отъ малодушія не удержусь, чтобъ не узнать: какъ рѣшается моя здѣшняя служба?

М. «Я говорилъ Серафиму и Подольскому, чтобъ оставить тебя на чредѣ. Они согласны. Не говорилъ только съ Митрополитомъ Іоною.»

Я.—Я на чредѣ уже полтора года.

М. «Что жь? Ты и этого не хочешь?»

Я.—Нѣтъ; я только напомянулъ. Мнѣ хотѣлось бы получить увольненіе отъ Вятки, а въ прочемъ пусть будетъ воля начальства.

Поговоривъ что-то (не записано) со мною, Владыка наконецъ сказалъ:

«Потерпи и послужи! Видятъ, что тебѣ не легко, не весело. Дадутъ за труды то, что тебя успокоитъ и утѣшитъ. Тебя оставляютъ на чредѣ по тому, что не хотятъ отпускать отсюда. Надѣяться можно, что получишь здѣсь мѣсто.»

За тѣмъ Владыка далъ мнѣ порученіе съѣздить въ книжные магазины и поискать Богословію Goldwitzer, или какой другой.

Гольдвицера я не нашелъ; купилъ Perronne въ 5 книгахъ новѣйшаго Католическаго Богослова, за 28 руб. Владыка велѣлъ мнѣ выдать деньги. Поскучалъ, что не вся Богословія (Перонне еще не издалъ тогда послѣдняго тома своей обширной Богословіи): «Не люблю я неконченныхъ сочиненій,» сказалъ.

LI.

25 Генваря я былъ у Владыки.

Сперва я благодарилъ Владыку за то, что оставленъ въ Петербургѣ на чредѣ, а не отосланъ въ Вятку.

Владыкѣ пріятна была моя признательность.

За тѣмъ Владыка самъ началъ мнѣ разсказывать:

«Государь поручилъ Святѣйшему Синоду разсмотрѣть барельефы (выпуклыя ваянныя изображенія), которыя будутъ вылиты на вратахъ Исакіевскаго собора.

«Мы были, осматривали, сдѣлали нѣсколько замѣчаній.

«Потомъ мы были и въ самомъ соборѣ. Темное зданіе и не фигурное. Это ящикъ: колонны какъ будто прилѣплены къ собору: отнимите ихъ, соборъ будетъ стоять.

«Колонны украшаютъ храмъ тогда, когда онѣ необходимы, когда, по отнятіи ихъ, рушится зданіе.

«И за чѣмъ позвали Синодъ, когда уже все построено?

(Скажу и я мои мысли):

а) Дверей Исакіевскаго собора я не видалъ, слѣдовательно, и барельефовъ ихъ не знаю.

Но я видѣлъ барельефы на дверяхъ Казанскаго собора: тамъ есть собаки, тамъ всѣ скандалы животной эстетики Европейскихъ художниковъ.

б) На Исакіевскомъ соборѣ бронзовые литые колоссальные Ангелы и Святые всѣ отлиты по рисункамъ Западной Европы, Ангеламъ даны стихари и орари Католическіе.

Въ карнизахъ цѣлыя исторіи изъ Библіи и Церковной Исторіи отлиты бронзою (черною) въ колоссальныхъ же размѣрахъ и съ тою раскиданностію и искривленіями лицъ, какія любитъ изящная Европа.

Но я пришелъ ко Владыкѣ за дѣломъ:

Святѣйшій Синодъ поручилъ намъ четверымъ: 1) я, 2) Архимандритъ Іоаннъ, Ректоръ Харьковскій, чередной, 3, о. Іоасафъ, Баккалавръ С. П. Б. Академіи, [73] и 4, Священникъ Михаилъ Измаиловичъ Богословскій, Баккалавръ же и Законоучитель въ Училищѣ Правовѣдѣнія, [74] разсмотрѣть 17 Конспектовъ изъ 17 Семинарій, по всѣмъ отраслямъ Богословіи.

Конспекты сіи написаны преподавателями Богословіи.

Намъ поручено разсмотрѣть ихъ въ предположеніи: либо выслушать наше одобреніе одного, иль двухъ изъ нихъ; либо получить

отъ насъ извлеченіе изъ всѣхъ ихъ лучшаго; либо получить наше собственное произведеніе.

Меня Синодъ поставилъ Предсѣдателемъ сего Комитета.

Я собиралъ къ себѣ раза два остальныхъ трехъ собратій моихъ.

Въ два засѣданія я едва успѣлъ прочитать бумагу Духовно-Учебнаго Управленія, при коей присланы намъ Конспекты и въ которой изложено опредѣленіе Святѣйшаго Синода о порученіи намъ на разсмотрѣніе сихъ Конспектовъ.

Не рѣшивъ ничего, Комитетъ заставилъ меня представиться Митрополиту Филарету, съ испрашиваніемъ разныхъ наставленій.

Я имѣлъ смиренство (т. е., глупость) послушаться, и вотъ моя бесѣда у Владыки:

Я. «Комитетъ почитаетъ нужнымъ, предварительно своей работы, имѣть общій обзоръ всѣхъ наукъ въ Семинаріяхъ, съ коимъ бы мы уже и соображались въ нашихъ сужденіяхъ о семнадцати Конспектахъ, присланныхъ на наше разсмотрѣніе.»

Владыка. «А на Что же Комитетъ? что же онъ будетъ дѣлать? Мы васъ избрали, чтобы вы помогли намъ; а вы, не сдѣлавши ни чего, уже опять все дѣло возвращаете къ намъ. Тутъ нѣтъ ума и смѣтливости.

Если бы такое обозрѣніе озаботился составить самъ Комитетъ и представить на усмотрѣніе Синода, это походило бы на дѣло.»

Я. «Комитетъ говоритъ, что въ данныхъ намъ правилахъ на это нѣтъ прямаго указанія.»

Владыка. «Но на то, чтобъ свое дѣло сваливать на Синодъ, нѣтъ ни прямаго, ни криваго указанія: Синодъ васъ не просилъ его спрашивать и давать ему свои запросы, представлять свои требованія.»

(Почти это же и я говорилъ Комитету: меня не слушали).

Я. «Сочинители Конспектовъ, указывая на пособія и руководства, не дѣлаютъ оцѣнки указанному: не дозволено ли будетъ, для образца, сдѣлать это Комитету, взявъ два сочинителя?»

Владыка. «Это было бы хорошо.»

(Моя мысль).

Владыка отпустилъ меня, однако же, милостиво и дозволилъ приходить къ нему въ 5 часу вечера.

Я былъ у него 30 числа Генваря.

Были опять рѣчи о нашемъ Комитетѣ.

Владыка довольно пространно разсказывалъ, какъ онъ былъ Учителемъ (Греческаго и Еврейскаго языка) въ Лаврѣ Преподобнаго Сергія; какое у нихъ было между собою общеніе и дружба. Жалѣлъ, что нынѣ между Учителями нѣтъ такого общенія, «отъ чего они неловки, односторонни, упрямы.»

Намекнулъ «о привязчивости» съ одной стороны, а съ другой «о незрѣлости.»

Тогда я сего не понялъ, а теперь не сомнѣваюсь, что симъ Владыка характеризовалъ, между прочимъ, и нашъ Комитетъ, не исключая и меня самого.

Заговорили о нашихъ Цензурныхъ Комитетахъ. Я сказалъ было: «У нихъ очень много дѣла.» Владыка же подхватилъ: «Напротивъ,— очень мало.»

Тутъ Владыка изъявилъ неудовольствіе на Цензурный Комитетъ, вздумавшій исправлять и даже дополнять какую-то статью Андрея Николаевича Муравьева.

Стоитъ упрека Комитетъ: но что же и ему дѣлать, когда есть правило, обязывающее его это дѣлать? Я думалъ бы, давно выбросить это нелѣпое правило изъ Устава Цензуры.

Владыка почиталъ не много бесѣду Св. Григорія Нисскаго, кажется на Богоявленіе въ переводѣ, въ Христіянскомъ Чтеніи: «Бесѣдуетъ сущій отецъ съ своими дѣтьми. Нѣтъ хвастовства, ни претензіи: говоритъ отецъ съ дѣтьми. И обстановка поучительна: говоритъ съ Архіерейскаго амвона, который среди церкви: народъ вокругъ него. Какъ будто говоритъ у насъ въ Россіи, въ наше время.»

Была рѣчь о Св. Златоустѣ. Владыка не вездѣ его хвалитъ: «Многорѣчивъ; растягиваетъ рѣчь; не глубоко смотритъ; дозволяетъ пошлость; увлекается пользами до излишествъ.»

Я не смѣлъ противорѣчить, но не былъ согласенъ. Напротивъ, Св. Златоуста я почитаю изъ учителей учителемъ; его взгляды—для меня законъ. Думаю, что сего великаго учителя обезчестили Русскіе переводчики, употребивъ языкъ пошлый, площадной (особенно въ С. П. Б. Академіи).

Говорили о Католикахъ, о ихъ Богословіяхъ, о Богослуженіяхъ, о Таинствахъ, какъ понимаютъ Католики. Владыка глубоко осуждалъ Католиковъ, особенно а) за лукавство, б) за примѣшиваніе своихъ

личностей къ таинствамъ Божіимъ, в) за земные виды и въ Богослуженіи, г) за насиліе совѣстямъ и тираннію надъ ними, д) за отчужденіе отъ Вселенской Церкви, е) за ненависть противъ Православныхъ.

Подалъ переводъ письма Греческаго къ Митрополиту Филарету Архіепископа Горы Ѳаворской Іероѳея (Владыка мнѣ это поручилъ.).

Любовался Владыка произношеніемъ Греческой рѣчи сего Преосвященнаго Іероѳея въ Синодѣ: «Пріятнѣйшее произношеніе, величественное, сладостное, лучше всякой музыки.» (Іероѳей былъ въ Синодѣ: говорилъ рѣчь. Принесъ отъ Патріарха Іерусалимскаго Синоду въ даръ модель храма Воскресенія Христова во Іерусалимѣ, что надъ Гробомъ Господнимъ, модель обложена перламутромъ. Она поставлена была на столѣ присутствія въ Синодѣ.)

Письмо сего Іероѳея ко Владыкѣ не помню о чемъ. Его не сдѣлали Патріархомъ Іерусалимскимъ, по кончинѣ Патріарха, по тому, какъ тогда говорили, что онъ былъ въ Россіи, и тамъ записалъ себѣ благоволеніе Царя, Вельможъ и Синода! Будто это есть преступленіе!

Кажется, онъ нынѣ Патріархъ Антіохійскій. Въ 1839 и 40 годахъ, когда онъ былъ въ Петербургѣ, ему было, кажется, менѣе 40 лѣтъ. [75]

Владыка Филаретъ сказывалъ мнѣ, въ это время, что современные ему учители и самъ онъ, въ Троицкой Семинаріи, хаживали въ затрапезныхъ халатахъ, даже въ классъ! Наблюдали только, чтобъ халатъ былъ не слишкомъ заношенъ, безъ дыръ и заплатъ (такіе носили только дома.) [76]

Столъ ихъ былъ очень простой, и артелью, а не по одиночкѣ.

Чай пили только по праздникамъ.

Носовые платки носили только когда пойдутъ въ люди.

Въ покроѣ платья подлаживались къ костюму послушника, либо церковника.

Волосы носили долгіе, съ проборомъ среди головы, даже имѣли косы, которыя, впрочемъ, прятали подъ галстухъ.

Однажды, увидѣвши предъ собою ученика Богословіи (Егора Любимова, моего товарища) въ суконномъ сюртукѣ, Владыка спросилъ: «Чей на тебѣ сюртукъ?» Ученикъ отвѣчалъ: «Казенный.» (Любимовъ былъ казенно-коштный.). Владыка:

«Такой сюртукъ можно носить и Профессору.» Сукно темнозеленое. Цѣна ему 5 рублей ассигнаціи аршинъ.

Владыка, конечно, не шутилъ. И я такъ же думаю.

Припоминаю анекдотъ о семъ Любимовѣ. Онъ сынъ Діакона, села, на рѣкѣ Истрѣ, за Аносинскимъ женскимъ монастыремъ (думаю, Звенигородскаго Уѣзда.)

Отецъ его былъ весьма нетрезвый человѣкъ.

Онъ былъ долженъ рублей 150 одной родственницѣ своей, вдовѣ, и не могъ уплатить ихъ, а вдова была въ крайности.

Любимовъ написалъ прошеніе-письмо Владыкѣ. Разсказавъ ему, кто отецъ его, также о его нетрезвости, и о долгѣ, Любимовъ просилъ Митрополита: а) вызвать отца его и поучить, б) а 150 рублей ему выдать, съ тѣмъ, чтобъ онъ эти деньги отнесъ вдовѣ, которой онъ долженъ. За тѣмъ Любимовъ увѣрялъ Митрополита, что, получивши мѣсто по окончаніи курса въ Семинаріи (былъ уже послѣдній годъ), онъ возвратитъ Владыкѣ эти 150 рублей.

Что же Владыка?

Вытребовалъ этого Діакона, вручилъ ему 150 рублей и приказалъ уплатить вдовѣ, не сказывая, какъ онъ о семъ узналъ!

Діаконъ заплатилъ долгъ честно. И удивительно: прекратилъ пьянство!

Не знаю, возвратилъ ли Любимовъ Владыкѣ сіи 150 рублей; но онъ его было приблизилъ: далъ ему сперва Діаконское мѣсто въ Москвѣ, потомъ Священническое въ церкви Шереметевской больницы, что у Сухаревой башни. Любимовъ тутъ не удержался. Былъ переведенъ въ Серпуховъ къ какой-то церкви. Наконецъ лишенъ сана. Теперь, не знаю гдѣ, и живъ ли.

Такъ Владыка иногда любилъ вникать близко и въ дѣла самыхъ малыхъ людей!

LII.

5 Марта я былъ у Митрополита Филарета, вечеромъ.

Я вошелъ къ нему; онъ одинъ, веселъ.

Митрополитъ. «Садись, а я похожу.» (Ходитъ.)

Я. Я сталъ въ сторонѣ.

М. «Здоровъ ли ты?»

Я.—Слава Богу, здоровъ.

М. «Что ты теперь дѣлаешь?»

Я.—Читаю свои, какія имѣю, книги

М. «Какія?»

Я.—«Толкованіе Розенмиллера на Пророка Захарію. А послѣ Блаж. Іеронима на тоже.»

М. «Это, думаю, то же, что соленое и сладкое. Вѣритъ ли Розенмиллеръ, что послѣднія главы писалъ тотъ же Пророкъ Захарія?

Я.—Нѣтъ. (Тутъ пошли разговоры продолжительные. Владыка дивился, какъ Нѣмцы дерзки, глупы, слѣпы въ изъясненіяхъ Священнаго Писанія.)

Послѣ Митрополитъ спросилъ: «Читаешь ли ты журналы?»

Я.—Нѣтъ.

М. «Критикуй меня: я тебѣ буду читать. Только не разглашай, что услышишь.»

Взялъ листа три почтовыхъ, и началъ читать.

Это есть критика* на сочиненіе одного Профессора Московскаго Университета (Крылова?), усиливающагося доказывать, что каноническое церковное право должно быть преподаваемо въ Университетѣ Профессорами Юридическихъ наукъ, и должно составлять только особое отдѣленіе въ наукѣ общаго Юридическаго права.

Митрополитъ рѣзко и рѣшительно отрицаетъ сію нужду и право; оставляетъ церковное право за каѳедрой церковнаго учителя.

Здѣсь же Владыка сильно касается мыслей самаго сочинителя, который, хотя видимо писалъ сдержанно и осторожно, но не ускользнулъ отъ тонкаго и проницательнаго наблюденія Владыки.

М. «Ну, вотъ какъ нынѣ толкуютъ. Поди: а вѣдь осердятся, когда прочтутъ, что я написалъ.

Миръ, миръ: а Церковь никогда не перестаетъ быть воинствующею.»

---

* Эта критика была мною передана Редактору Православнаго Обозрѣнія нѣсколько лѣтъ назадъ, но тамъ и застряла.

За тѣмъ Владыка позвенѣлъ. Входитъ Письмоводитель, Александръ Петровичъ Святославскій.

Владыка подаетъ ему конвертъ. Даетъ сургучъ, печать. Велитъ тутъ же запечатать, и когда все выполнено, сказалъ: «Къ Министру Просвѣщенія.»

(Тогда былъ Уваровъ).

Пришелъ Московскій купецъ. Разсказывалъ о голодѣ: въ Москвѣ умирали люди съ голода. О банкротствахъ въ купечествѣ: одинъ фабрикантъ имѣлъ производство на 5,600,000 рублей, и палъ; другой на 1,500,000 рублей, и тоже палъ.

За тѣмъ съ грустію разсказалъ, какъ самъ онъ, имѣя 300,000 рублей въ оборотѣ, въ восемь мѣсяцевъ потерялъ 200,000 рублей, угождая слезамъ матери, упрекамъ жены, отъ распутнаго зятя, и по случайному прекращенію моды носить гребенки (женскія).

Послѣ вошелъ Еврей, Профессоръ С. П. Б. Академіи, Левисонъ. [78] Много интересныхъ рѣчей о Библіи и изъ Библіи: а) О Пророкѣ Іномъ у Моисея, б) о ковчегѣ, сокрытомъ Іереміею, в) о седминахъ Даніиловыхъ, г) о талмудѣ, д) о Нѣмецкихъ Евреяхъ, е) о Еврейскомъ текстѣ Библіи, ж) о переводѣ Седмидесяти, з) о Пророкѣ Захаріи.

Владыка указалъ Левисону на 144 псаломъ (Евр. 145), написанный по Еврейски по Алфавиту, и на потерянный (въ Евр.) между 12 и 13 стихъ, которому надлежало начинаться съ буквы нунъ. Между тѣмъ у Седмидесяти этотъ стихъ есть: «Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ, и преподобенъ во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ.» Левисонъ сознался въ потерѣ стиха, и вотъ что сказалъ въ объясненіе: «По разрушеніи Іерусалима и разсѣяніи Іудеевъ по всему свѣту, когда прекратилось все, и самое Богослуженіе Еврейское, отцы наши, какъ бы отмщевая Богу, или уличая Его въ невѣрности своимъ обѣщаніямъ, изгладили изъ Библіи этотъ стихъ.» Такъ злы и невѣжественны Еврейскіе толкователи Библіи.

Наконецъ пришелъ Генералъ-Адъютантъ Николай Петровичъ Новосильцевъ.

Владыка меня отпустилъ.

LIII.

16 Марта, въ 5 Воскресеніе В. Поста, я служилъ въ Троицкомъ подворьѣ. Митрополитъ стоялъ и молился.

Вчера, послѣ всенощнаго, когда ему доложили, что я желаю завтра служить, Владыка позвалъ меня къ себѣ и спросилъ: «По чему хочу завтра здѣсь служить?»

Я отвѣчалъ: «По тому, что въ это Воскресенье я постриженъ въ монахи въ Троицкой Лаврѣ.»

Владыка: «Ну, служи съ моими, а я, кажется, не могу.»

Послѣ обѣдни Владыка позвалъ къ себѣ.

Рѣчи были о Преосвященномъ Каменецъ-Подольскомъ, Кириллѣ, заболѣвшемъ тяжко.

Государь прислалъ Преосвященному Кириллу тысячу рублей на излѣченіе, и главнаго Доктора Придворнаго, Арендта.

У Преосвященнаго Кирилла задерживается моча.

Митрополитъ Филаретъ, по этому случаю, разсказалъ мнѣ о подобномъ случаѣ съ Митрополитомъ Амвросіемъ С.-Петербургскимъ.

«Митрополитъ Амвросій былъ на экзаменѣ дѣвицъ въ Смольномъ Институтѣ. Тамъ и обѣдалъ. Его тамъ мучила малая нужда. Пріѣзжаетъ домой; моча не выходитъ.

Митрополитъ позвалъ меня (Филарета, бывшаго тогда Ректоромъ Академіи, или еще Баккалавромъ) къ себѣ. Вхожу. Владыка во всемъ парадномъ одѣяніи сидитъ на софѣ. Лицо его огненное: глаза пылаютъ. Говоритъ:

«О. Филаретъ: поди въ Троицкой соборъ, и посмотри тамъ, на правой сторонѣ со входа, мѣсто для моей могилы.»

Филаретъ: «Владыка! Позволь пригласить Доктора: можетъ быть окажетъ помощь.»

Амвросій согласился. Пригласили Доктора. Моча была выпущена: Митрополитъ жилъ еще не мало времени.»

Тутъ же Филаретъ разсказывалъ, что онъ же подписалъ реестръ бриллiантовыхъ вещей, составлявшихъ собственность Митрополита Амвросія.

Изъ сего видно, что Филаретъ былъ самый близкій у Митрополита Амвросія человѣкъ.

Филаретъ, при мнѣ, всегда воспоминаетъ Митрополита Амвросія съ сыновнимъ и самымъ глубокимъ уваженіемъ.

Филаретъ спросилъ меня: «Сколько лѣтъ исполнилось тебѣ сего дня въ монашествѣ?»

Я.—Двѣнадцать.

Ф. «А мнѣ вчера было двадцать два года, какъ я Членомъ въ Синодѣ.»

Владыка, отпуская меня, благословилъ двумя книжками: «Правило молебное Святому Духу; Бесѣды Филарета, Митрополита Кіевскаго.» [79]

LIV.

Былъ у Митрополита Филарета 19 Марта, чтобъ спросить: «Не позволитъ ли онъ пріѣхать сюда, къ болящему Каменецъ-Подольскому Владыкѣ, племяннику его, Баккалавру (нынѣ Архіепископу Костромскому)?» [80]

Филаретъ отвѣчалъ: а) Поздно. Преосвященный Кириллъ при послѣднемъ уже часѣ; б) не удобно; ибо распутица; в) не извѣстно, будетъ ли это утѣшеніемъ больному (можетъ подумать, не пріѣхалъ ли племянникъ за наслѣдствомъ); г) самъ Преосвященный Кириллъ не почитаетъ свое положеніе опаснымъ; д) что же касается до наслѣдства, оно будетъ сохранено. Да и что у него есть, когда имъ нечѣмъ благодарить Доктора?»

Владыка дивится, отъ чего у Преосвященнаго Кирилла такъ много болѣзней, и онѣ у него такъ сложны. «Кажется, онъ человѣкъ совершенно воздержный. Въ юности, когда учился, былъ хоть нѣсколько хилъ, но свѣжъ и живъ. Жизнь его спокойная. Онъ безъ сильныхъ страстей. Поразительныхъ приключеній съ нимъ я не знаю.»

Владыка заставилъ меня прочитать въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія о Долгорукихъ. Были рѣчи примѣчательныя (а какія, не записано, и я теперь не помню.)

Вспомнилъ нѣчто: одинъ Долгорукій не вѣрилъ безсмертію души. Другой братъ его былъ вѣрующій и жалѣлъ о невѣріи брата. Вѣрующій заболѣлъ, былъ при смерти. Невѣрующій сказалъ: «Если и по смерти будетъ жива душа твоя, дай мнѣ объ этомъ знать.» Умеръ братъ, и чрезъ нѣсколько дней явился ему въ полуснѣ, и сказалъ: «Братъ, вѣрь! Я живъ.»

Владыка осуждалъ пышность въ содержаніи въ Семинаріяхъ. Разсказывалъ о современныхъ себѣ учителяхъ Лаврскихъ, и о. ученыхъ. Они тогда ходили въ толстыхъ холстинныхъ набитыхъ халатахъ.

Отпустивши меня, Владыка ѣздилъ къ Преосвященному Кириллу.

28 Марта, въ Великій Постъ, въ Великую Вечерню, Владыка Каменецъ-Подольскій почилъ тихо! Я служилъ вечерню.

29 Марта, въ Великую Субботу, въ 5 часовъ вечера, Митрополитъ Филаретъ пожаловалъ къ намъ на Синодальное подворье, для положенія во гробъ покойнаго Преосвященнаго Кирилла. Служили паннихиду, насъ было священныхъ до 20, два Архимандрита, Кутневичъ. [81]

У Митрополита, по не осторожности, разбили врехнее украшеніе посоха: оно было топазовое или стеклянное желтое.

Преосвященнаго Кирилла похоронили въ Понедѣльникъ, на Пасхѣ, 31 Марта.

Въ три дня стоянія мощей Преосвященнаго Кирилла, день и ночь вереницами двигались тучи народа посмотрѣть на покойника, помолиться и попросить его о себѣ молитвъ.

Вышедши изъ дома, трудно было и попасть въ него. Я однажды съ часъ пробирался до своихъ комнатъ: корридоръ и лѣстница (общая съ келіями Владыки) запружены входящими и выходящими.

Даже Нѣмцы посѣщали, желая видѣть почившаго «святаго Русскаго Архіерея.»

Было торжественное шествіе отъ подворья до Лавры (болѣе двухъ верстъ) съ мощами Святителя.

Литургію служилъ Митрополитъ Московскій Филаретъ, съ четырьмя Архимандритами (я третій).

Отпѣваніе совершали пять Архіереевъ: Митрополиты: Серафимъ, Филаретъ Московскій, Іона; Архіепископъ Литовскій Іосифъ и Викарій Венедиктъ. Еще: Императорскій Духовникъ Николай Васильевичъ Музовскій, [82] Василій Ивановичъ Кутневичъ, девять Архимандритовъ (всѣ), Протоіереевъ, Іереевъ, монаховъ до 30.

Литургія и отпѣваніе были въ церкви Святаго Духа.

Обѣдня началась въ 10 часовъ, погребеніе кончилось въ 3 часа по полудни.

(Митрополитъ Серафимъ странничалъ какъ дитя, кряхтѣлъ, чесалъ голову, кричалъ.)

Проповѣдь говорилъ Ректоръ Академіи, Архимандритъ Николай, длинную.

Похоронили Владыку Кирилла въ церкви Іоанна Златоустаго, на правой рукѣ, во второй аркѣ отъ алтаря, противъ окна.

LV.

3-го Апрѣля, въ Четвертокъ на Пасхѣ, я былъ у Митрополита Филарета.

Владыка далъ мнѣ порученіе: описать жизнь покойнаго Преосвященнаго Кирилла, «для газеты.»

7-го числа я принесъ мою рукопись: «Довольно велика,» сказалъ Владыка. Она не напечатана.

Было много рѣчей о Преосвященномъ Кириллѣ, между прочимъ Владыка мнѣ сказалъ:

«Ну, вотъ, никая же воня смертная обрѣтеся отъ покойнаго Преосвященнаго Кирилла.»

И точно. Не слышно было никакого смертнаго запаха ни въ домѣ, ни въ церкви, даже навѣвало какимъ-то легкимъ благоуханіемъ и свѣжестію.

(Преосвященный Кириллъ скончался отъ рака въ проходѣ.)

За нѣсколько времени предъ симъ я навязался Владыкѣ Филарету вотъ съ какою рѣчію: «Отъ мертваго дурно пахнетъ по тому, что онъ грѣшникъ, а не по тому, что гніетъ тѣло. Есть тучные покойники, и отъ нихъ иногда вовсе не пахнетъ смертностію; напротивъ, есть сухіе покойники, и отъ нихъ идетъ нестерпимое зловоніе.»

Въ доказательство того и другого я приводилъ нѣсколько примѣровъ моего личнаго наблюденія.

Владыка слушалъ осторожно, не отрицалъ рѣшительно, но и не давалъ прямаго согласія, улыбаясь ему свойственною улыбкою, которая иногда краснорѣчивѣе самыхъ глубокихъ разсужденій.

Послѣдствіемъ сего-то разговора было восклицаніе Владыки о незловоніи отъ тѣла покойнаго Преосвященнаго Кирилла. Филаретъ произнесъ это восклицаніе съ Ангельскимъ сорадованіемъ.

О проповѣди о. Николая на погребеніе Пр. Кирилла Владыка сказалъ:

«Сшита изъ клочковъ. Сперва доказалъ, что смерть воскресеніемъ Христовымъ побѣждена. А послѣ сталъ доказывать несомнѣнность нашего воскресенія. Это тоже, что послѣ скобели топоромъ. Да еще: у него въ языкѣ мало елейности; такъ сухо, жестко, рубитъ и пилитъ, будьто терпугомъ.»

Тутъ Владыка жаловался (нѣжно, безупречно), что Митрополитъ Серафимъ не дозволяетъ говорить проповѣдей здѣсь, въ Петербургѣ, заѣзжимъ Архіереямъ. (Вѣроятно Московскому Митрополиту самому хотѣлось произнести надгробное слово въ память покойнаго Кирилла.)

Разсказалъ случай, съ котораго перестали здѣсь говорить проповѣди чужіе Архіереи:

«Преосвященный Θеофилактъ (скончался въ Грузіи) [83] говорилъ проповѣди на Псковскомъ подворьѣ.»

Въ проповѣдяхъ были личности. Однажды онъ сказалъ: «Вотъ у насъ молодой водитъ стараго» (т. е., Филаретъ, тогдашній Ректоръ Академіи, Митрополита Амвросія). Митрополитъ Амвросій огорчился. Указалъ, въ Синодѣ, Преосвященному Θеофилакту 20-е правило Трульскаго Собора (пріисканное, конечно, молодымъ Ректоромъ Академіи): Преосвященному Θеофилакту надобно было замолчать. А съ того времени молчатъ уже и всѣ Архіереи.» [84]

Митрополитъ Филаретъ въ это время былъ особенно благодушенъ и веселъ: одинъ видъ его радовалъ.

Кстати скажу анекдотъ, слышанный мною въ эти годы въ Петербургѣ:

Преосвященный Θеофилактъ, имѣвшій квартиру въ Александро-Невской Лаврѣ, былъ гдѣ-то въ Петербургѣ, и возвращался въ глубокую ночь.

Недалеко отъ Лавры у него изломался экипажъ. Θеофилактъ вышелъ изъ экипажа. Кликнуты будочники; экипажъ они доволокли до Лавры, иль на скоро зачинили. Θеофилактъ сказалъ имъ: «Приходите завтра ко мнѣ: я васъ поблагодарю. Спросите «Архимандрита Филарета!»

Θеофилактъ видно упалъ изъ кареты (лопнула ось): у него вывалились часы на мостовую.

По утру будочники приходятъ къ Архимандриту Филарету, и просятъ благодарности за вчерашнюю услугу.

Филаретъ сказалъ: «Я никуда не выѣзжалъ; былъ дома.»

Будочники: «Помилуйте. Вотъ вы, упавши съ каретою, выронили ваши часы: вотъ онѣ!»

Филаретъ пріостановился. Вынесъ имъ 25 рублей, а часы взялъ.

Послѣ Филаретъ либо чрезъ келейника, либо лично возвратилъ часы Преосвященному Θеофилакту.

Ровъ изры, пскопа, и паде въ яму, юже содѣла.

Тутъ же сказалъ Митрополитъ Филаретъ мнѣ: «Сего дня (7 Апрѣля) въ Синодѣ читали представленіе Ректора С.-Петербургской Академіи, которымъ онъ проситъ назначить Предсѣдателя въ Комитетъ разсмотрѣнія Богословскихъ Конспектовъ (гдѣ я первый), съ правомъ двухъ голосовъ, и еще проситъ назначить двухъ новыхъ Членовъ: Священника Казанскаго Собора Окунева[85] и Дебольскаго.»[86]

Сдѣлано все по сему представленію. Предсѣдателемъ назначенъ самъ Ректоръ Академіи, а я сдѣлался уже рядовымъ членомъ.

Комитетъ сей сгинулъ, не сдѣлавши ничего. И я ничего не могъ сдѣлать (см. выше), и подъ предсѣдательствомъ о. Николая ничего же не сдѣлано (я былъ приглашенъ раза два), и послѣ того тоже ничего не сдѣлано.

Страсти. Личности. Безпечность общая съ головы до ногъ. Препоны отъ свѣтскихъ.

LVI.

17 Апрѣля, въ день рожденія Наслѣдника Престола (нынѣ Императора) Александра Николаевича, я служилъ въ Казанскомъ Соборѣ съ Митрополитомъ Московскимъ.

На молебнѣ были еще: Митрополитъ Іона и Викарій Венедиктъ.

А вчера, 16 числа, было бракосочетаніе Александра Николаевича.

LVII.

25 Апрѣля, было нареченіе Николая, Ректора С.-Петербургской Академіи, во Епископа Тамбовскаго.

Былъ и я, яко чередный. Были три Митрополита: Серафимъ, Филаретъ, Іона.

Вечеромъ, въ 6 часовъ, я былъ у Митрополита Филарета. Тутъ былъ сперва Протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ. [87] Рѣчи Владыки съ нимъ о бракоразводномъ дѣлѣ какихъ-то Челищевыхъ; потомъ пришелъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ. [88]

Я всталъ, не сказавъ ни слова, поклонился Владыкѣ до земли, что прощаюсь со Владыкою (онъ ѣдетъ въ Москву). Владыка сказалъ: «Ну, прости!» Но вскорѣ: «Да! Еще увидимся; въ Воскресенье будемъ служить.»

Я вышелъ.

Подлинно, 27 Апрѣля, въ Воскресенье, я точно служилъ въ Казанскомъ Соборѣ со Владыкою Филаретомъ. Было рукоположеніе о. Николая во Епископа Тамбовскаго. Владыка первенствовалъ. Были еще два: Митрополитъ Іона и Венедиктъ Викарій.

Послѣ посвященія, вручая новопосвященному Епископу Николаю Архіерейскій жезлъ, Митрополитъ произнесъ ему наставленіе: жаль. мы не слыхали, по тому что были въ алтарѣ, а жезлъ врученъ былъ на Архіерейскомъ амвонѣ. [89]

---

28 Апрѣля я, однако же, опять навязался быть у Митрополита. (Я видѣлъ надъ собою тучи. На меня стали смотрѣть косо и холодно (Графъ, Комовскій, и все, что есть власть). Милостивый Владыка принялъ.

Видя, что я не начинаю рѣчей, Владыка заговорилъ о моей Грамматикѣ: «Хочешь ли, чтобъ я увезъ ее въ Москву, и тамъ прочиталъ, и не отдалъ другимъ?» Я изъявилъ согласіе поклономъ.

Потомъ, подождавъ съ минуту, и видя, что я ничего не говорю сказалъ: «Ну, прости!» Я поклонился въ ноги. Милостивый Владыка облобызалъ меня!

Я вышелъ, обливаясь слезами умиленія.

29 числа Митрополитъ Филаретъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, въ 6 часовъ утра.

---

3 Мая, въ домѣ Протоіерея Іоакима Семеновича Кочетова, гдѣ я былъ съ Преосвященнымъ Николаемъ, послѣ служенія съ нимъ въ Петро-Павловскомъ Соборѣ (въ Крѣпости), я слышалъ живого разскащика, Егора Никитича (перваго курса С.-Петербургской Академіи, свѣтскаго), [30] о Архіереяхъ:

О Митрополитѣ Филаретѣ Московскомъ онъ сказалъ: «Отлично кадитъ; въ служеніи красивъ, но вялъ, какъ бы мертвенъ; ходитъ, будто считаетъ шаги свои; вообще монотоненъ, хотя отлично регуляренъ. Мститъ обидѣвшимъ благотвореніемъ (разсказъ о Священникѣ въ Печатникахъ. Не помню ни имени Священника, ни дѣла.)

LVIII.

Въ Іюнѣ 1831 года я назначенъ Ректоромъ въ Одессу, въ Херсонскую Семинарію.

Меня продержали въ Петербургѣ до Августа. 22 Августа я выѣхалъ, 28 пріѣхалъ въ Москву.

29 числа былъ у Митрополита Филарета.

М. «Ты куда?»

Я.—Въ Одессу, въ Ректора тамошней Семинаріи.»

М. «Уже ли?»

На этомъ «уже ли» и остановилась рѣчь. Владыка не пояснилъ ее.

Напутствовалъ благожеланіями и наставленіями честности, трудолюбія и покорности Архіерею.

---

30 Августа, въ день Св. Александра Невскаго, я былъ у литургіи въ Успенскомъ Соборѣ. Служилъ Митрополитъ. Служеніе величественное, чинное и высоко благоговѣйное.

Здѣсь я видѣлъ всю знать духовную Москвы, а именно:

Архіереи:

Викарій Викентій, рыжеватый. [91]

Ааронъ (Архангельскій). [92]

Діонисій (Пермскій), согбенный старецъ, кроткій. [93]

Архимандриты:

Ѳеофанъ Донской, щеголеватый, но простакъ. [94]

Платонъ Даниловскій—черствая личность. [95]

Мельхеседекъ Симоновскій—мягкій и ко мнѣ ласковый. [96]

Аполлосъ Новоспасскій—гордость и досада уступаютъ дряхлости. [97]

Гермогенъ съ конвульсіями, но осанистый и непринужденный, Андрониковскій. [98]

Іосифъ, Ректоръ Семинаріи, худощавый, однѣ кости..... [99]

Протопресвитеръ.....[100]

Не знаю, какъ я попалъ въ Чудовъ, въ залу, гдѣ Митрополитъ съ сослужащими кушалъ чай.

Владыка былъ веселъ и благодушенъ; жаловался на простуду въ горлѣ, и не соглашался лѣчиться холодною водою (предлагалъ Архимандритъ Ѳеофанъ.)

Со мною не было ни слова.

Я не видывалъ Владыку въ такомъ положеніи—полнаго хозяина, среди своихъ знаменитыхъ чадъ, въ знаменитомъ храмѣ.

Я просилъ у Владыки дозволенія съѣздить на родину (въ Рузу): Владыка промолчалъ. Но мудрое и краснорѣчивое молчаніе!

Побывавши на родинѣ, и возвратясь въ Москву, я 14 Сентября постарался быть у Владыки, чтобы принять благословеніе.

Я стоялъ литургію на подворьѣ. Владыка позвалъ меня послѣ обѣдни.

М. «Ты еще здѣсь? Пора отправляться къ мѣсту.»

Я сказалъ, что завтра выѣду.

М. «Старайся поладить съП реосвященнымъ въ Одессѣ!» [101]

Я умолялъ Владыку взять отъ меня 17-лѣтняго, краткаго ума, мѣшавшагося въ разсудкѣ, Тульскаго родомъ, юношу Андрея.

Владыка согласился, хотя съ досадою.

(А мнѣ ей была мука съ нимъ!)

Я глубоко былъ благодаренъ.

(Андрей умеръ въ больницѣ умалишенныхъ, въ Тулѣ, куда его доставили изъ Лавры Преподобнаго Сергія.)

LIX.

Въ Октябрѣ 1841 года Ректора Московской Академіи, Архимандрита Филарета, избрали во Епископа Рижскаго, Викарія Псковскаго. (На мѣсто Иринарха, котораго уволили.) [102]

Въ Декабрѣ мнѣ написалъ въ Одессу о. Ректоръ С.-Петербург-

ской Академіи, Архимандритъ Аѳанасій: [103] «Ректоромъ Московской Академіи, на мѣсто Филарета, назначили Инспектора той же Академіи, Архимандрита Евсевія. [104] Были рѣчи и о васъ (обо мнѣ): отклонилъ Московскій.»

Я не думаю, чтобы клеветалъ о. Ректоръ Аѳанасій: но могло случиться, что онъ получилъ невѣрное извѣстіе.

Если же извѣстіе вѣрно: то я все же виню себя самого, и отчасти бывшаго Ректора Академіи, Филарета. Будучи раздраженъ противъ меня строгою критикою сочиненій 8 Студентовъ, по просьбѣ покойнаго Преосвященнаго Кирилла, онъ вѣроятно употребилъ все, чтобъ Владыку отклонить отъ принятія меня въ Ректора Московской Академіи. Самъ же Владыка, видя неустойчивость моего характера и много другихъ недостатковъ, вѣроятно нашелъ не успокоительнымъ для себя и не полезнымъ для Академіи мое Ректорство въ его Академіи.

Владыка ко мнѣ былъ ласковъ: но ему же надлежало быть и справедливымъ и попечительнымъ о благѣ Академіи.

Совершилась же воля Божія!

LX.

Въ Маіѣ 1842 года Митрополитъ Филаретъ прислалъ мнѣ изъ Петербуга мою злополучную Грамматику, при письмѣ, въ которомъ снисходительно изъяснилъ мнѣ причины, по которымъ онъ не могъ утѣшить меня напечатаніемъ сей моей Грамматики, даже для Училищъ Московской Епархіи.

Вотъ письмо его ко мнѣ:

«Преподобнѣйшій отецъ Архимандритъ и Ректоръ!

Сдѣланныя на вашу Россійскую Грамматику нѣкоторыми наставниками Московскихъ Духовныхъ Училищъ замѣчанія, вмѣстѣ съ самою Грамматикою, при семъ къ вамъ препровождаю для вашего соображенія.

Естьли о моемъ мнѣніи спросите, къ сожалѣнію, не нахожу себя убѣжденнымъ въ томъ, чтобы достигнуто было желаемое—упрощеніе изученія Русской Грамматики для дѣтей.

Большой камень претыканія — система глаголовъ. Надобно признаться, что новыя * системы ищутъ основанія своего въ духѣ языка,

---

* Т. е., критикъ мой.

а старая * въ образцахъ предшествовавшихъ Грамматикъ чужихъ языковъ.

Можно было бы не заботиться о теоріи для удобности практической: но естьли Грамматика мало будетъ имѣть преимуществъ въ семъ послѣднемъ отношеніи, чѣмъ будетъ она въ состояніи отразить нападенія за теорію?

На сихъ дняхъ изданы 3 тома Филологическихъ Наблюденій Протоіерея Г. Павскаго [105] надъ составомъ Русскаго языка. Вамъ не безполезно познакомиться съ сею книгою прежде вашего рѣщенія о вашей Грамматикѣ. **

Впрочемъ на вашу благонамѣренную и полезную дѣятельность благословеніе Божіе усердно призываю.

Филаретъ Митрополитъ Московскій.

№ 151.
28 Апрѣля, 1842 года.

Одесской Семинаріи Ректору о. Архимандриту Никодиму.»

При Грамматикѣ приложена и копія замѣчаній на нее, сдѣланныхъ, какъ я дознался, Александромъ Евѳимовичемъ Нечаевымъ, Протоіереемъ и Ректоромъ Московскаго Донского Духовнаго Училища.

Это мой товарищъ по Академіи, эминентъ; ибо написанъ въ спискѣ первый.

Здѣсь не мѣсто входить въ состязанія съ цѣнителемъ моей Грамматики.

Но не могу, однако же, не выразить моего сожалѣнія объ озлобленіи, какое выразилъ критикъ не только противъ моихъ познаній, таланта, ума, но и противъ всей моей личности. Такъ что замѣчанія Александра Евѳимовича, по поводу моей Грамматики, суть поношеніе моихъ познаній и укоризна моей личности.

Добрый Владыка принимался было защищать меня (есть его отмѣтки карандашемъ всегда въ мою пользу): но, увидѣвши рѣшитель-

---

* Т. е., я.

** Я ихъ пріобрѣлъ, прочиталъ внимательно (на силу!), и пожалѣлъ о пустыхъ трудахъ умнаго человѣка! Книги сіи меня не исправили.

ное озлобленіе и полную противъ моей Грамматики контру, остановился.

Меня съ Александромъ Евѳимовичемъ и мою Грамматику съ его замѣчаніями разсудитъ потомство.

Скажу, однако же: есть много замѣчаній дѣльныхъ; и если бы онѣ были изложены безъ желчи и униженія моей личности, можетъ быть онѣ послужили бы въ пользу и мнѣ и Грамматикѣ.

Митрополитъ Филаретъ въ этотъ годъ простился съ Петербургомъ и Синодомъ и уже не бывалъ здѣсь до кончины своей. [106]

LXI.

Въ Іюлѣ 1847 года, будучи уже Ректоромъ Курской Семинаріи, я ѣздилъ изъ Бѣлгорода въ Москву и Бронницы, для посѣщенія моей матушки, старушки, овдовѣвшей, поступившей было въ женскій монастырь (на Бородинскихъ поляхъ), но оттуда вышедшей, отъ нетерпѣнія, въ послѣднія лѣта жизни, подчиняться прихотямъ молодыхъ послушницъ.

Матушка помѣстилась у младшаго сына своего, Михаила, бывшаго Священникомъ въ городѣ Бронницахъ.

Я взялъ съ собою, для повадности, Профессора Семинаріи Василія Николаевича Платонова (нынѣ Ректоръ Харьковской Семинаріи, Архимандритъ Веніаминъ.)

Мы пріѣхали въ Москву 24 Іюля. Въ тотъ же день вечеромъ я былъ у Митрополита.

Владыка принялъ меня въ гостиной, и посадилъ противъ себя, сѣвши самъ къ свѣту, а меня посадивъ отъ свѣта. Онъ не спросилъ меня, за чѣмъ я здѣсь, а началъ: «Въ чемъ сущность моего Одесскаго дѣла, и въ чемъ начало его?»

Не готовившись отвѣчать на такой неожиданный для меня вопросъ, я началъ разсказывать хронологически, какъ постепенно завязывался узелъ недоумѣній, раздраженія и открытой вражды.

Владыка нѣсколько разъ меня останавливалъ, указывалъ, гдѣ я ошибался, и сказывалъ, какъ бы мнѣ надлежало дѣйствовать.

Говорилъ: «Напрасно ты представлялъ дѣло твое открытой совѣсти, когда видѣлъ, что съ противной стороны строятъ козни. Противъ козней надлежало дѣйствовать кинжаломъ формъ.

«Ты узналъ, что твою братію противъ тебя возмущаютъ: тебѣ

надлежало употребить противоположное благоразуміе, а именно: по-елику, безъ сомнѣнія, не вся братія противъ тебя, а ты, конечно, зналъ, кто изъ нихъ добросовѣстнѣе и тебѣ преданъ, тебѣ и надлежало тотчасъ сихъ людей привлечь къ себѣ тихимъ и соотвѣтствующимъ положенію дѣла разсужденіемъ. Такимъ образомъ и ты не остался бы одинъ, и противники почувствовали бы и на твоей сторонѣ силу.»

Я сталъ проситься въ Бронницы, гдѣ моя матушка, для которой я и пріѣхалъ, гдѣ мой братъ, и изъяснилъ въ короткѣ цѣль моей поѣздки. Просилъ дозволенія служить.

М. «Когда ты ѣдешь?»

Я.—Сегодня.

М. «Жаль, что спѣшишь» (не знаю по чему).

Я.—Не могу медлить. 26 числа матушка имянинница: хочу утѣшить ее моимъ служеніемъ въ присутствіи ея въ сей день.

М. «Богъ благословитъ!»

И я точно уѣхалъ сего же дня. Ѣхалъ всю ночь, и едва не погибъ, будучи завезенъ въ какое-то болото: ямщикъ—ребенокъ.

Я пробылъ въ Бронницѣ недѣли двѣ. Потомъ, изъ Москвы, не безпокоя уже Владыку, пріѣхалъ въ Лавру и Виѳанію. Въ Виѳаніи былъ въ день Пріображенія, обѣдалъ у о. Настоятеля, Архимандрита Антонія, въ комнатахъ Митрополита Платона, видѣлъ всю знать Лавры, Академіи, Виѳаніи; былъ въ Скитѣ, молился въ Лаврѣ, былъ въ Академіи.

Возвратясь опять въ Москву, 10 Августа, въ Воскресенье, вечеромъ я опять былъ у Митрополита.

Владыка сперва спросилъ о Бронницѣ, о братѣ моемъ, о матушкѣ.

Потомъ сталъ хвалить городъ Бронницу за благочестіе, старшаго Священника Іакова Семенова за усердіе и хлопоты при постройкѣ новаго храма.

Потомъ велѣлъ передать имъ обоимъ (т. е., и моему брату) его сожалѣніе и неудовольствіе за то, что они не пекутся о обращеніи раскольниковъ (ихъ цѣлая треть), не говорятъ проповѣдей.

Примѣтно было, что Владыкѣ хотѣлось завести рѣчь о моей матушкѣ, я отклонилъ. Тутъ могли бы быть рѣчи, которыя не угодны были бы Владыкѣ. Игуменія Марія Тучкова, у коей въ монастырѣ жила матушка, и потомъ вышла, была уважаема Митрополитомъ. Но мнѣ не захотѣлось бы повинить матушку въ побѣгѣ изъ монастыря.

А оправдывая ее, трудно было бы не бросить тѣнь на управленіе монастыря и правительницу. Тонкій и наблюдательный человѣкъ, Митрополитъ, наводя меня нѣсколько разъ на это дѣло, умѣлъ, конечно, прочитать въ моемъ молчаніи, что я затрудняюсь говорить не безъ важныхъ причинъ.

Я сказалъ Владыкѣ, что, выѣхавши изъ Бронницъ въ Москву, я, не останавливаясь, отправился въ Лавру, былъ въ Академіи и въ Виѳаніи.

Владыка молчалъ. Молчаніе краснорѣчивое, хотя и столь ясное, какъ рѣчи.

Владыка опять заговорилъ о моемъ Одесскомъ дѣлѣ. Дивился открытой недобросовѣстности поступковъ тамошняго Преосвященнаго Гавріила (сконч. въ Твери). [107] Дивится, что Синодъ доселѣ не кончаетъ дѣла.

Я сказалъ: «Часть сего дѣла, счетная, передана въ Курскую Консисторію.»

Владыка: «Когда кончатъ въ Синодѣ твое дѣло, ты мнѣ напиши, какъ и чѣмъ будетъ кончено. Это мнѣ нужно для соображеній.»

Спросилъ о моемъ настоящемъ монастырѣ (Николаевскомъ въ Рыльскѣ) и его способахъ. Я сказалъ: «Монастырь порядочный.»

М. «Если тебя заставитъ Синодъ платить деньги Одесскому (Успенскому) монастырю: что ты намѣренъ дѣлать?»

Я.—Платить.

М. «А гдѣ возмешь деньги?»

Я.—Продамъ, что имѣю.

М. «Много ли, полагаешь, насчитать на тебя можно?»

Я.—До тысячи рублей серебромъ.

Потомъ:

М. «Сколько лѣтъ ты монахомъ?»

Я.—Осмнадцать.

М. «Очень довольно!»

Повернулся. Опустилъ голову. Думаетъ.

Тутъ пришелъ Перервинскаго монастыря Игуменъ Шарменъ. Просилъ у Митрополита дозволенія вынести изъ монастыря какую-то икону, пронести чрезъ Москву въ село Хорошево, куда просятъ тамошніе жители: дозволено.

Поданъ чай. Выпили по двѣ чашки.

Я всталъ. Поклонился. Просилъ дозволенія съѣздить на родину въ г. Рузу и въ село Комлево: дозволено. Но я не поѣхалъ: застигла тяжкая болѣзнь.

Въ Москвѣ я имѣлъ пребываніе въ Духовной Семинаріи, новой, что бывшій Остермановскій домъ, [108] у о. Ректора, Архимандрита Филоѳея (нынѣ Архіепископъ Тверскій): вотъ сущій рабъ Божій, кроткій, и братолюбивый и терпѣливый. [109]

Я заболѣлъ желудочною лихорадкою, которая грозила превратиться въ горячку.

Пришелъ праздникъ Успенія Божія Матери. Мнѣ захотѣлось быть въ соборѣ у литургіи въ сей знаменитый день. Я поѣхалъ съ о. Архимандритомъ Филоѳеемъ, назначеннымъ къ служенію.

Служилъ Митрополитъ съ пятью Архимандритами, а шестой Протопресвитеръ, всѣ въ митрахъ. Я не видывалъ такого служенія. Служба благоговѣйная, въ отличномъ порядкѣ: каждый знаетъ свое мѣсто и дѣло.

Съ Херувимской мнѣ стало дѣлаться дурно. Боюсь, что не могу выстоять. Милость Божія поддержала. Я слушалъ и проповѣдь Владыки.

Мнѣ не понравились двѣ вещи: 1, изъ алтаря, сквозь царскія двери, для слушанія проповѣди, пошли всѣ духовные, бывшіе въ алтарѣ, въ рясахъ! Этого еще нигдѣ я не видывалъ. (безъ эпитрахили нельзя пройти сквозь царскія двери, я дотолѣ думалъ, и теперь мыслю такъ же.) 2, Лишь вышелъ Владыка на амвонъ, для произнесенія проповѣди, народъ съ шумомъ потянулся изъ собора, на право и на лѣво. И этого я почти не видывалъ. Въ провинціяхъ наши проповѣди слушаютъ съ глубокимъ вниманіемъ.

Я хотѣлъ было послѣ литургіи тотчасъ уѣхать домой. Но Митрополитъ, замѣтивъ меня въ алтарѣ, послалъ сказать, чтобъ и я былъ на соборномъ обѣдѣ.

Принужденъ быть. Но и принужденъ же былъ выйти изъ за стола: со мною сдѣлалось рѣшительно дурно.

Болѣзнь моя усиливалась. Съѣхались родные меня провожать. Я отягощалъ собою о. Ректора. Сближался срокъ возвращаться къ мѣсту службы. А тутъ громовая вѣсть: идетъ холера отъ Кавказа и несетъ съ собою лютую смерть, идетъ прямо на сѣверъ, широкою полосою, и расширяясь на право и на лѣво. Я увидѣлъ себя въ ужасномъ положеніи. Я долженъ былъ ѣхать въ Бѣлгородъ, на встрѣчу ей.

23 день Августа, промежуточный отъ лихорадки, я доползъ до Митрополита принять отъ него напутственноеблагословеніе. Я скрылъ отъ него болѣзнь мою; не знаю, догадался ли онъ.

Рѣчи короткія. Поговоривъ опять не много объ Одесекомъ дѣлѣ, Владыка сказалъ: «Потерпи не много! Можетъ быть получишь что ни будь получше этого.»

«Когда кончатъ въ Синодѣ твое дѣло, меня увѣдомь.

«Будь остороженъ. Есть холера. Въ Москвѣ уже было случаевъ шесть.»

Я поклонился, и вышелъ, проплакавъ уже дорогою.

Такъ святый и милостивый Владыка заботился обо мнѣ болѣе, нежели я самъ о себѣ.

Но я не извѣстилъ Владыку о рѣшеніи моего дѣла въ Синодѣ. Оно рѣшено, кажется, уже въ 1849 году, и побѣдоносно для меня. Преосвященному Гавріилу (даже въ моемъ Указѣ) написано строгое замѣчаніе о неприличномъ личномъ вмѣшательствѣ его въ дѣла монастыря и о подстрекательствѣ монаховъ къ непослушанію Настоятелю, о неуваженіи справедливыхъ представленій Настоятеля, и о другомъ многомъ; меня же Синодъ упрекнулъ за острыя и неприличныя объясненія Преосвященному и Консисторіи, за несоблюденіе нѣкоторыхъ формъ по отчетности монастырской, по управленію экономіею, и еще кое о чемъ.

Утверждены начеты Консисторіи на меня до 700 рублей; но за то приказано возвратить мнѣ до 2000 рублей, по моимъ претензіямъ.

Дѣло жалкое, безчестное, но само въ себѣ ничтожное.

---

24 Августа, въ Воскресенье, въ самое время обѣдни, я выѣхалъ изъ Москвы, скрывая предъ матушкою и братомъ мое опасное положеніе и ужасы въ будущемъ. За заставою мы простились. Мы ночевали въ Серпуховѣ: болѣзнь моя ростетъ; въ Тулу пріѣхали 25 числа. Я здѣсь былъ дважды Инспекторомъ. Пробылъ 26 число: въ Тулѣ Архіерей [110] обходилъ крестнымъ ходомъ городъ, умоляя о пощадѣ отъ холеры.

За 80 верстъ до Мценска шоссе лишь насыпано. Ожидаютъ проѣзда Государя. Поставлена цѣлая дивизія арміи. Клейнмихель [111] далъ приказъ направлять проѣзжающихъ по вновь насыпанному шоссе, не разбирая никакихъ лицъ, не уважая никакихъ причинъ, ослушниковъ же бить хоть до смерти! (Такъ мнѣ сказали.)

Я ужаснулся. И по хорошей дорогѣ я едва отводилъ духъ, а по этому щетинистому пути мнѣ не проѣхать бы 80 верстъ.

Была схватка моего ямщика (дай, Боже, ему милость!) съ Поля-

комъ солдатомъ, стоявшимъ съ заступомъ, иль ломомъ, на своротѣ съ шоссе. Я опасался смертнаго случая. Полякъ скрежеталъ зубами и посинѣлъ, замахивался заступомъ, изрыгалъ на проѣзжающаго странныя хулы (ямщикъ величалъ меня Преосвященнымъ): я творилъ молитву!

Мы пріѣхали въ Мценскъ 27 числа вечеромъ.

28 поутру, чувствуя себя въ опасномъ положеніи, я позвалъ приходскаго Священника: исповѣдывался и причастился. Причастился уже въ монастырѣ. [112]

Не имѣя уже никакой возможности слѣдовать далѣе, я выпросилъ у Настоятеля здѣшняго монастыря дозволенія побыть нѣсколько времени въ монастырѣ. Дозволено. Здѣсь я пробылъ до 14 Сентября, лѣчился и получилъ облегченіе.

6 Сентября проѣхалъ Императоръ куда-то на югъ.

15 Сентября день моего Ангела, я былъ въ Орлѣ. Былъ у ранней въ приходской церкви.

Былъ у Преосвященнаго Смарагда: [113] здѣсь совѣтъ гражданъ о Комитетѣ по случаю грядущаго гнѣва Божія—холеры: «Уже было до 50 случаевъ,» сказалъ Владыка.

Ѣдемъ далѣе.

Насъ встрѣчаютъ распущенные учители изъ нашей Бѣлгородской Семинаріи: тамъ холера; одинъ Профессоръ скончался.

17 Сентября вечеромъ пріѣхали въ Курскъ. Здѣсь страшная холера прошла тучею, оставивъ по себѣ слѣды крушеній—сиротство и бездомовность, и еще дымяся гнѣвомъ своимъ, какъ бы послѣ смертоноснаго пожара. Въ Курскѣ умершихъ насчитано болѣе тысячи человѣкъ.

Я остановился въ Архіерейскомъ домѣ: Экономъ, Архимандритъ Серафимъ, задушилъ меня разказами разительныхъ пораженій холерою.

18 числа мы выѣхали изъ Курска, ночевали въ Обояни: и здѣсь еще дымится гнѣвъ Божій—холера, хотя въ исходѣ.

Наконецъ 19 Сентября, въ Пятницу вечеромъ, мы достигли Бѣлгорода, своей Семинаріи, своего жилища.

Мнѣ рады, меня окружили, меня заговорили тысячами повѣстей: я благодарилъ Бога, что остался живъ, и достигъ своего мѣста.

Я заговорился о себѣ: простите, отцы святіи! Слишкомъ разительны для меня событія: не могу удержаться молчаніемъ, и есть перстъ Божій!

LXII.

Въ 1850 году я переведенъ былъ изъ Курской въ Ярославскую Семинарію.

Въ послѣднихъ числахъ Маія я былъ въ Москвѣ. Владыка былъ въ Лаврѣ. Мнѣ по дорогѣ.

Я пріѣхалъ въ Сергіевъ Посадъ рано 1 Іюня, въ день Вознесенія Господня. Остановился въ гостиницѣ.

Владыка въ Скитѣ—Геѳсиманія, что на Корбухѣ, 3 версты отъ Лавры. Тамъ служитъ сего дня. Туда отправился и Намѣстникъ [114] съ своею старшею братіею, для составленія соборнаго служенія.

Въ Лаврѣ же, въ соборѣ Пресвятыя Троицы, гдѣ почиваетъ Преподобный Сергій, служили Академическіе ученые: Ректоръ Архимандритъ Алексій, [115] и съ нимъ два знаменитые Профессора и Протоіерея Петръ Спиридоновичъ Делицынъ [116] и Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій, [117] и еще какой-то Баккалавръ, [118] и три Іеромонаха Лаврскихъ.

Хотя первое и главное въ предметѣ у меня было видѣть Владыку, поклониться ему и получить отъ него назиданіе и утѣшеніе: но и святости Божіей я желалъ причаститься у мощей Преподобнаго Сергія, и помолиться здѣсь въ толикій день.

Народу богомольцевъ было такъ много, что, не смотря на то, что я монахъ и Архимандритъ, мнѣ не пройти бы въ соборъ до алтаря: вызвался провести меня, и со мною Профессора Александра Васильевича Горскаго, [119] Лаврскій расторопный Іеромонахъ Евменій, мнѣ знакомый.

Я стоялъ литургію въ алтарѣ, въ Лаврѣ. Служеніе важное, чинное, покойное.

Послѣ литургіи меня увлекъ къ себѣ о. Ректоръ. У него я и обѣдалъ съ Александромъ Васильевичемъ.

Послѣ обѣда, проведя нѣсколько времени въ разговорахъ (нѣкорые мнѣ, впрочемъ, были не нужны и меня тяготили), о. Ректоръ самъ поѣхалъ со мною, чтобъ меня представить Владыкѣ.

О. Ректоръ сперва самъ пошелъ ко Владыкѣ, и доложилъ обо мнѣ. Я позванъ. О. Ректоръ вышелъ.

Владыка, послѣ нѣсколькихъ словъ общихъ, повелъ близкую рѣчь о мнѣ. Воспоминалъ опять объ Одесскомъ моемъ дѣлѣ, которое уже кончено, а Владыка уже видѣлся съ Преосвященнымъ Одесскимъ Гавріиломъ, переведеннымъ въ Тверь (Преосвященный Гавріилъ хотя родомъ Костромской, но доучивался въ Троицкой Лаврѣ и былъ това-

рищъ и сверстникъ Митрополита Филарета),[120] съ которымъ, конечно, была рѣчь и обо мнѣ.

Владыка благъ ко мнѣ и нынѣ, какъ всегда прежде. Жалѣю, что въ то же время не записано въ подробности говоренное.

Говорилъ что-то о странничествѣ. Разсказалъ, какъ онъ, будучи еще Іеродіакономъ, былъ Инспекторомъ Семинаріи или Училища С.-Петербургскаго. Говорилъ, какъ онъ вступилъ въ управленіе Юрьевскимъ Новгородскимъ монастыремъ, будучи уже Архимандритомъ, какъ принималъ и сдавалъ его (1812—1816), монастырь почти разрушенный и исполненный безпорядковъ и безпечностей управлявшихъ. Все это конечно и въ урокъ мнѣ.

Потомъ спросилъ: «Хочешь ли, я напишу о тебѣ Преосвященному Ярославскому? Я поклонился.

Владыка при мнѣ взялъ бумагу и перо, написалъ, запечаталъ и отдалъ мнѣ для врученія Владыкѣ Ярославскому.

Благословляя меня на прощаніи, сказалъ: «Преосвященному Евгенію[121] глубокое почтеніе и поклонъ.»

Пріѣхавши въ Ярославль, я подалъ Преосвященному Евгенію письмо Митрополита Филарета. Преосвященный Евгеній при мнѣ же распечаталъ и прочиталъ почти въ слухъ.

Въ письмѣ Митрополитъ, между прочимъ, пишетъ: «Этотъ Никодимъ не тотъ, что былъ въ Иркутскѣ.» Преосвященный Евгеній сказалъ: «Знаю.»[122]

Подумавъ немного, Преосвященный Евгеній сказалъ: «Мы находимся подъ вліяніемъ судьбы: что будетъ, увидимъ.»

Теперь я вижу и не сомнѣваюсь, что я переведенъ въ Ярославль по мысли и желанію Митрополита Филарета, столь промыслительнаго о мнѣ.

LXIII.

Въ концѣ 1853 года я назначенъ былъ и вызывался въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія.

Я пріѣхалъ въ Москву 30 Декабря, и остановился въ Новоспасскомъ монастырѣ у о. Архимандрита Агапита.[123]

Этотъ день я оставался дома.

31 Декабря, утромъ, пріѣхалъ на Троицкое подворье. Литургія на исходѣ: поютъ Причастенъ.

Я обождалъ у Александра Петровича, Секретаря Владыки.

Доложено обо мнѣ, я позванъ ко Владыкѣ. Вхожу въ залу, иду въ гостиную. Владыка въ рясѣ, въ бѣломъ клобукѣ, стоитъ: видъ строгій, важный, но и улыбка сіяетъ; видѣнъ старецъ увядающій.

Я поклонился Владыкѣ до земли и принялъ благословеніе.

М. «Вы (а не ты) въ Петербургъ на чреду?»

Я.—Такъ.

М. «Но Вы кажется уже были на чредѣ?»

Я.—Былъ, и при томъ болѣе двухъ лѣтъ.

М. «Что вашъ Преосвященный Евгеній здоровъ ли? Знаетъ ли что ни будь опредѣленное о своей судьбѣ?

Я.—Опредѣленнаго кажется не знаетъ, но гадаетъ, что Святѣйшій Синодъ его увольняетъ отъ службы.

М. «Ну, простите! Мнѣ не время.»

Я поклонился, и пошелъ вонъ. Владыка идетъ за мною. Въ залѣ уже выстроились пѣвчіе, и запѣли: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ»..... Отданіе Рождеству Христову.

Когда Владыка со мною говоритъ Ты: это есть либо строгое вразумленіе, выговоръ, либо ласковая рѣчь благодушнаго отца, рѣчь близкая, задушевная, простая.

Когда же скажетъ Вы: тутъ надобно выслушать важную рѣчь Митрополита Московскаго, Члена Святѣйшаго Синода.

LXIV.

14 Февраля, 1854 года, въ С.-Петербургѣ, я посвященъ во Епископа, и назначенъ Викаріемъ въ Казань.

12 Марта, отправляясь къ своему мѣсту служенія, я пріѣхалъ въ Москву, и остановился опять у о. Архимандрита Агапита въ Новоспасскомъ монастырѣ.

13 числа я былъ у Митрополита. Я пріѣхалъ въ концѣ 9 часа утра. Мнѣ сказали келейники: «Сей часъ обѣдня. Митрополитъ идетъ къ обѣднѣ.»

Я имѣлъ глупость настоять, чтобъ доложили. Потребовалъ Владыка. Я вошелъ въ гостиную, поклонился Митрополиту до земли.

Посадилъ. Спросилъ о здоровьѣ Архіепископа Григорія, о его занятіяхъ по дѣламъ раскола, [124] о моей будущей жизни въ Казани.

Владыка долго разсуждалъ о Преосвященномъ Ярославскомъ Евгеніѣ, и о значеніи пребыванія его въ Донскомъ монастырѣ. Находилъ неумѣстнымъ и неприличнымъ передать монастырь въ его распоряженіе. «Для него низко. Нужны хлопоты. Монастырь требуетъ починокъ, поддержки: денегъ нѣтъ. Надобно просить. Это не слишкомъ Архіерейское дѣло. Пусть будетъ Архимандритъ. А для того, чтобъ его не обижалъ, можно выбрать Архимандрита съ небольшими заслугами.» [125]

Встрѣчая меня, Митрополитъ сказалъ: «Поздравляю Васъ въ санѣ Святительскомъ. Слава Богу! Вы наконецъ вышли на просторъ. Желаю доброй службы!»

Владыка заговорился со мною до того, что прошло уже болѣе половины обѣдни (онъ велѣлъ начинать ее). Приходитъ снова келейникъ и докладываетъ: «Поютъ уже... Достойно»... Митрополитъ не много задумался. Потомъ, махнувъ рукою, сказалъ: «Пусть доканчиваютъ. И это служба!»

Однако Владыка скоро всталъ, отпустилъ меня, сказавъ: «Пріѣзжайте завтра ко мнѣ обѣдать, вмѣстѣ съ Архимандритомъ Агапитомъ, во 2 часу.»

Я вышелъ въ восторгѣ и умиленіи.

---

14 Марта, въ 3 Воскресеніе поста, мы пріѣхали съ о. Агапитомъ въ назначенное время. Въ залѣ у Владыки встрѣтили двухъ Архимандритовъ, Іоанникія, Чудовскаго Намѣстника, [126] и Платона Андрониковскаго.

Тотчасъ вышелъ Владыка. Поговорилъ что-то съ Архимандритомъ Агапитомъ. Сѣли за столъ, въ свѣтлой галереѣ, налѣво изъ залы. Столъ изящный, съ рыбою. Митрополитъ держалъ около себя особую бутылку, что-то ало-красное, подобно клюквенному морсу. Насъ потчивалъ виномъ. Былъ говорливъ и деликатенъ. Я сидѣлъ съ правой руки его. Рѣчи отборныя, ясныя, округленныя и интересныя. Владыка даже улыбался легкимъ осклабленіемъ. Я увидѣлъ, въ глубинѣ челюстей его уже нѣсколько зубовъ нѣтъ.

Говорилъ про золоченіе церковныхъ главъ, про сочиненіе Андрея Николаевича Муравьева о Раскольникахъ. [127] Вообще говорилъ, а не молчалъ.

Архимандритъ Агапитъ жаловался на галокъ, тучами насѣдающихъ на кровлѣ церквей, и высказывалъ желаніе стрѣлять ихъ.

Владыка зачиталъ: «Ибо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя: олтари твоя, Господи силъ.» О. Агапитъ замолчалъ.

Со мною Владыка кажется ничего не сказалъ.

Встали отъ обѣда. Владыка отозвалъ меня къ сторонѣ, и указалъ картонный ящикъ, въ коемъ сложено Архіерейское облаченіе (не полное, безъ саккоса и подризника), по золотому глазету шитое «Это Вамъ отъ меня.» Я поклонился Владыкѣ въ землю. Тутъ же и простился.

(Облаченіе это я храню, и употребляю въ важные дни. На палицѣ шелками вышитъ праведный Филаретъ въ одеждѣ вельможи.)

Это было уже послѣднее лицезрѣніе мое блаженнаго Митрополита Филарета.

Я уѣхалъ сперва въ Казань, а потомъ въ Красноярскъ, за четыре тысячи верстъ отъ него.

LXV.

Здѣсь и симъ я кончаю мою память о блаженномъ Митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ.

Есть два письма его ко мнѣ, писанныя въ Мартѣ и Маіѣ 1863 года, относительно монахъ мнѣній о свѣчномъ сборѣ въ церквахъ: но онѣ не могутъ быть объявлены до моей смерти.

Здѣсь только скажу, что и самый гнѣвъ на меня святаго Святителя происходилъ изъ отеческой жалости обо мнѣ, и самъ въ себѣ есть сущая благость и мудрость.

Общихъ сужденій о блаженномъ Святителѣ не произношу, даже и по тому, что я знаю малѣйшую частицу его, въ случаяхъ до меня близко касавшихся: а кто я между толикими сонмами великихъ и славныхъ дѣтей его?

Скажу одно, что умѣю сказать и въ чемъ почитаю себя убѣжденнымъ:

Первое. Митрополитъ Филаретъ былъ совершенный монахъ, чистый дѣвственникъ, хранитель обѣтовъ чистоты.

Второе. Филаретъ готовъ былъ на всякую совершенную добродѣтель, какъ скоро признавалъ себя до нея обязаннымъ, и разсчитывалъ на вѣроятность успѣха.

По сему его не нужно было умолять: довольно предложить добрый подвигъ.

Третіе. Богословствованіе, Догматствованіе, Церковность, Православіе Филарета я признаю совершенными, безъ пятенъ, безъ погрѣшностей, на столько, на сколько я могу понимать все сіе.

Четвертое. Филаретъ есть искренній и сердечный учитель, не льститъ словеса Божія: онъ точно такъ мыслитъ у себя дома, въ тайникахъ души своей, какъ говоритъ.

Пятое. Никто глубже и вѣрнѣе, никто искреннѣе, не доказывалъ священности власти мірской и нужды послушанія ей.

Шестое. Владыка говорилъ красно и изящно языкомъ, одному ему свойственнымъ: иногда есть и щегольство языка. Прощаю ему вседушно: кто безъ сей слабости? Но едва ли кто ни будь имѣлъ ея менѣе, и былъ болѣе извинителенъ.

Седьмое. Доступность ко Владыкѣ (сколько я знаю, и какъ могу судить по опытамъ со мною)—примѣрная, и увы! по опытамъ же моей жизни безпримѣрная!

Съ Филаретомъ говори, что хочешь: будетъ выслушано терпѣливо, не только тогда, когда это есть глупость, ошибка, заблужденіе, но и тогда, когда рѣчь можетъ относиться невыгодно къ его личности. Филаретъ отвѣтитъ, дастъ наставленіе, судя по достоинству предлагаемаго, и во всякомъ случаѣ безъ озлобленія, и особенно безъ мести въ будущемъ.

Филаретъ такъ великъ, что и малаго видитъ и умѣетъ сочувствовать ему.

Осьмое. Я не знаю случая, гдѣ бы Филаретъ взялъ назадъ свое слово, особенно въ дѣлахъ важныхъ и высокихъ: сіе свидѣтельствуетъ не только о высокой его мудрости, но и о правильности ея.

Сколько знаменитостей, даже между Духовными, которыя сего дня утверждаютъ это, а завтра другое, сего дня замышляютъ, а завтра оставляютъ: Филаретъ всегда себѣ вѣренъ.

Девятое. Правда, иногда и Филаретъ уступалъ: онъ видно не считалъ себя сильнымъ, обречь себя на мученичество, и всего вѣроятнѣе, по своей мудрости, не считалъ полезнымъ и нужнымъ для дѣла свое мученичество.

Тутъ, однако же, разсудитъ Богъ!

Десятое. Тѣ, которые иногда прокрадывались къ особенному довѣрію Филарета, не всегда стоили его довѣрія. Это и я знаю, и жалѣю.

Но кто провидитъ все?

Какая ни будь Далида иногда усыпитъ и Сампсона.

Да упокоитъ Господь во царствіи своемъ Преосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Московскаго!

Никодимъ, Епископъ Енисейскій и Красноярскій.

6 Октября, 1868 года.

Красноярскъ.

Дополненіе. Игуменъ Валаамскаго монастыря, Дамаскинъ, человѣкъ безъ всякаго образованія, бывши у Митрополита Филарета (и я былъ тутъ же), въ С.-Петербургѣ, на Троицкомъ подворьѣ, (1842, 3, 4 годовъ) сказалъ:

«У Васъ, Владыка, поютъ пѣвчіе, по новымъ нотамъ и напѣвамъ. Жаль. Лучше бы было, если бы они пѣли по древнему церковному напѣву.»

Я пожалѣлъ было о Владыкѣ, думая, что такого необразованнаго долго бы надобно было убѣждать, что новое пѣніе не ересь. И не зналъ, что́ бы ему сказать надлежало.

Владыка, ничего не думавши, тотчасъ сказалъ:

«Вотъ что, отецъ Игуменъ: И пѣвчіе то же поютъ давно.»

Признаю сей отвѣтъ счастливымъ и единственно приличнымъ и годнымъ на сей разъ и къ такому лицу.

Епископъ Никодимъ.

21 Октября, 1868 г.
Красноярскъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Филаретъ Дроздовъ род. 26 Дек., 1782; обучался сперва (съ 1791) въ Коломенской, а потомъ, съ 1800, въ Троицкой Семинаріи, гдѣ былъ, съ 1803, Учителемъ. Постриженъ въ монашество 1808, Ноября 16. Въ Мартѣ 1809 Инспекторъ Петербургской Семинаріи; 1810 Бакаллавръ Богословскихъ наукъ и Церковной Исторіи въ С.-Петербургской Академіи. Посвященъ въ Архимандрита 1811, Іюля 8. Въ Мартѣ 1812 Академіи Ректоръ и Юрьева Новгородскаго монастыря Настоятель; 1814 Докторъ Богословія. Въ 1816 переименованъ Настоятелемъ Московскаго Новоспасскаго монастыря. Посвященъ во Епископа Ревельскаго, съ оставленіемъ въ должности Ректора Академіи, 5 Авг., 1817. Именнымъ Высочайшимъ Указомъ отъ 15 Марта, 1819, повелѣно быть ему Архіепископомъ Тверской Епархіи и вмѣстѣ Членомъ Св. Синода; 1820, Сент. 26, переведенъ на Епархію Ярославскую; 1821, Іюля 3, Архіепископъ Московскій: прибылъ въ Москву изъ С.-Петербурга въ первой половинѣ Августа. Съ 1826, Авг. 22, Митрополитъ; сконч. 1867, Ноября 19.

2. Наумовъ — Инспекторъ съ 19 Авг., 1814; въ 1822 выбылъ въ свѣтское званіе.

3. Дамаскинъ Россовъ, въ 1809 постриженъ въ монашество и изъ Учителей Перервинской Семинаріи опредѣленъ Проповѣдникомъ въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академію (гдѣ получивъ онъ образованіе), а въ слѣд. году посвященъ въ Іеромонаха. Нѣкоторое время былъ Библіотекаремъ. Въ 1812 Законоучитель С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища, 1814 Архимандритъ Серпуховскаго Высотскаго мон.; въ 1816 переведенъ, сначала въ Московскій Даниловъ мон., а потомъ въ С.-Петербургскую Сергіеву пустынь (на Петергофской дорогѣ), съ оставленіемъ Законоучительской должности; 1819 Юрьевскій Архимандритъ, а съ 14 Декабря Викарій Новгородскій; 1824, Нояб. 6, Епископъ Тульскій; 1850, Дек. 19, Архіепископъ Олонецкій; 1851, Фев. 7, уволенъ на покой и ск. въ Іюлѣ 1856.

4. Евгеній Казанцевъ, съ 1791 учился въ Троицкой, а съ 1800 училъ въ Виѳанской Семинаріи; въ 1804 Префектъ, и постриженъ въ монахи: 1809 Инспекторъ С.-Петербургской Академіи, 1810 Ректоръ Троицкой, съ 1814 Московской Семинаріи, съ 1818 Епископъ Курскій, 1822 Архіепископъ Псковскій. 1825 Тобольскій, 1831 Рязанскій, 1837 Ярославскій, а съ 1854 на покоѣ, съ пожалованіемъ въ Члены Св. Синода и управленіемъ Московскимъ Донскимъ мон., гдѣ ск. 1871, Іюля 27.

5. Платонъ Левшинъ, 1759 Префектъ, 1761 Ректоръ Троицко-Лаврской Семинаріи; 1762 Придворный Проповѣдникъ и Законоучитель Государя Наслѣдника Павла Петровича; 1766 Архимандритъ Троицкой Лавры. 1767 * Членъ

---

* Послѣднее званіе сохранено ему и по посвященіи въ Архіерейскій санъ, въ

Св. Синода, 1770 Архіепископъ Тверскій, 1775, Генв. 21, Московскій, 1787 Митрополитъ; ск. 1812, Нояб. 11.

6. Никаноръ Клементьевскій, по окончаніи образованія въ Троицкой Семинаріи, былъ въ ней Учителемъ съ 1809. Постриженъ 1812, Апр. 9, и въ слѣд. году переведенъ Проповѣдникомъ въ Славяно-Греко-Латинскую Академію. Въ 1814 Баккалавръ Церковной Исторіи при новооткрытой въ Лаврѣ Московской Духовной Академіи, а съ 8 Ноября Архимандритъ. Съ 1818 Ректоръ Виѳанскій, 1826 Викаріи С.-Петербургскій, 1831 Епископъ Калужскій, 1834 Минскій, 1840 Волынскій, 1843 Архіепископъ Варшавскій и Членъ Св. Синода, 1848 Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій; сконч. 17 Сент., 1856.

7. Ѳеодотій Озеровъ, Магистръ Петерб. Академіи 5-го курса (1823), должность Инспектора проходилъ въ Виѳанской Сем. съ 1823 по 1828; въ семъ году опредѣленъ Ректоромъ Оренбургской, а въ 1831 Рязанской Семинаріи; 1837 Викаріи Новгородскій, 1842 Симбирскій, 1856 Архіепископъ; ск. 1858, Авг. 20.

8. Поликарпъ Гайтанниковъ, Магистръ 1-го курса Петерб. Акад. По окончаніи курса въ 1814 Инспекторъ Петерб. Семинаріи; постриженъ въ Декабрѣ того же года. Въ 1817 Архимандритъ, 1819 Ректоръ Петербургской Семинаріи, 1822 Докторъ Богословія. Ректоромъ Московской Академіи опредѣленъ Ноября 4-го, 1824, и тогда же данъ ему въ управленіе Новоспасскій мон.; въ 1835, Дек. 14, уволенъ отъ Училищной службы и жилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, которымъ управлялъ до 1837; въ семъ году, 19 Генваря, скончался.

9. Іеролимъ Нестеровскій, Магистръ 1-го курса Моск. Академіи (1818). Изъ Профессоровъ Виѳанской Семинаріи опредѣленъ Инспекторомъ въ 1822, а въ слѣд. году произведенъ въ Архимандрита и опредѣленъ Ректоромъ Орловской Семинаріи. Отсюда переведенъ въ Вятку; ск. въ Декабрѣ 1834.

10. «Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи,» 1816.

11. Аѳанасій, сынъ Священника Тамбовской Епархіи; 1818 изъ Соборныхъ Іеромонаховъ Намѣстникъ Лавры и Архимандритъ Виѳанскаго мон., сконч. 1831, Февр. 23. Указомъ Импер. Павла 1797 предписано: Архимандритомъ Виѳанскаго монастыря быть всегда Намѣстнику Лавры.»

12. Моисей Егор. Молчановъ, Баккалавръ съ 1821 въ по 1828; проходилъ и должность Секретаря Академіи; ск. 1830, санѣ Священника Покровской, что въ Левшинѣ, церкви (въ Москвѣ).

13. Евлампій Пятницкій окончилъ курсъ въ Московской Академіи со степенью Магистра въ 1820. Изъ Баккалавровъ назначенъ Инспекторомъ той же Академіи 1826. Въ Ноябрѣ 1831 Ректоръ Виѳанскій, 1834 Викаріи Пермскій; 1840 Епископъ Орловскій; 1844 Вологодскій; 1852 Архіепископъ Тобольскій 1856 ув. на покой и сконч. 1862, Марта 12.

14. Филаретъ Гумилевскій, Магистръ Моск. Дух. Академіи 7-го курса. Постриженъ въ монашество 19 Генваря, 1830, и въ семъ году, по окончаніи курса, опредѣленъ Баккалавромъ Церковной Исторіи, 1833 Инспекторъ, 1835 Ректоръ Академіи; съ 1841 Епископъ Рижскій, Викаріи Псковской Епархіи, 1848 Харьковскій, 1857 Архіепископъ, 1859 Черниговскій; сконч. 1866, Авг. 9.

1770 г., п. со времени назначенія его на каѳедру Московскую, остается преимуществомъ Іерарховъ Московскихъ.

15. Соборный Іеромонахъ Дамаскинъ управлялъ въ Лаврѣ письменными дѣлами. Для управленія вообще Лаврой учрежденъ, такъ называемый, Духовный соборъ. Кромѣ членовъ сего Собора, есть въ Лаврѣ другіе Соборяне, т. е., лица, для служенія пріуроченныя къ Соборному Троицкому храму.

16. Маргарита Михайловна Тучкова, на Бородинскомъ полѣ, на мѣстѣ кончины своего мужа, Ген.-Маіора Александра Алексѣевича Тучкова, павшаго со славою героя въ битвѣ Бородинской, воздвигла храмъ во имя Всемилостиваго Спаса; жительствовала при ономъ съ 1826, Окт. 26, и съ разрѣшенія Св. Синода отъ 4 Марта, 1833, основала тамъ женское общежитіе, коего была Попечительницею и Начальницею. Бородинское общежитіе преобразовано было, съ Высочайшаго дозволенія, отъ 1 Генваря, 1838, въ обитель инокинь. Г-жа Тучкова постриглась въ монашество съ именемъ Маріи (1840, Іюня 28), на другой день возведена въ санъ Игуменьи этой обители; сконч. 1852, Апр. 29.

17. А. П. Святославскій ум. въ Февралѣ 1856.

18. Иліодоръ Чистяковъ, 1820 Магистръ 2-го курса Моск. Академіи, былъ съ 1823 Ректоромъ Рязанской и Новгородской Семинаріи; 1832, Марта 13, Епископъ Курскій, 1844 Архіепископъ, 1860 ув. на покой, ск. 1861, Фев. 2.

19. Елпидифоръ Бенедиктовъ, 1825 старшій Кандидатъ Петерб. Акад. 6-го курса, 1826 Магистръ, 1829 постриженъ, съ 1832 Ректоръ Курской и Воронежской Семинаріи, 1842 Викаріи Воронежскій, 1848 Епископъ Харьковскій, 6 Ноября Подольскій, 1851 Вятскій, 1860 Архіепископъ Таврическій, Мая 25 уволенъ; ск. 1860, Мая 31.

20. Анатолій Мартыновскій, уроженецъ Подольской Губ. Послѣ Семинарскаго курса былъ съ 1817 Священникомъ; вдовый, изъ Учителей Подольской Семинаріи поступилъ въ Кіевскую Академію, гдѣ 1822 постригся, а въ 1825 окончилъ курсъ Магистромъ и послѣ остался въ ней Баккалавромъ. Съ 1829 Ректоръ Курской Семинаріи и въ томъ же году перемѣщенъ въ Новгородскую; 1840 Викаріи Пермскій, 1841 Волынской Епархіи, 1844 Епископъ Могилевскій, 1853 Архіепископъ, 1859 Докторъ Богословія, 1860 увол. на покой; сконч. 1872, Авг. 8.

21. Тимоѳей, 1806 окончилъ курсъ въ Славяно-Греко-Латинской Академіи, 1821 постриженъ, 1822 Архимандритъ Смоленскаго Троицкаго мон., 1828 Викаріи Новгородскій, 1834 Епископъ Смоленскій, 1836 Архіепископъ, 1839 ув. на покой; сконч. 1862, Іюля 24.

22. Смарагдъ Крыжановскій, изъ Малороссіянъ. По окончаніи курса въ Кіевской Академіи 1815 и, слѣдовательно, еще до преобразованія оной 1819 г., отправленъ въ С.-Петербургскую Академію въ качествѣ Студента; 1819 Магистръ 3-го курса и Баккалавръ Петерб. Академіи, 29 Авг. постриженъ; 1821 Инспекторъ Кіевской Академіи, 1824 Архимандритъ, 1826 Ректоръ Кіевской Семинаріи, 1828 Виленской, съ 23 Авг. Ректоръ Кіевской Академіи, 1830 Петербургской, 1831 Викаріи С.-Петербургскій, 1833 Епископъ Полоцкій, 1836 Архіепископъ, 1837 Могилевскій, 1840 Харьковскій, 1841 Астраханскій, 1844 Орловскій, 1858 Рязанскій; ск. 1863, Нояб. 11.

23. Серафимъ Глаголевскій, 1785 Учитель Троицкой Сем., гдѣ обучался, 1787 перешелъ въ Моск. Академію и постригся, 1790 Префектъ, 1798 Ректоръ Академіи; 1799, Дек. 25, Викаріи Московскій, 1804 Епископъ Вятскій,

1805 Смоленскій, 1812 Архіепископъ Минскій, 1814 Тверскій, 1819 Митрополитъ Московскій, 1821 Новгородскій, ск. 1843, Генв. 17.

24. Иліодоръ, см. прим. 18.

25. Фотій Спасскій, Новгородскаго Юрьева мон. Архимандритъ, ск. 1838, Фев. 26. Инспекторъ Новгородской Семинаріи, о. Никодимъ, могъ бывать унего.

26. С. Д. Нечаевъ былъ Оберъ-Прокуроромъ съ 1833 по 1836, а преемникъ его, Графъ Н. А. Протасовъ съ 1836 по 1855.

27. Въ бытность Никодима въ Новгородѣ.

28. Инспекторъ М. Академіи, о. Евлампій обозрѣвалъ эту Семинарію, по предписанію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ въ 1829 г.

29. Владиміръ Ужинскій, воспитанникъ Александроневской Академіи, 1809 Учитель Новгородской Семинаріи, 1807 постриженъ, 1811, въ санѣ Инспектора, Архимандритъ Новгородскаго Антоніева мон., 1812 Ректоръ Новгородской Семинаріи, 1816 Настоятель Иверскаго мон., 1819 Викаріи С.-Петербургскій, 1822 Епископъ Курскій, 1831 Архіепископъ Черниговскій, 1836 Казанскій, 1848 ув. на покой; ск. 1855, Дек. 16.

30. Гавріилъ Петровъ родился въ Москвѣ 1730. По окончаніи курса ученія въ Славено-Греко-Латинской Академіи, былъ съ 1754 справщикомъ или старшимъ корректоромъ въ Московской Синодальной Типографіи, съ 1758 Учителемъ Риторики въ Троицкой Семинаріи; въ томъ же году, 28 Іюня, постриженъ, 7 Іюля Ректоръ Троицкой Семинаріи, въ 1761 Академіи, въ которой обучался; 1763 Епископъ Тверскій, 1770 Архіепископъ Петербургскій, 1775 Новогородскій и Петербургскій, 1783 Митрополитъ, 1799 Новгородскій и Олонецкій, въ Декабрѣ 1800 ув. на покой; ск. 1801, Генв. 26. При немъ Петербургская Семинарія, 4 Ноября, 1775, переведена въ Александро-Невскій монастырь (съ 1797 Лавра), и къ ней въ 1788 присоединена Новгородская; а въ 1800 Новгородская Семинарія, въ которой оставались одни низшіе только классы, открыта въ полномъ ея составѣ, по прежнему.

31. Амвросій Подобѣдовъ, 1765 Библіотекарь и Катихизаторъ при Троицкой Семинаріи, а въ 1767 Учитель. Въ 1768 постриженъ и переведенъ въ Славено-Греко Латинскую Академію Проповѣдникомъ; 1771 Префектъ, 1774 Ректоръ Академіи, 1778 Викаріи Московскій, 1782 Епископъ Крутицкій, 1785 Архіепископъ Казанскій, 1799 Петербургскій, 1800 Новгородскій и Петербургскій, 1801 Митрополитъ, 1818 Новогородскій, того же года ув. на покой и сконч. 21 Мая. Петербургская Семинарія еще до него (въ 1797), переименованная въ Александроневскую Академію, при немъ, въ 1809, Фев. 17, преобразована въ высшее учебное заведеніе подъ именемъ С.-Петербургской Духовной Академіи, съ открытіемъ при ней, 1 Марта, Петербургской Семинаріи, въ той же Лаврѣ. Съ 1819 зданіе Академіи находится внѣ Лавры, фасадомъ обращено къ Невѣ.

32. Новгородскую Семинарію обозрѣлъ Филаретъ въ 1815 г.

33. Варлаамъ Успенскій, 1827 постриженъ, 1828 Магистръ 6-го курса Моск. Академіи, Инспекторъ Виѳанскій, 1833 Ректоръ Тульской Семинаріи, 1834 Воронежской, 1837 Курской, 1843 Викаріи Кіевскій, 1845 Епископъ Архангельскій, 1854 Пензенскій, 1860 Архіепископъ, 1862 Тобольскій, 1872 ув. на покой; ск. 1876, Марта 31.

34. Никонъ — товарищъ Никодима.

35. Дамаскинъ. см. прим. 3.

36. Іоанникій Образцовъ, 1817 Кандидатъ 2-го курса Петерб. Ак., 1819 постриженъ, 1825 Ректоръ Пензенской Семинаріи, потомъ Тобольской, 1832 Епископъ Вятскій, 1835 Оренбургскій, 1849 Кавказскій, 1857 увол. на покой.

37. Платонъ Городецкій, Магистръ 7-го курса Петеб. Академіи, 1830 постриженъ, 1831 изъ Баккалавровъ Инспекторъ Академіи, 1837 Ректоръ Костромской Семинаріи, 1843 Викаріи Литовскій, 1848 Псковскій, 1850 Епископъ Рижскій (учреждена Марта 11, 1850 г.), съ 21 Апр. Архіепископъ, 1867 Донской, 1877 Херсонскій.

38. Григорій Миткевичъ, 1831 Магистръ 5-го курса и Баккалавръ Кіевской Ак., принялъ постриженіе; 1833 Инспекторъ Казанской Сем., 1836 Кіевской Академіи, 1838 Ректоръ Ярославской Сем., 1844 Казанской Академіи, 1851 Епископъ Калужскій, 1869 Архіепископъ.

39. Товарищъ Никодима, см. прим. 14.

40. Филаретъ Амфитеатровъ, будучи Учителемъ Орловской Сем., постриженъ 1798; въ той же Семинаріи былъ съ 1802 Ректоромъ, 1804 въ Оренбургской, 1810 въ Тобольской, 1814 Инспекторъ Петерб. Академіи, въ Августѣ Докторъ Богословія и Московской Ак. Инспекторъ, 1816 Ректоръ, 1819 Епископъ Калужскій, 1825 Рязанскій, 1826 Архіепископъ, 1828 Казанскій, 1836 Ярославскій, 1837 Митрополитъ Кіевскій; ск. 1857, Дек. 21.

41. Владимиръ Ужинскій, см. прим. 29.

42. Наѳанаилъ Савченко, 1825 Магистръ 2-го курса и Баккалавръ Кіевской Академіи, 1827, согласно прошенію, Профессоръ Курской Семинаріи, 1833 постриженъ, 1834 Ректоръ Подольской Сем., 1839 Костромской, 1845 Викаріи Петербургскій, 1850 Новгородскій, съ Дек. 19 Епископъ Полтавскій, 1860 Архангельскій, 1871 Черниговскій, 1874 Архіепископъ, ск. 1875, Мар. 4.

43. Наѳанаилъ Павловскій, 1817 Магистръ 2-го курса и Баккалавръ Петерб. Ак., 1819 Инспекторъ Академіи, 1821 Ректоръ Ярославской Сем., 1830 Епископъ Полтавскій, 1834 Псковскій, потомъ Архіепископъ; ск. въ Августѣ 1849.

44. «Поученіе, говоренное въ Духовъ день Іереемъ Василіемъ.» Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., ум. 1792.

45. Высочайше утверждены въ 30 день Августа, 1814.

46. Семенъ П. Красноцвѣтовъ, 1-й Магистръ 8-го курса Петерб. Ак., въ Іюлѣ 1830 опредѣленъ Священникомъ къ Правосл. церкви въ Швейцаріи; въ 1857 Протоіереи Успенской церкви, что на Сѣиной, въ С.-Петербургѣ.

47. Анна Ѳедоровна обвѣнчана съ Великимъ Княземъ 15 Фев., 1796, формально разведена съ мужемъ, 1 Апр., 1820; ум. въ Эльфенау, близъ Берна, 12 Августа 1860.

48. Графъ С. С. Уваровъ, 1833 — 1849.

49. Никодимъ родился въ Московской Епархіи.

50. О преобразованіи Духовныхъ Семинаріи относительно учебной части.

51. Димитрій Петр. Горихвостовъ, Капитанъ Гвардіи, въ 1831 основалъ въ Москвѣ заведеніе для воспитанія сиротъ — дѣвицъ Духовнаго званія, для призрѣнія вдовъ и пожилыхъ дѣвицъ того же званія; ум. 15 Авг., 1846.

52. А. П. Карасевскій ум. въ Декабрѣ 1856.

53. Мелетій Смотрицкій, Архіепископъ Полоцкій написалъ превосходную для своего времени Славянскую Грамматику, изданную въ Москвѣ, 1648.

53. Сербиновичъ, изъ Бѣлоруссовъ, Т. Сов., ум. 1874, Генв. 18.

55. Князья А. Н. Голицынъ и И. С. Мещерскій были Оберъ-Прокурорами Св. Синода, первый съ 1803 по 1817, а второй съ 1817 по 1833.

56. Макарій Глухаревъ, Магистръ 2-го курса Петерб. Академіи, до назначенія къ Миссіи (1829) проходилъ наставническое и начальническое служеніе въ Семинаріяхъ Екатеринославской и Костромской; ск. 1847, Мая 18, на 56 году своей жизни.

57. «Пророческія книги Ветхаго Завѣта (опытъ переложенія на Русскій языкъ.» М., 1863.

58. Т. Ѳ. Никольскій, ум. въ 1848 г.

59. Иннокентій Орловъ ск. 1870, Фев. 9.

60. Тотъ и другой скончались 19 Ноября.

61. Штиллингъ Юнгъ, въ слѣдствіе экзальтированнаго благочестія, впалъ въ мистицизмъ и суевѣріе, и въ этомъ духѣ написалъ многія сочиненія; ум. 1817

62. Эта Библія состоитъ изъ нѣсколькихъ, отдѣльно переплетенныхъ книгъ (одна книга утрачена), и находится нынѣ въ Московскомъ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. На поляхъ ея встрѣчаются краткія выписки изъ Библіи Греческой, Латинской, и изъ толковниковъ, не то обозначены одни толко имена толкователей, не исключая Западныхъ.

63. Г-жа Гіонъ написала изъясненіе на Новый Завѣтъ, переведенное на Русскій языкъ въ 1821, и на нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта.

64. Аѳанасій Дроздовъ, 1823 постриженъ, 1824 Магистръ 4-го курса Моск. Академіи и Бакалавръ, 1828 Ректоръ Пензенской, 1829 Костромской, 1838 Рязанской, 1840 Херсонской Семинаріи, 1841 Петерб. Академіи, 1842 Епископъ Винницкій, съ оставленіемъ въ званіи Ректора Академіи, 1847 Епископъ Саратовскій, 1856 Астраханскій, 1858 Архіепископъ, 1870 ув. на покой, ск. 1876, Дек. 7.

65. Николай Доброхотовъ, Магистръ 3-го курса Кіевской Академіи (1827), постриженъ 1828; изъ Ректоровъ Ярославской Сем. опредѣленъ, 1837, Ректоромъ Петерб. Академіи; 1841 Епископъ Тамбовскій, 1857 ув. на покой ск. 1864, Окт. 21.

66. Аѳанасій Соколовъ. 1825 старшій Кандидатъ 6-го курса Петерб. Акад.; постриженъ и оставленъ при ней Бакалавромъ. 1826 Магистръ, Инспекторъ Псковской Сем., 1828 Ректоръ Харьковской, 1830 Черниговской Сем., 1832 Тверской, 1838 Петербургской, 1841 Епископъ Томскій, 1853 Архіепископъ Иркутскій, 1856 Казанскій, 1866 ув. на покой; ск. 1868, Генваря 1.

67. Въ Августѣ 1840 г. Духовно-Учебное Управленіе предписало Семинарскимъ Правленіямъ: «1. Изъ главныхъ собственно духовныхъ предметовъ Семинарскаго ученія въ особенности приспособить къ обязанностямъ сельскаго Священника Богословіе Пастырское и Собесѣдовательное. 2. Изъ вспомогательныхъ предметовъ преподавать всѣмъ вообще ученикамъ начала Философіи (Логику и Психологію), Россійскую Словесность, Исторію, Физику, Геометрію и языки Греческій и Латинскій. 3) Вмѣстѣ съ тѣмъ ввесть новые предметы, особенно полезные въ общежитіи и житейскомъ быту Священника, какъ-то: Естественныя науки, начала Медицины и Сельское Хозяйство..... 4) Учредить въ Семинаріяхъ приготовительный классъ для кандидатовъ священства...»

68. Кириллъ Богословскій-Платоновъ, изъ Студентовъ Троицкой Семинаріи Магистръ 1-го курса Петерб. Ак. (1814) и Баккалавръ ея, 1817 Ректоръ Полтавской Сем., 1819 Моск. Академіи, 1824 Викаріи Московскій, 1827 Епископъ Вятскій, 1842 Архіепископъ Каменецъ-Подольскій; ск. 1841, Мар. 8.

69. Іона Васильевскій, 1792, по окончаніи курса въ Троицкой Сем., Священникъ въ Калугѣ, 1803 Протоіерей, 1807 Архимандритъ и Законоучитель С.-Петерб. Коммерческаго Училища, 1808 Ректоръ Калужской Семинаріи, 1810 Инспекторъ Петерб. Академіи, 1812 Епископъ Тамбовскій, 1821 Архіепископъ Астраханскій, съ Окт. 1 Экзархъ Грузіи, 1828 Митрополитъ; съ 1832, по увольненіи отъ управленія Епархіей, присутствовалъ въ Св. Синодѣ, въ качествѣ Члена: ск. 1849, Іюня 22.

70. Стурдза, Бессарабскій помѣщикъ, изъ Молдаванъ, одинъ изъ основателей и первый Вице-Президентъ (по 25 Фев., 1842) Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, ум. 1854, Іюня 8.

71. Іосифъ Сѣмашко, 1820 Магистръ Богословія бывшаго Виленскаго Университета, 1821 Священникъ, 1828 Протоіерей, 1829 постриженъ и въ томъ же году Епископъ Мстиславскій, 1833 Литовскій, 1839 изъ Уніятовъ принятъ въ общеніе Православной Церкви, тогда же Архіепископъ, 1852 Митрополитъ: ск. 1868, Нояб. 23.

72. Венедиктъ Григоровичъ, Магистръ 1-го курса Петерб. Ак.; въ 1814, прямо по окончаніи курса, Ректоръ Могилевской, 1829 Виѳанской Семинаріи, 1831 Петерб. Академіи, 1833 Викаріи С.-Петербургскій, съ оставленіемъ въ Ректорской должности, 1842 Епископъ Олонецкій, потомъ Архіепископъ: сконч. 1850, Дек. 7.

73. Іоасафъ Покровскій, Магистръ II-го курса Петерб. Ак., Архимандритъ и Ордин. Профессоръ той же Академіи.

74. Нынѣ Протоіерей Моск. Архангельскаго Собора, Докторъ Богословія.

75. Іероѳей, Патріархъ съ 1851 донынѣ. Въ 1833, въ санѣ Архіепископа горы Ѳаворской, пріѣзжалъ въ Россію для сбора пожертвованій въ пользу Іерусалимской Церкви; возвратился въ 1839.

76. Святитель, когда былъ Учителемъ въ Троицкой Семинаріи, писалъ (въ Апрѣлѣ 1808) къ родственнику-Діякону: «взять готовое (свѣтское платье) я готовъ... При томъ, если уже Вы принимаете на себя трудъ нарядить меня, то не оставьте купить мнѣ шляпу.» Душепол. Чтеніе, 1870, Ноябрь, отдѣлъ 2, стр. 89.

77. Въ 1840 была дороговизна на хлѣбъ.

78. В. А. Левисонъ, по принятіи Правосл. вѣры въ 1840, опредѣленъ въ Академію Преподавателемъ Еврейскаго языка, и вскорѣ наименованъ Ординарнымъ Профессоромъ.

79. Бесѣды на 5 — 11 главы Св. Евангелиста Матѳея. Кіевъ, 1842.

80. Платонъ Ѳиверійскій, Магистръ 9-го курса Моск. Акад., постриженъ 1834 и того же года Баккалавръ: онъ же и библіотекарь (съ 1838), съ 1841 исправлялъ должность Инспектора Моск. Академіи. Ноября 9 Архимандритъ, 1842 Ректоръ Казанской Сем., 1843 Орловской, 1847 Тамбовской, 1852 Владимірской, 1856 Викаріи Новгородскій, съ 31 Іюля Петербургскій. 1857 Епископъ Костромскій, 1868 Архіепископъ: ск. 1877, Мая 13.

81. Василій Ивановичъ Кутневичъ, 1832 Оберъ-Священникъ

Арміи и Флота, 1833 Присутствующій, а въ 1848 Членъ Св. Синода съ присвоеніемъ званія Протопресвитера.

82. Н. В. Музовскій, Оберъ-Священникъ, Придворнаго Благовѣщенскаго Собора въ Москвѣ, Протопресвитерскъ въ 1848 г,

83. Ѳеофилактъ Русановъ, воспитанникъ и Учитель Невской Семинаріи, въ 1792 вступилъ въ монашество, 1795 Архимандритъ Зеленецкаго мон., потомъ Сергіевой пустыни, 1799 Новгород. Иверскаго мон., съ 30 Окт. Епископъ Калужскій, 1807 вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, 1808 Архіепископъ, 1809 Рязанскій, 1817 Экзархъ Грузіи, 1819 Митрополитъ Карталинскій; ск. 1821, Іюля 19.

84. Разсказъ Филарета о томъ же см. въ «Правосл. Обозр.» 1868, ч. 26 стр. 516.

75. Андрей Ив. Окуневъ былъ послѣ Протоіереемъ Исаакіевскаго Собора; ум. 1860, Дек. 23.

86. Г. С. Дебольскій, нынѣ Протоіерей Казанскаго Собора, въ С.-Петербургѣ.

87. Кочетовъ, Протоіерей Каѳедральнаго Петропавловскаго Собора; ум. 1854, Март. 16.

88. Муравьевъ, А. Н., Камергеръ, сконч. въ Кіевѣ, 18 Авг., 1874.

89. Рѣчь эта не была напечатана.

90. Вѣроятно, Егора Полотебнова, не то Егора Лебедева: тотъ и другой — товарищи Кочетова.

91. Виталій Щепетевъ, Магистръ 5-го курса Петерб. Акад., 1823 Инспекторъ Моск. Семинаріи, 1826 Ректоръ Семинаріи, 1833 Петерб. Академіи, 1837 Викарій Московскій, 1842 Епископъ Костромской, 1845 ув. на покой; ск. 1846, Генв. 29.

92. Аарон Нарциссовъ, 1807 Учитель, Катихизаторъ и Проповѣдникъ Моск. Академіи, 1826 изъ Настоятелей Толгскаго мон., близъ Ярославля, Епископъ Архангельскій, 1830 ув. въ Донской мон.; ск. 1842, Генв. 15.

93 Діонисій Цвѣтаевъ, 1800 постриженъ, 1802 изъ Учителей Префектъ, а 1805 Ректоръ Орловской, 1811 Астраханской Семинаріи, 1821 Настоятель Донского мон., съ увольненіемъ отъ Училищной службы, 1823 Епископъ Пермскій, съ 1828 жилъ въ Моск. Богоявленскомъ мон.; ск. 1846, Апр. 24.

94. Ѳеофанъ Александровъ, 1850 переведенъ въ Нѣжинскій Благовѣщенскій мон., Черниговской Еп., а оттолѣ въ Калязинскій Троицкій, Тверской Епархіи, гдѣ и ск. 1852, Окт. 23.

95. Платонъ, съ 1848 Андроніковскій; ск. 1863, Генв. 28.

96. Мельхиседекъ, съ 1851 Новоіерусалимскій; ск. 1852, Генв. 6.

97. Аполлосъ, въ 1851 ув. на покой въ Ростовскій Яковлевскій мон., гдѣ и ум. 1859.

98. Гермогенъ Сперанскій, ск. 1845, Іюня 19. Онъ товарищъ Преосв. Аарона, роста средняго, съ окладистою сѣдою бородой и густыми бровями, походилъ на подвижника.

99. Іосифъ Богословскій, Кандидатъ 6-го курса Моск. Ак., 1828 постриженъ и опредѣленъ Смотрителемъ Перервинскихъ Училищъ, 1829 Инспекторъ, а 1834 Ректоръ Моск. Семинаріи, 1842 Викарій Московскій, 1849 Епископъ Оренбургскій, 1853 Воронежскій, 1860 Архіепископъ, 1864 ув. на покой.

100. Протопресвитеръ Василій Ивановичъ Платоновъ.

101. Гавріилъ Розановъ, въ Окт. 1799 поступилъ изъ Костромской въ Троицкую Семинарію, 1803 Учитель Костромской Сем., 1811 постриженъ и Префектъ Вологодской Сем., 1814 Ректоръ, 1820 Настоятель Толгскаго мон., 1821 Епископъ Орловскій, 1828 Архіепископъ Екатеринославскій, 1837 Херсонскій и Одесскій, 1848 Тверской, 1857 ув. на покой; ск. 1858, Сент. 8.

102. Иринархъ Поповъ, 1817 старшій Кандидатъ Петерб. Ак. 2-го курса и, въ санѣ Іеромонаха, Инспекторъ Орловской Сем., 1818 Магистръ; въ 1819 посланъ въ Италію, въ г. Миланъ, къ домовой церкви Маркизы Терци, урожденной Княгини Голицыной; съ 1824 находился при Посольской церкви во Флоренціи, съ 1827 въ Римѣ, съ 1833 въ Аѳинахъ, а съ 1831 по 1833 былъ Архимандритомъ Толгскаго мон., 1836 Викаріи Тверской, съ 15 Сент. Псковскій, 1841 Воронежскій, 1842 Епископъ Вологодскій, 1844 Кишиневскій, 1845 Архіепископъ, 1858 Подольскій, 1863 Рязанскій, 1867 ув. на покой.

103. Аѳанасій Дроздовъ; см. прим. 64.

104. Евсевій Орлинскій, Магистръ 8-го курса Моск. Академіи, 1832 постриженъ и опредѣленъ Инспекторомъ Виѳанской Сем.; 1834 Инспекторъ Московской Сем., 1838 Моск. Академіи и Архимандритъ, 1841 Ректоръ той же Академіи, 1847 Епископъ Винницкій и Ректоръ Петерб. Академіи, 1850 Епископъ Самарскій, 1856 Иркутскій, 1858 Архіепископъ, 1860 Могилевскій.

105. Герасимъ Петр. Павскій, Протоіерей Малой церкви Зимняго Дворца, ум. 1863, Апр. 7. «Филологическія наблюденія его надъ составомъ Русскаго языка» явились въ 1841 — 1842 гг. Въ 1850 г. вышло новое изданіе этого сочиненія съ прибавленіемъ новой (четвертой) части. Знатоки отозвались о немъ съ величайшимъ уваженіемъ.

106. См. «Письма Филарета къ Г-ну Муравьеву,» примѣчаніе къ 81 ппс., стр. 109 — 110.

107. Гавріилъ Розановъ, см. прим. 101.

108. Моск. Семинарія въ домѣ бывшемъ Графа Остермана помѣщена 1 Ноября, 1844, а прежде была при Заиконоспасскомъ монастырѣ.

109. Филоѳей Успенскій, 1832, по окончаніи курса (8-го), Баккалавръ Моск. Академіи, постриженъ 13 Ноября; съ 1838 Инспекторъ Петерб. Академіи, 1839 Архимандритъ, 1842 Ректоръ Харьковской, съ 1 Сент. Виѳанской, 1847 Московской Семинаріи, 1849 Викаріи Московскій, 1853 Епископъ Костромской, 1857 Тверской, 1861 Архіепископъ, 1876 Митрополитъ Кіевскій и Членъ Св. Синода.

110. Дамаскинъ, см. прим. 3.

111. Графъ П. А. Клейнмихель, Главноуправляющій Путями Сообщенія, 1842 — 1855.

112. Въ Петропавловскомъ мон., Орловской Епархіи.

113. Смарагдъ Крыжановскій, см. прим. 22.

114. Антоній, постриженъ въ 1822 г. въ Высокогорской Арзамасской пустыни; изъ Строителя сей пустыни переведенъ Намѣстникомъ въ Троицкую Лавру и посвященъ въ Архимандрита Виѳанскаго мон., 15 Марта, 1831; сконч. 1877, Мая 12.

115. Алексій Ржаницынъ, 1837 постриженъ, 1838 Магистръ 11-го курса Моск. Академіи, Инспекторъ Моск. Семинаріи, 1843 Ректоръ Семинаріи,

1847 Моск. Академіи, 1853 Викаріи Московскій, 1857 Епископъ Тульскій, 1860 Таврическій, 1867 Архіепископъ Рязанскій, 1876 Тверской; сконч. 1877 г.

116. Делицынъ ск. 1863 г., 30 Ноября.

117. Голубинскій, сконч. 1854, Авг. 22.

118. Священникъ.

119. Горскій, 1860 Протоіерей, 1862 Ректоръ Московской Академіи; ск. 11 Окт., 1875.

120. Гавріилъ Розановъ, см. прим. 101.

121. Евгеній Казанцевъ, см. прим. 4.

122. Никодимъ Лебедевъ обучался сперва въ Костромской Сем., а съ 1823 въ Петерб. Академіи; 1825, Нояб. 20, постриженъ, 1827 Магистръ и Инспекторъ Костромской Сем.; 1829, Мая 19, Игуменъ Луховскаго Николаевскаго мон.. 26 Сент. Баккалавръ Петерб. Ак., 1830 Ректоръ новоучрежденной Саратовской Сем. и Архимандритъ, 1833 Ректоръ Иркутской, 1840 Пермской Семинаріи, 1842 Тамбовской, 1847 Тверской.

123. Агапитъ Введенскій, съ 1852 Настоятель Новоспасскаго мон.; ск. 1877 г.

124. Григорій Постниковъ, 1814 Магистръ 1-го курса и Баккалавръ Петерб. Ак., въ томъ же году и постриженъ, 1816 Инспекторъ Академіи, 1817 Докторъ Богословія и Архимандритъ, 1819 Ректоръ Ак., 1822 Викаріи С.-Петербургскій, 1826 Епископъ Калужскій, 1829 Архіепископъ Рязанскій, 1831 Тверской, 1848 Казанскій, 1856, Авг. 26, Митрополитъ, Окт. 1 Новгородскій и Петербургскій; ск. 1860, Іюня 17. Противъ раскола въ 1855 г. издалъ книгу: «Истинно древняя и истинно Православная Церковь,» 2 части.

125. Евгеній управлялъ Донскимъ мон. съ 1854, а Намѣстникъ его былъ посвященъ въ Архимандрита, съ оставленіемъ въ прежней должности.

126. Іоанникій съ 1861 управлялъ Запконоспасскимъ мон., а въ 1876 ув. на покой.

127. «Расколъ, обличаемый своею исторіей.»

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ